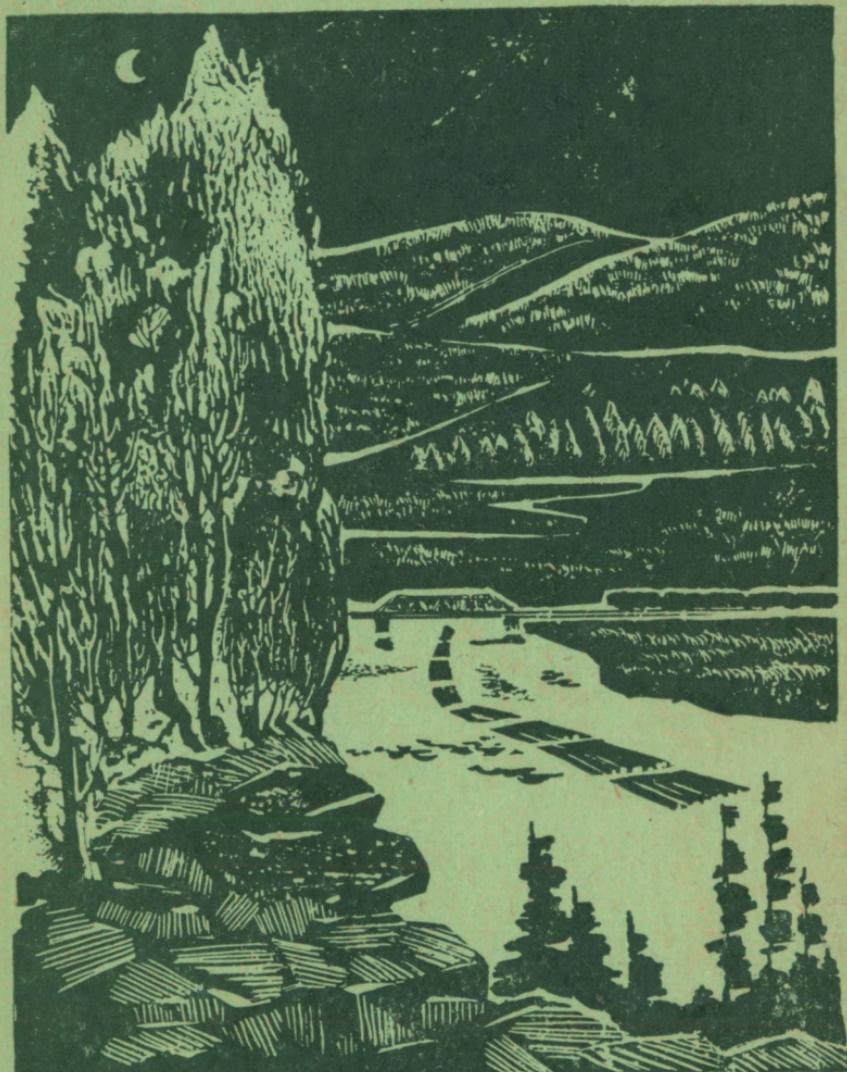

Литературное Прикамье

**СБОРНИК СТИХОВ,
РАССКАЗОВ, ОЧЕРКОВ
О КАМЕ И ЕЕ ТРУЖЕНИКАХ**

Литературное Прикамье

**СБОРНИК СТИХОВ,
РАССКАЗОВ, ОЧЕРКОВ
О КАМЕ И ЕЕ ТРУЖЕНИКАХ**

**Пермское
книжное
издательство
1989**

ББК 84(2)7
Л 64

Составитель **М. Смородинов**
Художник **В. Новиков**

Л $\frac{4702010206-15}{M152(03)-89}$ 38-89

© Пермское книжное
издательство, 1989

ISBN 5—7625—0126—4

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Кама... Стреноженная плотинами трех гидроэлектростанций, степенная в среднем течении, она сохранила свой дерзкий нрав в верховьях, где не чувствуется подпор Камского моря. Не забыть, как кружатся в паводковых воронках глыбищи льда, бревна, плохо перезимовавшая и сорванная с цепей рыбацья лодка, как стремительно и упруго — до стеклянного звона — летит вода. Не такой ли своенравной, перекастистой видели реку Ермак с дружиною, поднимавшиеся в стругах вверх по Каме, что звалась встарь «дорогой на Каменный Пояс»?

Много воды утекло с тех легендарных времен, поредел лес на берегах, изменился характер и облик реки. Вместо ермаковых стругов, вместо первых пароходов, сделанных мастерами Пожвы, бороздят камские просторы «метеоры» и «ракеты», блистают рафинадной белизной многопалубные пассажирские лайнеры; медленно, одышливо тянутся за буксирами полукилометровые плоты; буднично алеют в синей дымке вымпелы над сухогрузами и нефтеналивными судами. Частые гости их экипажей — писатели Прикамья, работники Пермского книжного издательства — шефы Камского речного пароходства. Знакомья подшефных со своим творчеством, с книжными новинками, литераторы стремятся вникнуть в жизнь речников, их труд и быт, уходят с ними в дальние рейсы — на Дон, на Ладогу, до Ленинграда и Медвежьегорска, до Астрахани, на северный завоз.

Непосредственные писательские впечатления легли в основу этой, давно задуманной книги очерков, стихов, рассказов о Каме и ее тружениках, о преемственности флотских традиций, династиях речников. Объединяет ее авторов любовь к родной реке, к ее легендарному прошлому, озабоченность настоящим и дума о будущем.

Алексей Домнин

СКАЗ О КАМЕ

В зачарованную воду
Скалы смотрятся с печалью:
То не камни, то народы,
Люди дней первоначальных.
Жили пращурь, не зная
Ни железа, ни посевов,
Глушь темней была лесная,
Реки все текли на север.
Славен силой молодую
Мудрый Кам * был в век старинный,
Он валун крошил рукою,
Кедр служил ему дубиной.
Но однажды гром, как ворон,
Пал с небес, ломая крылья,
Горы двинулись на горы,
Тропы рекам перекрыли;
И земля качнулась шатко,
Встали льды из океана,
Словно в пышных снежных шапках
Толпы белых великанов;
Волны ринулись лавиной
По таежной дикой шири,
Плач детей и крик звериный
Грозным ревом заглушили...
Утром рев угомонился.
А вода — лесам по горло,
Жив лишь тот, кто хоронился
На спине горы двугорбой.
Птицы падают на берег,
Шкура зверя в белой пене,
И стада промокших белок
На рогах висят оленьих.
Матери исходят криком,

* Кам — хранитель огня, вождь племени.

Старцы смотрят без надежды...
Кам велит готовить лыко,
На ремни порвать одежды!
Он скалу петлей тугою
Переплел, стянув покрепче,
И ее он за собою
Поволок волне навстречу.
Под ногою дно вздыхало,
В глубине тая провалы,
Русло новое пахал он
К дальним южным перевалам.
Жжет ладонь, хрустят ключицы,
И черны от крови губы,
Но вода за ним стремится,
Из тайги пошла на убыль.
Мимо гор чужих и синих,
По степным просторам вольным
Кам бредет, теряя силы,
А за ним вскипают волны.
Шел он медленно и долго,
Серый день сменялся ночью,
Он скалу разбил в осколки,
Истрепал веревку в клочья.
Каменя, глохнет сердце...
И в степи, со смертью споря,
Кам упал утесом серым.
Но река дошла до моря —
Чтоб тайга была зеленой,
Чтоб земля рождала колос,
Чтоб звенел в ночи влюбленной
Соловьиный звонкий голос.
Годы мчатся, словно кони,
Мимо синих камских плесов,
И кипит вода в ладони
Безымянного утеса.
И течет, набравши силу,
Кама, звезды отражая,
Как сказанье о России,
Как судьба ее большая.
В зачарованную воду
Скалы смотрятся с печалью,
У реки и у народа
Свой исток, свое начало.

ОТ ИСТОКОВ...

Жители Прикамья не зря считались всегда отменными речниками. Еще до недавнего времени в Орле-городке — исконной родине камских водников — существовал обычай дарить на свадьбу жениху весло. И когда в 1815 году по Каме начал курсировать первый отечественный пароход, построенный пожвинскими умельцами, его команда состояла из жителей Орла-городка, в том числе лоцмана Павла Андреевича Пирожкова, родоначальника династии, представители которой до сих пор водят суда по речным магистралям.

Кама стала колыбелью многих городов Прикамья: Добрянки, Чермоза, Пожвы, Соликамска, Березников. Благодаря ей они росли, заводили обширные связи. А Пермь в наше время Кама вывела в порты пяти морей.

Большое развитие получило судоходство на Каме, когда в Перми обосновался предприниматель Мешков. Он первым на реке перевел суда на мазут, строил пароходы с более совершенными силовыми установками. Все это позволило ему обгонять конкурентов.

Имя Мешкова было популярным еще и потому, что он с симпатией относился к революционерам. Состоятельный судовладелец вносил денежный залог за выпущенных из тюрьмы деятелей Пермского комитета РСДРП, оказывал помощь бежавшим из ссылок и участникам забастовок, содержал на свой счет стипендиатов, отправлял некоторых для продолжения учебы за границу. Подпольщики звали его «дядей Колей», а А. М. Горький ставил имя Мешкова в ряд с именем Саввы Морозова.

В отличие от Морозова, порвавшего со старой жизнью, не нашедшего пути к жизни новой и покончившего с собой, Мешков с ведома и согласия В. И. Ленина, который еще до революции слышал о нем, был приглашен на работу в Наркомат путей сообщения в качестве консультанта по речному транспорту. В этой должности и приезжал Мешков в 1923 году в Пермь.

Во время гражданской войны камский флот понес огромные потери. Отступая, колчаковцы подожгли в устье

Чусовой около ста судов и барж. Так что флот пришлось создавать заново.

В годы первых пятилеток нагрузка на водный транспорт резко возросла. На берегах Камы и ее притоков строились новые города — Красновишерск, Березники, Краснокамск. В связи с ростом грузооборота в 1931 году создано Камское речное пароходство.

Суровым испытанием стала для речников Великая Отечественная война. Особенно трудной была навигация 1942 года, когда фашистские войска подошли к Волге. Отрезанные от нефти Баку, суда оказались на голодном пайке: перед войной почти все они были переведены на жидкое топливо. Труженики Камского речного пароходства сделали все, чтобы машины судов вновь заставить работать на дровах и угле.

Бакены на Волге и на нижней Каме не зажигались, и самые опытные капитаны вели пароходы по узкому фарватеру на ощупь. Фашисты минировали фарватер, бомбили и расстреливали караваны с воздуха. Для многих матросов и капитанов, смельчаков с Камы, рейсы в осажденный Сталинград стали последними. Но все равно пробивались к его защитникам камские буксиры с баржами, трюмы которых были забиты ящиками с боеприпасами, продовольствием. Опорный край державы, Урал помогал громить врага.

Все пассажирские пароходы переоборудовали в санитарные, тысячи раненых вывезли они из прифронтовой зоны — вверх по Волге и Каме, в тыл. Миллионы кубометров древесины для безлесного Поволжья, тысячи и тысячи тонн грузов для сражающихся советских войск перевезли труженики Камы в тяжкие военные навигации.

В послевоенные годы, когда началось строительство Камской ГЭС, возросло количество грузов для нее и начал интенсивно строиться Пермский порт.

Кама — река многоводная. В ее русле за год протекало свыше ста миллиардов кубических метров воды. Но сток был неравномерен: основная масса воды проходила в весенние месяцы, а летом река мелела, обнажая пески, сильно затрудняя судоходство.

Плотина Камской ГЭС зарегулировала сток воды. Ее уровень выше плотины был поднят на двадцать один метр. На Каме образовалось первое крупное водохранилище — Камское море; подпор воды распространился на 330 километров.

Ушли глубоко под воду злополучные мели и перека-
ты, выпрямилась и сократилась извилистая ранее речная
магистраль. Стали судоходными притоки — Чусовая,
Сылва, Обва, Иньва. Теперь на Камском море не видно
берегов. Его простор сливается с горизонтом. Крутые
волны достигают двух метров.

В таких условиях понадобился новый флот — суда
озерного типа, способные идти по водохранилищу при
любой погоде и даже во льдах. Ведь Камское море за-
мерзает раньше и вскрывается позже, чем сама река.

Расширился радиус действия пароходства. С откры-
тием Волго-Донского канала пермские суда стали ходить
к Азовскому морю, а к навигации 1964 года был открыт
Волго-Балтийский маршрут, по которому пермские реч-
ники вышли на международные линии.

Первый рейс в Ленинград совершил грузовой тепло-
ход под командованием опытного капитана Н. А. Мень-
шакова, пришедшего еще подростком в годы войны на
речной флот. В вахтенном журнале «Кисловодска» запи-
сано, что 19 июня 1964 года, погрузив более двух тысяч
тонн технической соли, теплоход вышел из Березников,
а третьего июля прибыл в Ленинград.

Неузнаваем теперь флот Камы. Ее воды бороздят
теплоходы на подводных крыльях, развивающие скорость
до шестидесяти километров в час.

Дальние линии обслуживают комфортабельные теп-
лоходы «Александр Фадеев», «Вильгельм Пик», «Федор
Гладков», «Ф. И. Панферов», «Владимир Маяковский»
и другие.

Прямыми пассажирскими линиями Пермь связана с
Москвой, Астраханью, Ростовом, а туристские рейсы, в
которых проводят свой отпуск тысячи трудящихся Ура-
ла, совершаются до Москвы, Ленинграда, Астрахани и
других городов.

Не о таком ли путешествии по Каме мечтал когда-то
Антон Павлович Чехов? «Кама — чудесная река, — писал
он из Перми 22 июня 1902 года О. Л. Книппер. — Надо
бы нам как-нибудь нанять для своего семейства паро-
ходик и поехать не спеша в Пермь и потом обратно, и
это была бы дачная жизнь, самая настоящая, какая нам
и не снилась».

Беспрерывно, днем и ночью, идут по Каме грузовые
суда. В их трюмах нефть, бумага, химическая продукция,
машины.

Часто можно встретить на Каме большегрузные плоты. Шестьсот плотов за навигацию, или пятнадцать миллионов кубометров древесины. По-другому — каждый девятый кубометр, который получает страна за год. И ведут эти караваны судов камские водники. Умение управляться на большой реке передавалось от поколения к поколению, как и обычай дарить на свадьбу жениху весло...

Алексей Решетов

* * *

Мне в белые ночи уснуть тяжело:
В ту белую ночь у причала
Орлиночка мне подарило весло.
— Дарю тебе, — тихо сказала.
На Каме-реке есть Орел-городок.
Там, ежели по сердцу парень,
То девушка дарит не свой перстенок —
Гребное весло ему дарит.
Случайный пришелец, откуда я знал
Такого подарка значенье?
И бросил я в Каму весло и сказал:
— Плыви-ка себе по теченью!
Мне в белые ночи уснуть тяжело:
В ту белую ночь у причала
Орлиночка мне подарила весло.
— Дарю тебе, — тихо сказала.

ДУМА О ЕРМАКЕ

Кама-Камушка, раздольная река,
Не тебе ли снятся струги Ермака?
Не твою ли сладку воду под Орлом
Набирал он в златокованный шелом?
Эх, Орел, Орел, уральский городок,
Придержал бы атамана, поберег:
Напоит его из мертвого ковша

Непроглядная пучина Иртыша.
Да нестаточное дело, чтоб Ермак
Меч свой выронил булатный и размяк,
Чтоб ржавел его прославленный топор,
Чтоб не рвалось его сердце на простор.
Он проводит пятерней по бороде, —
Он не даст гулять Кучумовой орде,
Старикам седые головы сымать,
Красных девушек, как веточки,

ломать.

...И плывут, плывут над Камой облака,
Будто души, пережившие века,
Будто войны, погибшие в бою,
Посылают их на Родину свою.
И сияет в поднебесье над Орлом
Солнце, словно златокованный шелом.

Геннадий Солодников

ВETERАН

О черк

Водники праздновали свой профессиональный праздник — День работников морского и речного флота. По Сайгатскому заливу в Чайковском шла разукрашенная флагами расцветивания кильватерная колонна судов. Гремела музыка. Раздавались хлопки выстрелов. С треском лопались в вечернем небе ракеты и разноцветным роем опускались вниз.

К плашкоуту с импровизированной сценой на палубе причалил теплоход «Агитатор». С него сошел Нептун при огромной бороде и сверкающем трезубце в окружении вертких русалок. Вот-вот должен был начаться концерт.

Меня звала к себе компания знакомых речников, расположившаяся на полянке меж кустов неподалеку от набережной. Но я все медлил, не спешил к ним. Мысленно я был на воде, на «Волго-Доне 5029» у Феофана Александровича Шохирева. Я давно поджидал

его в Чайковском, что называется, сидел на чемодане и каждый день названивал в диспетчерскую пароходства.

«Волго-Дон» Шохирева работал на «апатитовой» линии Кама — Медвежьегорск на Онежском озере — Кама. И, как часто бывало в ту навигацию, он задержался при разгрузке в Перми. В порту не было вагонов-апатитовозов, враз встретились у причала несколько груженных судов. Почти одиннадцать суток простоял Шохирев в ожидании разгрузки, потом ушел на Косьву за гравием. Утром я узнал в диспетчерской, что он уже идет вниз и со дня на день будет в Чайковском.

Я невольно думал о Феофане Александровиче, представлял его, наверняка далеко не праздничное, настроение из-за досадного простоя. Уж кого-кого, а Шохирева я знал неплохо и немало лет. Довелось мне с ним однажды плавать. Был он тогда тоже на «Волго-Доне», только первым штурманом. Рейс в тот раз выпал неблизкий и нелегкий: Чайковский — Березники — Ленинград — Питкяранта — Москва — Чайковский. Сравнительно давно это было, но хорошо помнилось и помнится до сих пор, словно только вчера мы покинули Питкяранту на Ладожском озере.

I

Судно стояло у гранитного карьера. Полным ходом шла погрузка. Феофан Александрович вызвал на палубу вахтенного, подал теплоход чуть вперед, чтоб щебенка с транспортера равномерно заполняла трюм, и остановил машину. Белая ночь отцвела, над Ладогой разгоралось солнечное утро.

Феофан Александрович спустился из рубки вниз, в жилой коридор. Было тихо. Лишь в глубине машинного отделения монотонно гудел вспомогательный двигатель. Но что это? Ни дать ни взять — девичье хихиканье. Даже головой тряхнул — поблазило, что ли? Слава богу, дожил: за плечами сорок лет с хвостиком — девки мерещиться стали. Нет. Снова приглушенный говорок и хохоточек. Прислушиваясь, первый штурман пошел вдоль кают. За дверью, где жил разбитной Юрка, явственно были слышны уже два девичьих голоса. Вот вступил в разговор сам Юрка. Послышался еще чей-то хрипловатый басок. Да это ж Петя, приятель Юрки! Только они одни могли до такого додуматься. Штурман осторожно

постучал. Из каюты выглянул Петя, растерялся на миг, но тут же вышел в коридор, плотно прикрыв за собой дверь... Он не финтил, не оправдывался:

— Фан Саныч, Юрка тут ни при чем. Это я гостей привел. И вахтенный ничего не видел. Он как раз на носу был, а мы с кормы прошмыгнули. Вы не подумайте чего... У нас все в норме.

— Ну вот что, — строго сказал первый штурман. — Так называемых гостей сейчас же — на берег. А потом мы об этом еще поговорим.

Он, может, и не поверил бы Петру, тот мог просто-напросто выгораживать товарища, да факты были на его стороне. Юрка до четырех утра нес вахту в машине. А у Пети ночь была свободная, он вечером подменился и ушел в город. А вообще-то на Юрку это больше похоже. Все вроде бы ничего: в армии отслужил, после демобилизации окончил зимой курсы мотористов-рулевых, стал плавать. «Романтика, — говорит, — потянула». Да только слишком по-своему он эту романтику понимает. Развинченный какой-то парень, безалаберный. Ребятам с похвальбой рассказывал, что в армию нарочно в стройбат напросился, чтоб не просто отслужить, но и подзаработать. В военкомате знали его — как же, лучший в райцентре футболист! — уважили просьбу. Юрка действительно и денег поднакопил, и несколькими строительными специальностями овладел. Да что толку! Тут же спокойненько, со смешком, толковал корешам, как на прощанье засел в аэропорту в ресторане, погулял так, что чемодан с вещами потерял.

Вот она, его романтика! Ненадежный парень. Неряшливый, матерщинник. Хорошо, хоть не скрытный — весь на виду.

Петя — другой, пожалуй, посложнее. Феофан Александрович толком его еще не раскусил. И не скоро, наверное, поймет. Но вот привлекает он чем-то, нет в нем свойственного некоторым молодым скепсиса, этакого наплеватьства на все и на всех. А, казалось, могло быть наоборот.

Несмотря на молодость, Петя уже хлебнул кое-чего в жизни. Мать оставила его совсем еще малышом у бабки. А когда подрос, сам не пошел к матери с отчимом. Рано остался он и без бабушки. Житейская волна так тут его закрутила, что чуть было не вышвырнула навсегда на грязную отмель. Его счастье, что недолго это дли-

лось и все хорошо обошлось. Дальше паренек жил несколько лет у тетки в Москве. Работал, получил заводскую профессию. А вот не сиделось на месте, потянуло куда-то. Товарищ уговорил поехать в Чайковский, податься на речной флот... Петя тоже закончил курсы мотористов-рулевых. Собирается поступать на заочное отделение речного училища.

И внешне он отличается от разболтанного Юрки. Модные усики, бачки и вся прическа всегда аккуратно подправлены. Одевается по-современному. И не просто, как некоторые, крикливую тряпку натянет — все у него подогнано, отутюжено. И в словах излишней грубости нет.

Очень хотелось Феофану Александровичу, чтоб из парней люди хорошие получились. А они, видишь ли, выкинули номер...

Вскоре на судне состоялось общее собрание. Вопросов было много, но решали их коротко, по-деловому. Капитан доложил об итогах за месяц, назвал лучших работников. Тут-то и вспомнили о Петре. Конечно, и Юрку помянули, и того, кто на вахте стоял в ту ночь.

Капитан со своей обычной категоричностью и немногословием заявил, как отрезал:

— Гостей на судно приглашать можно, но только в дневное время и лишь с моего разрешения.

И Петю ко всему прочему полностью лишили премии за месяц. Суровое наказание, если учесть, что при том перевыполнении плана она составила ни много ни мало сорок процентов от основного оклада. Ну, да по заслугам...

Потом обсудили расход средств на коллективное питание, выбрали очередного «артельщика» и постоянную ревизионную комиссию-тройку. Попутно был разговор о чистоте и порядке на камбузе, в кают-компании и вообще на судне. Скромно высказала свои жалобы на парней повар, пожилая женщина. Вроде можно было бы и кончить собрание.

Но нет, Феофан Александрович решил заострить внимание на некоторых мелочах, свести их воедино, чтоб ребятам впредь неповадно было.

— Повар тут верно говорила, — заметно нажимал он на «о». — Что это за мода — хлеб ломать без надобности... Кому охота за вас объедки доедать. А может, в воду его? Чего церемониться!.. Нет уж, взял кусок, так

доешь. А не хочешь — не ломай больше... Тут не в копейке дело, а в порядке и порядочности нашей...

Так он размеренно говорил о разных разностях. Ребята растаскивают посуду по каютам, не моют ее, вовремя не возвращают, а перед самой едой, когда повар и без того занят, грязные тарелки суют ей на стол... На обед опаздывают. Повару пора отдыхать или за новую работу браться, а она вынуждена какого-нибудь засою ждать... Сами все на судне красят, сами же пачкают. Мазутными руками белые стойки лапают. В хорошей рубашке тут уж не прислонишься...

Говорил он спокойно, словно сам с собой. Густые, широкие брови время от времени недоуменно поднимались вверх, толстые губы обиженно морщились, и все его полное смуглое лицо выражало такую неподдельную боль, что знающие за собой грешки парни опускали глаза или с нарочитым безразличием поглядывали по сторонам.

К такой манере Феофана Александровича разговаривать с молодыми я уже привык, а вначале она поразила меня. Первые случаи, когда он по-отечески пытался кого-нибудь пожурить, даже вызывали раздражение. «И чего это он придирается по мелочам?!» Однажды он сделал замечание на удивление застенчивому мотористу-матросу:

— Что же это ты, Коля, так вырядился? Как-никак малярничаешь...

Задело это меня. Да и Коля растерялся. Он действительно был в чистых брюках и рубашке и только что красил леерное ограждение на шлюпочной палубе. Красил тщательно, осторожно. Все-таки не новичок на воде: закончил речное профессионально-техническое училище, навигацию плавал на пассажирском судне.

— Это хорошо, что ты не пачкаешься. Не то что некоторые, — неторопливо продолжал Феофан Александрович. — Но лучше бы робу надел. В ней работаешь смелее. И, само собой, больше сделаешь. А тебе все время надо помнить, как бы ненароком не запачкаться.

И как он это объяснил, так сразу встало все на свои места. Богатый личный опыт надо иметь, чтобы так проникать в суть мелочей. А опыта Феофану Александровичу не занимать. Потомственный речник, выросший в Слудке, старинном селе камских водников, он в первый послевоенный год, совсем еще пацаном, стал матросом на

катере. На его глазах изменялся, совершенствовался флот.

И сам он рос вместе с ним.

Ветерану есть о чем рассказать молодым речникам. То вспомнит, как при нем впервые катер сел на мель. То с предельной откровенностью поведаст случай, где он сам, к тому времени рулевой, по незнанию вывел небольшую плавлавку на песчаную косу. То еще какую-нибудь байку выдаст...

— От Елово до Оханска ни одной деревни близ берега нет, где б не довелось побывать, — вдруг начинает он вроде бы ни с того ни с сего. Но теплоход как раз минует Оханскую переправу, и все настораживают уши: что-то дальше будет? — Раньше ведь как — все на берегу покупали. Колпита в помине не было. Каждый для себя старался продукты подешевле взять... Пошли мы как-то с механиком. Удачный был заход. Механик сотню яиц вместе с корзиной купил. Довольнехонек... Разгорелся до того, что барашка ему захотелось. Подавай ему барашка, и все. Дело к осени, почему б не взять... В одном дворе нашли. Долго механик обрабатывал хозяина, цену сбивал. Наконец сторговались. Ладный барашек. И в такую цену! Я бы тоже взял, да одному не для чего... «Ну, — говорит хозяин, — помогайте барашка иметь». Стали мы втроем в загородку его загонять. Не дается, шельмец. Гоняли мы его, гоняли по двору. Со всем было настигли, а он как вскочит! Прямо в корзину с яйцами. Да еще копытами притопнул-переступил. «Такой-сякой! Туды-сюды! — понес на хозяина механик. — Плати за яйца!» «Да ты что, милоч, одумайся, — не растерялся мужик. — Мне-то с каких паренок платить за изъян? Барашек-то небось уже твой...»

Пустячок? Можно и так считать. А если к нему — еще? Да не один, и все разные?

— Давненько это было. Я тогда, правда, уж вторым штурманом работал на волготанкерском буксире. Привели мы в леспромхоз на Колве нефтянку с горючим. Как уж вышло, не знаю, только лесорубы на зиму без солярки оставались. Не дотянуть бы им до весны, до северного завоза. Вот нас и послали... Радости было на берегу! Встретили нас и проводили, как дорогих гостей. Главный инженер при прощании долго с парохода уйти не мог, всем подряд руки жал. «Двадцать лет, — говорит, — в этих краях проработал, но чтоб в октябре, ко-

гда по реке сало поплыло, горячее нам доставить — до весны с запасом — такого еще не бывало».

Побежали мы вниз, на Вишеру уже вышли. Здесь и подкараулила беда. Ночью, в кромешной тьме — мокрый снег густо лепил — посадил первый штурман пароход на мель возле самого берега. Самим слезть — и думать нечего, жестко сели, а пароходов на воде — считанные единицы. Пока одного дождались, пока он за другим сбегал... Сколько тросов порвали, кнехты у нас кормовые выворотили, буксирные арки повалили! И все — без толку... Привезли из Тюлькино прочный трос, завели его через иллюминаторы на корме, с борта на борт — не могут стянуть. А время идет: вода уходит, и лед вокруг всерьез встает.

Наконец пришел приказ: пароходам, нашим спасателям, взяты порожнюю нефтянку и уходить, нам оставаться на своем судне. А мы, наоборот, приготовились покидать его, дрова перетаскали на другой буксир, мазут перекачали. Впопыхах про все про это даже толком не сообразили, после уже опомнились, когда все бросили нас. Спихватились — и жрать нечего. Ладно, у капитана оказался припасенный для себя мешок ржаной муки, а у механика была куплена мелкая картошка для козы. Так и тянули: калачи ржаные пекли да похлебку картофельную варили. Лед хоть плохо держал, но мы накидали на него досок, жердей и на берег наострились. Нашли штабелек дров, потихоньку пилили их, кололи и перетаскивали на судно.

Однажды появился на берегу человек, кричит что-то, руками размахивает. А не близко — не разглядишь толком, кто это. «Ну, — думаем, — лесник. Даст он нам за дрова!» Сидим, носа на палубу не показываем. А доски мы, когда с берега уходили, унесли с собой: не попадешь к нам. Потом только в бинокль разглядели: на нем форма речная. Пошли встречать-принимать. Батюшки! Это ж наш непосредственный начальник — Пермского районного управления «Волготанкер»... До Чердыни долетел самолетом, потом на перекладных, а под конец пешком добирался. А мы-то думали, что совсем бросили нас.

Тут, на счастье, потеплело, вода на прибыль пошла, вокруг парохода полынья большая. Решили сниматься с мели своими силами во что бы то ни стало. Вымотались — слов нет! Заводили якоря, работали и машиной, и буксирной лебедкой. Слезли ведь! Сами не верили, а

слезли... В Пермь идти даже не думали, спустились вниз, выбрали место поудобней для зимовки — возле деревни в устье речушки. Стали на зимние квартиры, в баньке попарились, обживаемся. Но котел на пароходе не гасим — мало ли чего. Да и начальник перед отъездом дал такой наказ. И вдруг в самом конце месяца — оттепель! Снялись мы с якоря и побежали домой. В Заозерье пришли на честном слове — от плиц остались одни спицы да пальцы. Быстро отремонтировались и до настоящего льда успели еще в Чермоз и Слудку сходить. Была навигация!

Так вот — рассказ за рассказом. А для молодых, которые лишь родились в те годы, когда штурман-ветеран с непогодой на Вишере воевал, встает за ними живая, пусть и недавняя, история. И, глядишь, то один, то другой невольно сравнит, сопоставит: что тогда на реке было — что теперь есть. Сравнит и задумается. А это очень большое дело — у человека, особенно молодого, мысль расшевелить.

Да к тому же Феофан Александрович иногда внешнюю бесхитрость свою сознательно отбрасывает, прямо говорит, чего бы он от парней хотел. Вот появилась на судне центральная газета речников с условиями приема в Ленинградский и Горьковский институты водного транспорта — первому штурману на целый день разговоров. То Сане-боцману, то практикантам из речного училища подсунет газету. Нате, дескать, читайте да на ус мотайте. Через год уже самостоятельно будете плавать, чего время зря терять, сразу и — в заочники. А про мотористов-рулевых и говорить нечего. Тут он сам все им не один раз растолковывал: когда, куда и какие документы подавать, чтоб стать заочником Пермского речного училища. Для наглядности и убедительности себя не забывал в пример ставить. Вот, мол, я в годах уже, в свое время окончил отделение стажистов при училище, курсы разные, а диплом настоящий только-только получу. Но получу все-таки! А вам-то, молодым, сам бог велел. Ну, уж если учиться не собираетесь, тогда, честно говоря, и плавать вам ни к чему. Тогда лучше сразу на берегу окапываться, там выбирать свою жизненную тропу.

Умеет первый штурман человека по-хорошему задеть, нащупать в нем нежную струнку. Не случайно он больше всех занимался с практикантами. Да что практикан-

ты! Он и меня мимоходом за живое зацепил. Когда выходили в Ладогу, Феофан Александрович развернул на штурманском столике морскую карту озера, придавил ее морскими же грузиками, выложил специальную параллельную линейку, транспортир. В общем, все то, что раньше на речных судах и не увидел бы, что сейчас стало вещами обычными, обиходными.

— Ну-ка, Геннадий Николаевич, сможете прокладку сделать, компасный курс определить? Не забыли еще?

Бог ты мой! Больше двадцати лет я параллельной линейки и в руках не держал. От волнения даже дрогнули пальцы. Что там надо: узнать по карте величину магнитного склонения в этом районе, какое оно — «вестовое», «остовое», — учесть его годовое изменение, принять во внимание девиацию компаса на данном курсе? Не сразу все вспомнил, медленно, очень медленно рассчитывал курс, хотя дело это минутное. Зато радости сколько было, когда справился со всем и ошибки не допустил. Выиграло что-то во мне. Много ли человеку надо!

Такую же ликующую, искреннюю радость увидел я в глазах Феофана Александровича, когда мы встретились с ним осенью уже после окончания навигации.

— Поступили ведь парни в училище! — рассказывал он. — Трое: и Петя, и Коля, и Виталий. Молодцы ребята!.. Да, а Виталий у нас женился в конце лета. Не слышали?.. Повар специально списалась с судна, место освободила, чтоб молодые были вместе. Жена у Виталия закончила курсы поваров...

Когда я пришел на «Волго-Дон», моториста-рулевого Виталия на судне не было. Его на несколько дней оставили в базе флота для устройства личных дел. Он должен был догнать нас в Казани. Но мы прошли ее гораздо раньше, чем предполагалось, и парень отстал. Пробовал настичь нас на «перекладных» скоростных судах — ничего не вышло. Тогда кинулся он поездом в Череповец — опять не успел. А деньги еще в Казани кончились, не думал же он, что так получится. По воде-то ладно, бесплатно везли. А на поездках? Тут Виталий обращался к милиционерам-транспортникам. С их помощью и добрался до Ленинграда.

Теперь, когда Феофан Александрович рассказал мне про женитьбу Виталия, я понял, по каким личным делам оставался он на берегу. И еще подумалось мне: уж, конечно, прежняя повариха, хотя и плавала последнюю на-

вигацию, раньше времени с судна ушла наверняка не без доброй подсказки первого штурмана.

Таков уж он есть, этот словоохотливый, добродушный штурман-ветеран.

II

И вот, спустя шесть лет, я снова у Шохирева, уже капитана, на «Волго-Доне 5029».

На судне 5840 тонн гравия, осадка три метра девяносто сантиметров. Хотя вода нынче на редкость большая, шлюз в Городце пропускает суда с максимальной осадкой 3-30. В Чебоксарах предстоит паузка — выгрузка части гравия.

Еще на Каме, перед Соколками, Шохирев связался с диспетчером, беспокоился: 1300 тонн надо выгрузить для Чебоксарского автохозяйства. Не будет ли там задержки? Предупредить надо их заранее. Ответили: «Не задержитесь».

День был пасмурный после ночного нудного дождика. В 14-00 подошли к местечку Гремячий, не доходя Чебоксар. В 15-00 плавучий кран бросил на берег первый ковш гравия. Второй такой же кран довыгружал баржу-приставку по соседству.

Феофан Александрович неоднократно просил диспетчера, когда освободится второй кран, подвести его тоже к нам и ускорить паузку. Ни в какую: то, дескать, другое судно еще подойдет, то у нас для второго крана места мало, пятое-десятое... Так и ковырялся в нашем трюме один кран. Правда, закончил паузку довольно быстро, к 21-00.

Настроение у капитана стало лучше. Побежали дальше.

Вечер был словно на заказ после череды дождливых хмурых дней. Солнце садилось круглое, обрезное. Клонясь к земле, темнело, наливалось каленым жаром. Прикоснувшись к горизонту, словно плющилось, ровно растекалась по всему овалу густая краснота. Так и потонуло, не послав напоследок ни единого проблеска-лучика.

Нет, не изменился за эти годы Феофан Александрович. Все такой же. Так же любит вникать во всевозможные, казалось бы, мелочи, наставляет молодых.

Днем я присутствовал при его разговоре с третьим штурманом. Он учил его, как надо платить деньги тем, кто в данный момент на судне отсутствует.

— По-настоящему надо заботиться о других, — внушал он штурману. — Лучше сразу почтовым переводом отослать, чем сдавать на депонент. Тебе как приятней и удобней было бы: сразу денежки на почте получить или с тратой времени, с волокитой — с депонента? Сразу. То-то же...

Молодой штурман правильно понял совет старшего. Согласно кивнул головой, ушел с просветленной улыбкой.

Перед капитанской ночной вахтой мы сидели с Феофаном Александровичем у него в каюте. Разговор шел о разном. Мы давенько толком не виделись, и ему хотелось, вероятно, выговориться.

Капитан говорил о старшем сыне. Случилась у того стычка с хулиганами. Сыну разбили голову. Кое-как врачи отходили. Потом над хулиганами состоялся суд. Все хотели свести к обоюдной драке. Парни попались с подерживающей рукой. Пришлось обращаться в областную прокуратуру и прочие инстанции. Писали в «Комсомолку». Тогда только состоялся пересуд. Вольных молодцев наказали по заслугам.

И, что характерно, младший сын Шохирева занялся боксом. Для общего физического развития, само собой, и чтоб умело дать при случае отпор нападающим...

И о работе много мы говорили с Шохиревым в тот рейс. До Медвежьегорска было еще далеко, а Феофан Александрович — все о нем, о Пергубе, о Пергубском автоматизированном причале, где суда загружают апатитами. Из головы не выходил злополучный предыдущий рейс, когда простояли в Перми более десяти суток.

В Медвежьегорске, помимо апатитов, можно грузиться железорудным концентратом. Апатиты требуют особых условий. Их нельзя мочить. И в Перми их выгружают в специальные крытые вагоны — апатитовозы.

В прошлый раз Шохирев втайне надеялся на железорудный концентрат. Знал: в Перми с разгрузкой апатитов будет пробка. Звонил в министерство. Там все-таки настояли на апатитах. Вообще-то он предполагал, что так и будет, стал грузиться раньше. Когда была получена из министерства окончательная команда, у него до конца погрузки оставалось каких-то пятнадцать минут... Дежурный в министерстве заверил капитана: за время пути пробка в Пермском порту рассосется. Да не тут-то было...

— Всегда можно выдумать причину, — заключил Феофан Александрович. — Дескать, неполадки в трюмном хозяйстве, подмочить груз можем и так далее. Но ведь это все надо обосновать, объяснить технически грамотно. Если поставить цель — план любой ценой, можно сделать его. Только потом тебе же все, как говорится, дороже обойдется, боком выйдет...

Нет, слова «совесть» Шохирев не произнес, даже не заикался о ней. Но суть разговора сводилась к одному: совесть тоже надо иметь. Чрезмерная деловитость, пробойность не вредны, когда они не вступают в конфликт с человеческой совестью. Именно так я и воспринял главное в нашем разговоре.

После паузы в Чебоксарах некоторое расслабление и благодущие среди командного состава судна было очень кратковременным. Не успели провести профсоюзное собрание, обсудить кое-какие текущие вопросы, а мимо уже проплывает Горький, впереди — Городец. Опять волнение: застопорят, не застопорят в Балахне? Много ли воды в Городецком шлюзе?

Прошли Балахну — не остановили. В 22-00 вошли в пятнадцатый шлюз. Слегка задержались в межшлюзовом бьефе и — дальше.

Феофан Александрович связался через Горький с Пермью. Говорил о том, что у диспетчеров там нет правильной информации. Городец шлюзует суда с осадкой не на 3-30, а на 3-50. Попутно узнал, какова обстановка в Пермском порту с разгрузкой. Сведения получил вполне утешительные.

Шохирев, когда он в рубке, часто берет в руки график движения всех камских «Волго-Донов», особенно апатитовозов. Он сам его ведет и постоянно в курсе: кто где, куда и откуда идет. Предположительно рассчитывает, где и сколько судов скопится на такое-то число, сколько примерно придется простоять самим.

Проходим под железнодорожным мостом в Костроме. Феофан Александрович верен себе. Смотрит старый вахтенный журнал — сколько они в тот раз шли от Костромы до Медгоры — так речники сокращенно называют Медвежьегорск. Считает. Получается, что через трое суток будут там. «Двадцать часов по норме на выгрузку. Погрузка. Значит, через сутки сможем выйти обратно». Считает и дальше — до Перми.

Первый штурман смеется:

— Ну, мы, Фан Саныч, с вашими расчетами далеко уйдем. Не надоело считать-гадать?

Но Шохирев со своего не своротит. Он продолжает прикидывать, когда полностью пройдут через разгрузку в Перми все «Волго-Доны», которые там сейчас с апатитами и которые еще могут подойти.

Тут же распорядился дать телеграмму в Петрозаводск, в Беломорско-Онежское пароходство, чтобы в темпе обеспечили выгрузку и погрузку. Мало ли что, поговаривают на встречных судах: апатитов завезено в Пергубу мало. Вдруг нечем будет грузиться. Опять простой?

Что ж, настоящий хозяин судна, каковым является капитан, так и должен поступать, чтобы не работать на авось, вслепую. Так сказать, реальная забота о конечном результате — главном итоге своего труда...

Труд трудом, но Шохирев никогда не забывал и о полезном отдыхе команды. Перед обедом каждый день по внутренней трансляции звучал призыв: «Волейбольным командам собраться в диптанке для игры». Сам в играх участвовал обязательно. После — душ на корме, на открытом воздухе, если позволяет погода. Потом обед и — на вахту.

В Медвежьегорский порт мы пришли в пять утра, именно в тот день, как рассчитал заранее Шохирев. К 24-00 закончили выгрузку и сразу — в Пергубу под погрузку.

Я вышел на причал в 6-30 утра, чтобы успеть на рабочий автобус, следующий в город. Мой путь лежал дальше — в Петрозаводск.

Загруженный «Волго-Дон» тут же отошел от причала и взял курс домой, на Каму.

НА ПОГРУЗКЕ

Челны.
Элеватор.
Зеленые горы.
Катают на тачках
Зерно зимогоры...
Работали ночью,
Вчера и сегодня.
Трещит под ногами
Бессменная сходя.
На отдых в казарму
Ползешь на карачках.
«Э-эх, тяжела ты,
Мешковская тачка...»
Старый чувашин,
Товарищ по нарам,
В песне тоскует
По Чебоксарам.
Плечи прикрыты
Дырявою кофтой.
«Лыка, мочала,
Колоколов-то!»
По берегу Волги,
По берегу Камы
На наши скелеты
Наставлены храмы...
Челны.
Элеватор.
Зеленые горы.
Катают на тачках
Зерно зимогоры.
1916

Стихотворение в несколько ином варианте было опубликовано в 1916 году. За это автор, бывший бурлак и грузчик, был уволен с волчьим билетом, то есть с правом проживать в любом населенном пункте не больше суток.

Бескозырки плыли по течению вниз.
Правое, товарищ Маркин, ваше дело,
И вернется к жизни
«Ваня-коммунист»...

Олег Селянкин

ТИХОНЯ

Рассказ

Буксирный пароход-плотовод как мог быстро перебирал по воде плицами. За его кормой перекатывались взлохмаченные ветром, седые от пены волны. Желтая вода кипела у борта и яростно бросалась к клюзам, из которых выглядывали массивные лоснящиеся якоря. Встречный ветер рвал полотнище флага и раскачивал спасательный круг с надписью «Снег».

Петр Яковлевич Карпов, капитан парохода, стоял на мостике около переговорной трубы. Руки он заложил за спину, а сам немного наклонился вперед, чтобы противостоять ветру; обветренное круглое лицо, за которое его в детстве звали Шанежкой, расплылось в улыбке. Он счастлив и рад, что бьются о борт волны, а встречный ветер свистит в снастях. И это легко объяснимо: без малого десять лет прослужил Петр Яковлевич на торпедном катере, вот и тоскливо ему, когда не шипит у борта вода, когда не свистит в ушах ветер. Казалось, с годами должна исчезнуть или притупиться страсть к большим скоростям, но тридцатипятилетний капитан радовался ветерку, как мальчишка, начитавшийся морских романов.

Далеко буксирному пароходу до торпедного катера! А с плотом на буксире скорости и вовсе не разовьешь. Зато, поставив плот, как сейчас, на якоря, Петр Яковлевич отводил душу и за новым приказом шел всегда самым полным ходом.

Была у Петра Яковлевича и еще одна слабость, оставшаяся от былой службы на торпедных катерах: любил лихо подлететь к пристани, а около бакенов проходил на таком расстоянии, что казалось просто чудом, как они не превращались в жалкие обломки.

— Петр Яковлевич! «Заря» под яром стоит. К нему подойдем или повыше к берегу приткнемся? — спросил из рубки штурвальный Устюгов.

— Вали прямо к борту, — ответил Карпов, а про себя подумал: «Тихон, поди, сейчас чаек попивает, ну я к нему, выходит, в самый ответственный момент и на-гряну!»

Тихон Акимович Сушин — капитан «Зари». Он на во-семь лет моложе Петра Яковлевича, но дружба между ними настоящая. Только в одном вопросе расходились их взгляды. Не одобрял Сушин любви Карпова к большой скорости и лихим маневрам, называл это чудачеством. Даже особую тетрадь завел, в которую записывал все налеты Петра Яковлевича на пристани и бакены.

— Придет время — покажу ее тебе. Когда прочтешь, самому стыдно станет, — сказал как-то Тихон Акимович.

— Ну, эти штучки ты брось! — рассердился Петр Яковлевич. — Аварий за мной не числится, высокое начальство замечаний не делает, а ты расшумелся! У са-мого-то, небось, кишка тонка пристать с полного хода? Тихоня ты, вот кто! А что тетрадку завел — пиши, пиши. Ее, бумагу, для того и делают...

Случалось, ссорились, вернее — вспыхивал Петр Яковлевич и уходил, хлопнув дверью. Но мир скоро вос-становливался, они снова искали встречи друг с другом. Сегодня такой случай неожиданно представился — оба здесь должны были брать топливо на обратный путь, вот и не терпелось Петру Яковлевичу поговорить с товари-щем, сгонять партию в шахматы, и он спросил у штур-вального:

— Добавим еще оборотов?

— Куда еще добавлять-то? — заворчал тот. — И так несемся как бешеные... Да и волна играет. Как бы не побить «Зарю».

— Чего ей сделается, если даже и жиманем малость? Ишь, по всему борту кранцы развесила, — усмехнулся Петр Яковлевич, но хода увеличивать не стал.

Едва швартовы прочно легли мертвыми петлями на чугунные кнехты, Петр Яковлевич перепрыгнул на палу-бу «Зари» и спросил у пожилого матроса, поправлявшего большое бревно на цепи — кранец:

— Капитан у себя или в диспетчерской?

— В каюте, — ответил тот и, как показалось Петру Яковлевичу, неторопливо пошел по палубе, ощупывая

кранцы, осматривая швартовы, свернутые аккуратными кольцами.

Спокойный тон матроса, его неторопливая, вразвалку, походка не понравились Карпову. У него на пароходе все на вопросы отвечали бодро и не ходили, а бегали по палубе. Как и положено на настоящем корабле. «Эх, Тихон, Тихон! Сам все время с оглядкой живешь, вот и команда у тебя сонная... Или на малых оборотах всю жизнь пройти хочешь?» — подумал он, подходя к каюте капитана, потом рванул на себя дверь и почти прокричал с порога:

— Здорово, начальство! Почему гостя не встречаешь? Или не доложили?

Человек, в спину которого он выпалил все это, оглянулся, отступил на шаг в сторону, и тогда Петр Яковлевич увидел своего дружка. Тихон сидел за столом и что-то записывал в уже знакомую Петру Яковлевичу тетрадь. Сразу стало неуютно и жарко.

— О тебе всегда несколько докладов. Вот и боцман сейчас доложил, — сказал Тихон Акимович, протягивая руку с длинными музыкальными пальцами.

Карпов испепеляюще глянул на человека, уступившего ему дорогу. Тот не опустил глаз.

— Если не государственная тайна, то чего он тебе доложил? — спросил Петр Яковлевич, стараясь за напускной беспечностью скрыть смущение. Он знал, о чем мог доложить боцман: во время швартовки самую малость не учел силу ветра, излишне сильно навалился, ну и сорвал один кранец.

— Кранец ты у нас сорвал, вот что, — продолжая писать, подтвердил его догадку Тихон Акимович.

— Кранец сорвал? — с притворным ужасом переспросил Петр Яковлевич, но тут же продолжил с явным пренебрежением: — Это бревно? Скажи пожалуйста, беда какая!.. Сейчас скомандую своим матросам, и они тебе мигом два притащат!

— Не надо. Мы тоже сами их делаем... Идите, боцман, — по-прежнему ровным голосом произнес Тихон Акимович; только острые скулы его порозовели.

Друзья остались одни. Немедленно Петр Яковлевич подошел к столу, сел напротив Тихона и спросил:

— Тогда зачем шум подымать? Подумаешь, кранец!

— Не в кранце дело, — вздохнув, ответил Тихон Акимович, подошел к прямоугольнику окна и продолжил: —

Мог и посильнее навалиться, тогда аварии не миновать бы.

Среднего роста, с узкой грудью и худощавым лицом, он спокойно стоял перед приятелем. И тому стало неловко под его укоризненным взглядом; Петр Яковлевич понимал правоту его слов, но сдаваться не хотел, хорхорился:

— Впервые вижу пророка в клеше!

Неожиданно из-за верхней кромки берегового обрыва вывалилась огромная туча с синеватым отливом; и ветер, попавший в узкий коридор между ней и рекой, рванул с неистовой силой. Река мгновенно поседела, а гребни волн, еще недавно лишь угрожающе шипевшие, вдруг сорвались, поднялись над водой и потоками обрушились на прижавшиеся к берегу пароходы. Окно будто пленкой покрылось, и стало темно, как поздним вечером.

Но здесь, где стояли пароходы, было еще сравнительно спокойно: высокий гористый берег защищал от ветра, да и волны, ударявшиеся о борта, были гораздо меньше тех, которые разыгрались на середине реки.

И тут Петр Яковлевич вспомнил, что еще сегодня утром он получил предупреждение о приближающемся шторме. Теперь ему стало понятно, почему ни его, ни «Зарю» не пустили к топливной базе. Хотя и служил раньше Петр Яковлевич на море, не относился с презрением к речным бурям, как некоторые бывшие моряки. Волна здесь, конечно, не такая внушительная, даже грозная, как на море, но ведь и условия плавания другие. В море — простор, свобода маневра, а ты находишься на прочнейшем корабле, который словно врыт в воду. Такой корабль не скоро повалишь! Здесь, на реке, — другое дело. Здесь узкий фарватер вьется между отмелей, дресв и каменных гряд; сам пароход мелко сидит в воде, и ветер, как в парус, упирается всей своей мощью в надстройки, толкает, тащит к губительным камням.

— Я пошел на свой, — сказал Петр Яковлевич, надевая фуражку и закрепляя под подбородком ее ремешок.

Тихон Акимович только кивнул: в такие моменты капитан обязан быть в рубке своего парохода.

Едва Петр Яковлевич вышел из каюты, как ветер, вырвавшийся из-за козюховых кают, упругой волной ударил под козырек, ремешок лопнул, и фуражка исчезла в волнах.

Пароходы стояли борт о борт, но, когда Петр Яковлевич закрыл за собой дверь рубки своего парохода, на нем уже не было ни одной сухой нитки. Но больше всего удивило, даже возмутило то, что косою дождь хлестал в открытое смотровое стекло, а штурвальнЫй Устюгов сидел в углу на своем высоком стуле и, поглядывая на реку, жевал бумажную кромку огромной самокрутки. Многие мог простить человеку Петр Яковлевич, но только не равнодушия к своему пароходу. Вот и подскочил к штурвальному, крикнул ему в лицо:

— Закрыть не можешь, чертова кукла?

Устюгов не обиделся, в ответ тоже крикнул что-то, но до Петра Яковлевича донеслось лишь одно слово:

— ...ветер!

ШтурвальнЫй понял: из-за почти непрерывных раскатов грома и воя ветра капитан не слышит его; тогда он просто ткнул пальцем в сторону окна. Туда же внимательно посмотрел Петр Яковлевич. Стекла не было. Мгновенно пришла и догадка: ветер выдавил его. Небо словно расколосось, метнув ослепительную молнию в одинокое высокое дерево, стоящее на противоположном берегу. И оно вспыхнуло, несколько минут по нему плясали языки пламени, а потом их смыли потоки воды.

При вспышке следующей молнии Петр Яковлевич увидел маленький пассажирский пароход местной линии, выползающий из-за водяной завесы. Обычно шеголявший своей белизной, он как бы полинял за минуты урагана. Его сейчас серый корпус почти лежал бортом на волнах. Левое колесо вращалось в воздухе, изредка касаясь лишь пенных гребней. Он, бессильный бороться с волнами и ветром, медленно, но неумолимо приближался к каменному осередку. И еще — из свистка парохода вырывались беззвучные клочки пара, которые свирепый ветер мгновенно смешивал с косыми струями дождя. Петр Яковлевич догадался, что пароходик звал на помощь. Настойчиво звал: с минуты на минуту он сядет на камни осередка, а там... Там волны непременно разобьют его...

Жалко пароходик, но еще больше людей, и Петр Яковлевич принял решение. Он шагнул вперед, дернул проволоку свистка, и сигнал отвала, известный всем речникам, заметался над рекой.

Когда ветер оттолкнул «Снег» от берега, Петр Яковлевич мельком взглянул на «Зарю». Она тоже давала

отвальный. На ее мостике стоял Тихон. «Куда он бежать собирается?» — только и подумал Петр Яковлевич и сразу же забыл вопрос: для него сейчас главным был тот пароходик, который из последних сил цеплялся за свою жизнь.

На открытом плесе ветер дул в полную силу. И мгновенно выдавил еще одно стекло, а спасательный круг, годами висевший на поручнях, вдруг приподнялся и мелькнул в волнах белым пятном.

Пароходик уже прижало к осередку. Петр Яковлевич видит людей, мечущихся на палубах, красное днище и даже какого-то мужчину, который торопливо и неумело закреплял спасательный пояс на пожилой женщине.

Приземистому буксирному пароходу ветер не так страшен, и Петр Яковлевич решил подойти поближе к осередку, там подать буксир, снять пароходик с камней и отвести под защиту правого гористого берега.

Между судами остались считанные метры. Немедленно взвился бросательный конец и, подхваченный ветром, упал на палубу пароходика. Сразу несколько человек подхватили его. Еще секунды, и Петр Яковлевич приказал:

— Выбирай!

Команда вырвалась произвольно, сама собой и без надобности: несколько пар рук торопливо уже тянули к себе пеньковый шнур. Еще немного, и из волн вынырнула стальная петля... Вот она уже ложится на кнехты.

— Крепи буксир!

«Снег», который давно уменьшил ход до самого малого, плохо слушался руля. И ветер умело воспользовался этим, поднажал и навалил его на пассажирский пароходик. Этого могло бы и не случиться, если бы... Сколько этих «если бы» встречается человеку в жизни!..

В узком промежутке между бортами судов вода кипела, словно в котле. Попав в тупик, волны дыбились, сшибались друг с другом, и фонтаны выброшенной с силой воды то и дело окатывали пароходы. Один из таких фонтанов, неожиданно возникающих у борта, и ударил с силой в лицо матроса, который держал в руках стальной трос и лишь на мгновения опустил его. Эти мгновения и решили все: пока снова подтягивали трос, пока накладывали его петлю на кнехт, ветер и поднажал, навалил «Снег» на пассажирский пароходик. И тот накрепился еще больше...

В бессильной ярости Петр Яковлевич выругался. Он клял и ветер, и волну, так не вовремя выстрелившую фонтаном, и матроса, на мгновения не совладавшего со своими нервами. Однако самой справедливой руганью дела не поправишь, нужно немедленно отходить, но как? А ветер торжествует, все сильнее наваливает «Снег» на пассажирский пароходик. Положение создалось такое, что вот-вот сам его раздавишь...

Мысленно и себя безжалостно обругал Петр Яковлевич: ведь знал же, что при навальном ветре нужно подходить, предварительно отдав якорь!.. Нарушил правила, пренебрег, посчитал мелочью, а теперь расхлебывай!..

И вдруг рядом раздался гудок. Петр Яковлевич оглянулся. Прямо на него полным ходом шла «Заря». На ее мостике стоял Тихон. Он вцепился руками в переговорную трубу, наклонился к ее раструбу и не спускал глаз со «Снега».

«Вот шальной! Только того и не хватает, чтобы и ты навалился на пароходик!» — подумал Петр Яковлевич.

Но в тот самый момент, когда промедление губительно, «Заря» вдруг круто повернула носом против ветра, а еще через секунды бросательный конец упал на палубу «Снега».

Пока крепили буксир, Петр Яковлевич все смотрел на «Зарю». Ее корма, разворачиваемая ветром, прошла в считанных метрах от носа «Снега», и Петр Яковлевич отчетливо видел сосредоточенное спокойное лицо знакомого матроса. Едва стальной трос буксира обвился вокруг шпиля, матрос сделал какое-то неуловимое глазом движение, выпрямился, поднял левую руку, и Тихон приказал дать ход. Трос медленно, словно нехотя, полез из воды, натянулся, и нос «Снега» начал поворачиваться навстречу волне.

Скоро и «Снег» дал ход.

— Заходим!.. Подавай буксир, а я поддерживать тебя буду! — прочитал Петр Яковлевич сигнал товарища и, забыв про все правила обмена сигналами, радостно закивал, махнул рукой, дескать: «Понял, действуй!»

Теперь все было значительно проще: «Снег» осторожно, поддаваясь ветру, полз кормой к пассажирскому пароходу, а «Заря» на стальном буксире поддерживала его.

Минут через тридцать все три судна стояли уже под

защитой правого берега. На их палубы и крыши кают падали ветки и мелкие камни, сброшенные ветром с обрыва, но все это было пустяками по сравнению с тем, что выпало пережить недавно.

А потом капитан пассажирского пароходика сердечно благодарил за помощь Петра Яковлевича и Тихона Акимовича. Вернее — Петра Яковлевича: Тихон Акимович сразу же спрятался за его спину.

Петр Яковлевич, слушая слова благодарности, угрюмо молчал. Его рука, словно деревянная, лежала в горячей ладони капитана пассажирского пароходика. Было тяжело не только слушать слова благодарности, но и смотреть в глаза этому взволнованному капитану, и Тихону, и матросам. Карпов точно знал, что сегодня меньше всех заслуживает благодарности. Не будь рядом «Зари», не поторопись она — кто знает, как бы еще все сложилось. «Может, так бы помог, как утопающему, которому спасательный круг с моста прямо на голову сбросили», — подумал он.

Еще часа два бушевал ураган, и когда он уже начал стихать, в дверь каюты постучались.

— Да, да! — немедленно отозвался Петр Яковлевич и почему-то заволновался.

Вошел матрос с «Зари» и сказал:

— Тихон Акимович просил вам передать.

Матрос ушел, а Петр Яковлевич развернул пакет. В нем оказались знакомая тетрадка и записка:

«Горячка! Поостынь, прочти на досуге и подумай. А когда в Новоильинске плоты принимать будем — приходи. Разговор есть».

Подписи не было.

КАПИТАН КАТЕРА

Ивану Дацкевичу

Белорусские снились ему незабудки.
И домой бы уже возвращаться пора,
Только вот повстречал он девчонку из Слудки
И остался на Каме водить катера.

Все могло бы, наверно, случиться иначе —
Возвратился бы парень в родительский дом,
Если б только не вспыхнули очи пермячки
Голубым, нестерпимо горячим огнем.

Годы быстро летят.
Все начать бы сначала.
Подводить еще рано житейский итог.
...Вот отходит опять от речного причала
В дальний рейс лесосплавский старик катерок.

Все как будто вчера: и речное раздолье,
И на отмелях узких — сырые пески,
Только время своей горьковатой солью
Присолило чуть-чуть капитану виски.

Путь рассчитан давно до последней минутки,
Значит, к сроку свой катер на рейд приведет,
Хоть и сбавит опять возле маленькой Слудки
Хорошо отработанный в плаванье ход.

Пусть тряхнет его снова осенняя качка
И река захлестнет перекатной волной,
Лишь бы только вослед посмотрела пермячка
И, как чайка крылом, помахала рукой.

БЕЛЫЙ ПАРОХОД

Былое реже видится с годами,
Но сколько лет сквозь сердце ни пройдет,
Мне не забыть, как тихо плыл по Каме
Наш госпитальный белый пароход.

Он плыл вперед под серым небосводом,
Держа в верховья дальние маршрут.
И резко пахло фронтовым йодом
Из пароходных маленьких кают.

А мы, войной помятые солдаты,
Для рот стрелковых стали не нужны,
И пароход, минуя перекаты,
Нас увозил подальше от войны.

Еще с врагом не кончен поединок —
Мы вновь пойдем в атаку на врага.
И долго-долго факелы рябинок
Нам жгли вослед родные берега.

Мы шли вперед навстречу ночи белой,
И нам солдатки с пристани речной
Несли кульки с малиной переспелой
И пироги с начинкою грибной.

Нам сон смыкал тяжелые ресницы,
И в полутьме казалось нам не раз,
Что по воде-то шлепают не плицы,
А мамы масло пахтают для нас.

...Былое реже видится с годами.
Жизнь, как река широкая, течет.
Все дальше-дальше медленно по Каме
Плывет мой госпитальный пароход.

* * *

Снова осень встречать на Урале
И на миг, позабыв обо всем,
Видеть мне, как заречные дали
Полыхают прощальным огнем.
Видеть снова, как ежится Кама,
Слушать вновь, как в сосновом бору
Долбит клювом железным упрямо
Старый дятел сухую кору.
И понять вдруг, что четкой границы
Между прошлым и будущим нет.
Что опять это все повторится
Через год...
Через тысячу лет.

В ВЕРХОВЬЯХ *

Хроника одного плавания

Зима в тот год на Урале выдалась ровной — без су-
ровых морозов и неожиданных оттепелей, многоснеж-
ной. И ранней весной синоптики обещали паводок выше
нормы.

Последнее обстоятельство волновало всевозможные
противопаводковые комиссии, но радовало речников, ле-
сосплавщиков: чем больше воды, тем легче идти судам,
тем дольше продлится навигация в камских верховьях.
Следовательно, успешнее пройдет завоз грузов на север
Пермской области и отправка оттуда плотов.

Капитан буксира-плотовода «Озерный-207» Евгений
Изотович Черепанов тоже пребывал в добром настроении.
Седьмого апреля специальная комиссия приняла после
ремонта его судно, и теперь он ожидал команды следо-
вать вверх по Каме. Пока без груза, легкачом. С ле-
докольной приставкой, чтобы вместе с ледаколом «Кама»
проложить во льдах коридор для первого каравана. Лед,
особенно на водохранилище, тает долго, медленно, ждать
чистой воды в пору, когда дорог каждый час, — значит,
заведомо завалить северный завоз.

Потому речники и поторапливают весну, пролагая во
льдах каналы.

Пятнадцатого апреля, через полсутки после ледако-
ла, двести седьмой, наконец, вышел из затона, распо-
ложенного напротив устья Чусовой, впадающей здесь в
Каму.

Первые километры судно вел сам Черепанов. В хо-
довой рубке находилась почти вся команда, кроме жены
Черепанова Сони и еще трех женщин. Соня посоветова-
ла им заходить в рубку только в случаях крайней необ-
ходимости. Рубка-де — место серьезных мужских разго-
воров, а там, где появляется женщина, серьезность, по
наблюдениям Сони, исчезает: одни мужчины начинают
шутить, другие — злиться, убежденные, что женщина на
корабле — к несчастью.

* Некоторые фамилии, имена, а также названия судов — изме-
нены.

Сейчас ничего серьезного в рубке не происходило. Просто смотрели на белый камский простор, который ледокол разрезал узкой черной полосой. Полоску эту «Озерному» предстояло расширить, а в некоторых местах и спрямить: по мнению Черепанова, капитан «Камы» иногда осторожничал, делал чересчур извилистые повороты.

Рубка была полна света. Черепанову даже пришлось опустить светозащитное стекло — солнце било прямо в глаза.

Ребята жмурились от солнца, курили, тихонько переговаривались, наблюдая, как тяжелая ледокольная приставка наползает на искрящийся речной панцирь.

Шли малым ходом.

Соня сидела на диванчике в своей каюте. Настроение было у нее отнюдь не радужное, хотя внешних причин для тоски или хандры даже при желании найти не смогла б. Все ведь нормально: закончились однообразные ремонтные будни, стоит прекрасная погода — вон как солнце припекает сквозь стекло, вышли, наконец, в плавание.

Но в душе творилось непонятное. Вот наплывают полные слез глаза младшего сына Антона. Старший, Николка, провожал сегодня мать с отцом спокойно, даже радуясь: «Без вас нам с бабушкой будет интересней — она по мелочам не опекает». А Антон чуть не заплакал. Уже у самых дверей прижался к матери. Соня не хотела видеть его слез, знала: сама разревется. Скорей бы кончился учебный год, чтобы можно было сыновей взять на судно. Они тут с ней, считай, выросли, да и на сердце легче: не переживай, сыты ли, слушаются ли бабушку, не подрались ли с кем. Мальчишки — народ отчаянный.

Что и говорить, жить в разлуке — особенно с детьми — тяжело. Не пора ли подыскивать работу на берегу, чтобы не росли дети с матерью без матери, чтобы не ютиться вот в этой тесной каюте с узкой кроватью, жестким диванчиком и единственным стулом? Что, скучно будет без Жени? Но может, и его уговорить расстаться со своим «Озерным»? Предлагали ведь ему — и не раз — место в диспетчерской пароходства, должность капитана-наставника. Раньше он категорически отмахивался от этих предложений, а этой зимой советовался с ней, Соней. Больше для вида, может, советовался, но в прошлые годы этого не делал. А тут, не исключено, и его начали

одолевать сомнения: не время ли пожить нормальной человеческой жизнью, на земле, а не на железной палубе. Он уже забыл, когда ходил в гости к друзьям или принимал их у себя. Они есть у него, в том же пароходстве, ребята, с которыми учился в речном училище, а затем ездил на зимние сессии в Горький, в тамошний институт инженеров водного транспорта. Но общается Черепанов теперь с ними лишь на каких-нибудь зимних собраниях да совещаниях.

Эти друзья, кстати, и подбивают его сойти на берег.

Соня тогда ответила мужу безучастно: «Решай сам». Он тут же и решил. «Посмотри, — говорит, — за окно — капли. Значит, весна скоро.» И повторил в который раз вычитанную где-то цитату: «Нет для души целительней лекарства, как слушать лепет волны за бортом».

Может, Соня и не обрадовалась бы, поддайся Черепанов агитации друзей — уж очень она привыкла к реке, к судну, к размеренному — пусть и однообразному — течению своей жизни. Она и не подозревала, что у нее могут возникнуть мысли о перемене работы, о том, что дети ее растут с матерью и без матери. А теперь? О, как умоляли ее не покидать дом полные слез Антоновы глаза. Был он поменьше — не так печально прощался. А сейчас ему, десятилетнему, очень не хватает материнского и отцовского тепла. Конечно, проживет он и без их присмотра — бабушка все-таки рядом, — но наверняка очерствеет. Вон Николка, радуется уже, что мы уходим в плавание. А ведь когда-то и он вот так же прижимался к ней при прощании. И он пускал слезу.

Нет, надо было хорошенько подумать, прежде чем сказать мужу: «Решай сам». Надо было все взвесить, обговорить. Раз он стал советоваться, доходило до ее сознания, значит, и ему захотелось изменений в жизни...

Вспомнила мелочь: летом в прошлую навигацию Женья как-то пожаловался ей: «Я так люблю мороженое. Да оно на берегу...» И с такой тоской это было сказано, с такой, почти детской, откровенностью, что Соне стало жалко мужа, как ребенка.

Не знала она раньше, где, как болит сердце, а тут впервые ощутила колющую боль в левой стороне груди.

За четверо суток двести седьмой сбегал до Пожвы. Дальше не пошел: выше водохранилища половодье уже вовсю набирало силы, лед под тяжестью воды ломался,

крошился, кое-где образовались уже чистые озера. За Березниками и Соликамском (предприятия этих городов своими сбросами все-таки основательно подогревают реку) начинался снова сплошной лед, но там ледоколу будет помогать уже другой «Озерный» — двести пятнадцатый, зимовавший в затоне Мошевской, самой северной ремонтно-эксплуатационной базы.

В свой затон возвращались, когда хмурое, неприветливое утро начало светлеть, крепкий ветер разгонял тучи, прогалины между ними расширялись, будто речная гладь между черными старыми льдинами. Солнца становилось все больше. Вот оно осветило затон и стоящие в нем рядком — носом в берег — белые плотоводы, сухогрузы, катера. Красные полосы на фальштрубах, казалось, развевались на ветру.

Черепанов выбрал свободное местечко и тихо вклинился между плотоводом «Кандалакша» и длиннющим танкером «Ленанефть».

Связался с караванкой — местной диспетчерской, помещение-сарайчик которой был виден капитану из рубки. Доложил обстановку, высказал мнение: идти можно.

— Вы готовы?

— Готовы.

— Тогда ждите указаний, — ответил по ультракоротковолновой радиостанции диспетчер караванки. — Сейчас свяжусь с пароходством.

В Пермской области, в бассейне Верхней Камы, ее главных притоков Вишеры, Иньвы, Косы, Весляны, сотен малых речек расположены десять районов. Население их — около двухсот пятидесяти тысяч человек.

Железная дорога проложена только до Соликамска. В остальные районы из областного центра можно попасть в погожее время года самолетом Ан-2, а в Кудымкар еще и автобусом.

В десяти районах создано тридцать колхозов, сорок семь совхозов, девять подсобных хозяйств, выращивающих рожь, пшеницу, горох, картофель, различные овощи.

Однако этот северный край известен не высокими урожаями ржи и картофеля, не рекордными надоями. Отсюда идет лес — главное здешнее богатство. Десятки леспромхозов обосновались в глухих уголках тайги, и, что ни год, все удаляются от городов и поселков, от судоходных рек, туда, где летом еще яростнее комарье и

мошка, а зимой — злее и трескучее морозы. Продвижение в глубь тайги вынужденное: к сожалению, без древесины народное хозяйство пока обойтись не может. Потребность же в лесе измеряется миллионами кубометров, и все равно его остро не хватает.

Дороги к леспромхозам в большинстве своем проходят через заболоченные или переувлажненные местности. Летом по ним, разбитым, искромсанным трелевочными тракторами, обычной машине пройти весьма трудно, а подчас и невозможно.

Как же быть? Ни писем тебе, выходит, ни скорой медицинской помощи, ни выезда в город по неотложному делу...

Вот тут и приходит на выручку чудо двадцатого века — вертолет.

Или — что намного дешевле — грузовичок с двумя ведущими осями, если, конечно, лесной поселок не забрался совсем уж в недоступные места.

На легком катере по Вишере можно добраться до Красновишерска.

Кама же здесь несудоходна: на ней — чуть выше Соликамска — расположены генеральные запаны крупного Керчевского сплавного рейда, и реку тут после половодья перегораживают: по самой Каме, по ее притокам идет до самого ледостава молевой сплав леса.

Но на вертолете, на грузовичке или легком катере можно доставить почту, книги, неуральские фрукты-овощи — лимоны с апельсинами, яблоки, гранаты, — всякую торговую мелочь вроде духов, зубной пасты, мыла и пуговиц.

А ведь двумстам пятидесяти тысячам жителей здешних краев нужны, кроме яблок и лимонов, хлеб, сахар, крупы, различные консервы — все, что в первую очередь необходимо для пропитания. Ежегодно завозят сюда продуктов ни много ни мало — по тридцать с лишним тысяч тонн.

Помимо съестных припасов, современному человеку для обустройства быта нужны телевизоры, газы, кровати, лопаты, швейные и стиральные машины, детские игрушки, мебель, валенки, гитары, ткани, школьные тетради — короче, тысячи всевозможных мелочей. Причем охотно купят их и в том же Красновишерске, насчитывающем более шестнадцати тысяч жителей, и в самой северной деревне области Лыпье (семьдесят четыре ки-

лометра от сельсовета, двести сорок восемь от райцентра), где проживают всего два человека.

Далее. В леспромхозы, колхозы, совхозы, подсобные хозяйства поступает немало техники: автомобилей, тракторов, комбайнов, бульдозеров, трелевочных машин, мотопил и т. д.; тысячи тонн горючего; строителям нужны тоже тысячи тонн цемента, щебня, гравия, различных материалов и оборудования.

Везут уголь, кокс, удобрения.

Леспромхоз в Усть-Лизе ежегодно требует из Перми для своей столовой тысячу куриных яиц (единственный заказчик!).

И заказ выполняется.

Все эти товары — муку, телевизоры, ткани, валенки, трактора, мотопилы, бензин-керосин, цемент, щебень, ту же трижды проклятую водку — доставляют в труднодоступные пермские края по весне. Уникальная эта операция для краткости называется северным завозом. Длится она три-четыре недели — с конца апреля и является для пароходства чем-то вроде государственного экзамена на готовность к долгой последующей работе флота и людей.

Не менее важна в эту пору и другая забота — вывести с северных рек миллионы кубометров леса зимней сплотки. Связанные на пологих берегах рек, плоты ждут большой воды. В половодье они всплывают, и их спешат отбуксировать в районы Тюлькино, Соколовской курьи, Пожвы, откуда потом, летом и осенью, их уводят в Пермь и далее. Но сначала нужно лес забрать с верховьев Камы и ее притоков. Промедлишь, просуетишься — пиши пропало. Пойдет насмарку многомесячный труд лесозаготовителей. Древесина ж через год станет малопригодной, некондиционной, как говорят специалисты.

Потому-то не случайно каждая новая навигация для речников начинается с планов обеспечения северного завоза и вывода плотов...

Когда подходит к концу техническая подготовка флота, когда почти укомплектованы экипажи, заключены все договора, загружено большинство барж, согласованы с «Камлесосплавом» все графики — а это бывает в конце марта, — по пароходству издается специальный приказ.

В одну из недавних навигаций, например, на северный завоз он предписывал направить девяносто судов-плотоводов, сухогрузов, толкачей; десять плавучих кра-

нов; восемь танкеров и нефтебензиновых станций для снабжения судов горючим, плавмагазин; доставить в северные районы десятки единиц запасных частей — грейферов, дизелей, электродвигателей, гидротолкателей; открыть пять диспетчерских пунктов, оборудованных ультракоротковолновыми радиостанциями; для обеспечения четкого завоза и вывоза грузов командировать около семидесяти опытных работников-диспетчеров, капитанов рейдов, капитанов-наставников, таксировщиков, радио-монтажников, лоцманов...

Двадцать третьего апреля в шестнадцать часов Черепанов передал по УКВ-радиостанции капитанам плотоводов «Семен Дежнев» и «Адмирал Сенявин»:

— Включаю средний ход. Пошли!..

Он стоял у руля в капитанской форме, торжественно-строгий. Наступила самая волнующая в году минута — открытие северной навигации. Как бы ни была тяжела и однообразна жизнь речника, как бы ни ругали ее они, столько бы ни давали обещаний расстаться с флотом, найти работу на берегу, но, когда подходит весна, вдруг защежит ретивое, затоскует по вот этой радостной минуте, и опять потянет на корабль, на реку, исхоженную вдоль и поперек, знакомую до каждого маленького заливушка и в то же время всегда новую — то ласковую, тихую, то ярящуюся волнами, страшную своей глубиной. Однако не покидает речника надежда, что завтра река утихомирится, приветливо заиграет солнечными бликами...

В кильватере двести седьмого, соединенные буксирным тросом, шли «Дежнев» и «Сенявин». Шли лагом, как два закадычных друга. Им в коридоре, проложенном неделю назад ледоколом и двести седьмым, тесновато, к тому же началась подвижка льда, и коридор местами стал совсем узким. Теперь «Озерному» приходилось идти в основном по целинному льду, за неделю основательно подтаявшему и ослабевшему.

За «Дежневым» и «Сенявиным» выстроились четыре баржи, в трюмы которых загружено по девятьсот пятьдесят тонн муки, всевозможных круп и консервов. За баржами держались три вспомогательных катера РБТ и два разъездных. Караван вытянулся километра на полтора. На повороте он выгнулся дугой — красиво. Профорг «Озерного» Сергей Окунев, он же помощник ме-

ханика по электрооборудованию, ловил такие моменты и фотографировал сверху, с капитанского мостика.

Один раз в объектив поймал стайку диких уток.

Утки улетели на север, караван же сопровождали другие птицы — чайки. Их было немного — пять-шесть штук. Они то летели впереди, то начинали пикировать между «Озерным» и «Дежневым» с «Сенявиным», касаясь бурлящей от винтов темно-коричневой воды. Вечерело, но было относительно тепло. Небо — чистое и ровное, будто выглаженное полотно, и на нем, ближе к западу, горел желтый ком солнца.

Шли уже около часа. По обоим берегам Камы чернел лес. Крутосклоны повытаяли, а в лесу еще лежал серый снег.

Лед был черный, водянистый. Он шумел, ломался под тяжестью подминавшего его судна; трещины, как на битом стекле, далеко разбегались вперед и по сторонам. Поначалу из трещин выдавливались ослепительно белые кристаллики, но постепенно они погасали, чернели, пропитывались водой.

На отдельных поворотах появились закраины — на четверть, а то и на треть ширины реки. Тут, видать, поработали ветры, ничто не помешало им сгрести ледяную шкуру Камы в одну сторону. На очистившемся берегу осталась дотаивать толстая потрескавшаяся полоска льда — забереги.

Подходили к Хохловке. Деревня на высоком правом берегу, где расположился этнографический музей — старинные церкви, дома, солеварни, мельницы. Черепанов поднес к глазам бинокль: красиво смотрится Хохловка. И порядок вроде бы в музее: огорожен невысоким штакетником, расчищены от снега дорожки; деревянные купола и луковки церковей отражали на солнце золотистый свет.

Хлопнула дверь у трапа, ведущего на шлюпочную палубу. Черепанов обернулся. Вошел новенький матрос — рулевой Иван Гордейчев. Он был с гитарой, смущенно улыбался.

— Развлекаешься?

— Маленько — не моя ведь вахта... Вот, Евгений Изотович, песню написал. Про наш «Озерный». — Иван густо зарделся.

Черепанов снова посмотрел на Гордейчева.

— Сам написал?.. Да ты садись.

— Сам. Музыку. Можно, я спою? Только не ругайте, если что не так. И никому не говорите.

Иван сел на жесткий диванчик. Из заднего кармана синих спортивных брюк достал листок, развернул его, разгладил на гитаре и положил рядом.

Гордейчев тронул струны, запел тихо, с каким-то надрывом, волновался при этом и проглатывал окончания слов. Но на втором куплете почти успокоился, и голос его зазвучал увереннее и приятнее:

На планете ходят где-нибудь, бесспорно,
И мощнее, и красивее суда,
Только я не променяю свой «Озерный»,
Ни за что не променяю, никогда.
Разрезает реку надвое форштевень,
И плывут за нами длинные плоты
В ясный полдень и в полуночную темень —
Как на привязи гренландские киты.
А когда бывает малость грустновато,
Я гитару семиструнную беру,
И мне с берега березы, как девчата,
Мелодично подпевают на ветру.
Ледостав придет на Каму ночью черной,
И зима наступит долгая потом.
Но, соскучившись, весной на «Озерный»
Я вернусь, как возвращаются в свой дом.

Гордейчев закончил петь, свернул листок с текстом и засунул его в карман. Сидел, ожидая отзыва.

— Хорошо, — сказал Черепанов. — И сравнение с домом верное. Только откуда ты про это знаешь? И про плоты, и про скуку?

— Так я же сказал: моя только музыка. Слова — Игоря.

Игорь Урусов — еще один моторист-рулевой. На «Озерном» он вторую навигацию. Отработав на вредном производстве десять лет, захотел на свежий воздух. Окончил в прошлом году курсы, в этом поступил в школу комсостава. Парень (впрочем, не парень уже, а мужчина — ему тридцать шесть лет, но выглядит молодо) грамотный, много читает и вот, оказывается, даже пишет стихи. Черепанов не знал о таких его способностях.

На подходе к Полазне, где прямо в реке стоят нефтяные вышки, опять начинался сплошной темный лед. Чайки отстали, и на то у них были свои причины: Кама становилась все шире, разводий-закраин впереди не виделось. Лежал лед, подтаявший, но не такой уж и тон-

кий — двадцать пять-тридцать сантиметров. И чем дальше в Камское водохранилище входили караваны, тем лед становился тверже и мощнее.

Черепанов включил радио. «Маяк» передавал погоду на завтра. На Урале обещали плюс восемнадцать — двадцать три.

За низкими облаками догорала багровая вечерняя заря.

Без четверти четыре капитан встал и быстро оделся.

Сквозь плотные низкие облака робко пробивался рассвет. Черепанов вышел на шлюпочную палубу, на площадке возле лебедки размялся, поприседал. Дышать было легко, холодный ветер бодрил, освежал.

Ровно в четыре Черепанов подал команду «Адмиралу Сенявину» и «Семену Дежневу» следовать дальше. Услышали ее и шкиперы барж, капитаны катеров.

Черепанов тронул рулевку, «Озерный» вздрогнул всем своим железным телом, как бы сбрасывая сон; за кормой от винтов забурлила вода; буксирный трос натянулся; зашумел ломающийся лед.

Шли по коридорчику ледокола и «Озерного» — со скоростью пешехода. Но вот коридорчик повернул влево — довольно крутой дугой. Ледокол повторял коренное русло Камы, следуя при этом во всем лоцманской карте. Но более чем километровый караван на этой дуге правым бортом начнет тереться об лед, тормозить...

Черепанов кивнул механику — капитану-дублеру Вениамину Фефелову, Акимычу, как для краткости звали его на судне:

— Включи лот.

Тот включил прибор, через несколько секунд пришел сигнал.

— Полтора, — доложил Акимыч.

Под килем полтора метра. Не много. Но можно рискнуть...

Закурил.

— Поставь, Акимыч, чайник. — Сказал, а сам нажал кнопку сигнала матросам. Вахтенные — Соня и Урусов — собрались у лебедки.

Тем временем передал «Сенявину» и «Дежневу»:

— Отдаем буксир, я сбегаю на разведку напрямик.

В одиночку, налегке двести седьмой шел около часа — спрямлял дугу. Лед в водохранилище был тол-

стый — до сорока сантиметров. Справа ничего не видно. Сплошная пелена из льда и серого неба впереди сходилась, образуя матовую стену. Слева маячил берег — крутой, поросший елями и соснами; белыми вкрапинами разрезали их густую черноту стволы берез.

Черепанов дал полный ход. Судно задрожало, лед зашуршал; отдельные льдины «Озерный» выдавливал на поверхность, и они показывали свои крепкие темные бока. Цвет льдин на изломе постоянно менялся: темнота приобретала бутылочный оттенок, потом светлела...

Небо понемножку начинало яснеть. И впрямь, день должен быть теплым, хотя, знал по опыту Черепанов, на воде, среди льдов, обещанных восемнадцати — двадцати трех градусов ожидать трудно.

Вместо привычных чаек возле судна показались вороны. Эти вездесущие птицы, неимоверно быстро ныне размножающиеся, наносящие большой вред многим полезным птахам, собирали, должно, на льду вытаявшие из-под снега остатки еды зимних рыбаков, брошенных ершей.

Спрявив дугу, двести седьмой вернулся к каравану и взял его на буксир.

Шли тихо-спокойно еще полчаса, как вдруг «Озерный» дернуло назад. «Бревно попало в винт!» — резануло Черепанова страшное предположение.

Оставив рулевку, он повернулся и стал вслушиваться в гул двигателей. Они работали ровно. И тут Черепанов заметил странную картину: «Сенявин» и «Дежнев», шедшие рядышком, как два друга, стали поворачивать носы в разные стороны.

Черепанов взял бинокль. Вон оно что! Оборвался буксир. Но как, почему?

Он застопорил ход.

На носу «Сенявина» между тем показались обеспокоенные люди.

— Что случилось, Аркадий Николаевич? — спросил Черепанов по радиации капитана «Сенявина».

— Беда.

— Чувствую — беда. А какая?

— Кнехт вырвало... С мясом.

— Болты запасные найдешь?

— Откуда?

— Тогда кнехт приварить надо. Аппарат имеется?

— Откуда?

— Я всегда держу: мало ли что может случиться... Ладно. Предлагаю вариант проще, — глухим голосом сказал Черепанов. — Пусть «Сенявин» поменяется местами с «Дежневым», и мы его зацепим за правый кнехт...

Так и сделали. Караван двинулся дальше.

— Подмени, Акимыч, — сказал Черепанов помощнику и оторвал пальцы рук от рычагов.

Акимыч встал на место капитана и надел защитные очки — солнце светило прямо в глаза, блестело в появившихся на льду лужицах.

Черепанов рубку не покидал, прохаживался вперед-назад; сложил на груди руки. Посмотрел на себя в зеркало. Смутился, что так много седины в его волосах, и они теперь были не темно-русые, как с рождения, а пепельными. А усы вообще рыжие. Усмехнулся: то ли такие они у него и есть, то ли от постоянного курения. А вот щеки малость отвисли. От старости, что ли? Да какая старость в тридцать четыре года? Скорее — от усталости. От постоянного недосыпания. В навигацию он спит урывками по два-три часа. Между вахтами. Капитанская — первая — вахта приходится на самое трудное время суток: с ноля до четырех часов; второй раз за штурвалом он стоит с двенадцати до шестнадцати часов. Но и между вахтами всяких дел хватает. При постоянной обеспокоенности, ответственном отношении к своим обязанностям, скрытом нервничании по тем или иным неполадкам немудрено и осунуться, постареть. Аркадий Николаевич, капитан «Сенявина», век не состарится. Запасные болты? Не хватало возиться с ними! Понадобятся — тот же Черепанов даст. Или кто другой. Сварочный аппарат? Нужен будет — попросит. У того же Черепанова — он человек запасливый, у него голова только и забита тем, чтобы припасти все необходимое для ремонта, достать у снабженцев. Не от этих ли забот и инфаркты да невроты у хороших капитанов? Не по этой ли причине Черепанов зимой с сердцем в больницу попал?..

— Пойду-ка, Акимыч, маленько полежу, — сказал Черепанов.

— Иди, — не оглядываясь, ответил Акимыч.

Он остался один, сосредоточенный, спокойный. В противоположность своему стройному, подтянутому капитану помощник невысок, худ и сутул; нижняя челюсть у Акимыча сильно выдается вперед; на длинной тонкой шее туда-сюда, как переключатель, ходит острый кадык.

Не красавец собой Акимыч, что и говорить. Но — труженик. Безотказный и грамотный, за что его в экипаже уважают и ценят.

А еще Акимыч, как и Черепанов с Соней, — ветеран «Озерного». Уже пять лет после получения судна ходит он на нем по Каме-матушке и не думает изменять ни судну, ни реке. Хотя причины уйти на сторону у Акимыча есть: семнадцатый сезон, не считая армии, трудится в пароходстве, а живет в двенадцатиметровой комнатухе. В другом месте со своей золотой головой да при своем трудолюбии он бы уже давно получил в худшем случае двухкомнатную квартиру. Пароходство ж отблагодарить Акимыча не торопится. А пойти потребовать жилье, поругаться с кем надо, доказать свои права Акимыч не может. Тут он бессилён и бесталанен. Водить плоты в любую погоду — может. А требовать — не та совесть...

Едва Черепанов покинул рубку, на двести седьмой передали с «Дежнева» нерадостное известие: вышел из строя правый двигатель.

Это случилось в полдень, в двенадцать тридцать.

Три капитана стали советоваться, как быть. Идти «Дежневу» вверх на одном винте до Мошевской ремонтно-эксплуатационной базы? А если поломка серьезная? Не проще ли вернуться на свою базу?

Короче, сначала нужно осмотреть двигатель.

— Чувствую — серьезно, — сказал капитан «Дежнева».

Связались с Пермью. Минут через десять из пароходства последовало распоряжение:

— «Сенявину» остаться при караване, «Дежневу» попытаться исправить поломку и продолжать рейс; «Озерному» следует идти вверх, расширяя или прокладывая новый, где это возможно, путь во льдах, ликвидировать заторы.

Черепанов посмотрел на часы: двенадцать пятьдесят. Трос выбран.

— Трогай, — мягко сказал Акимычу.

Взбивая за собой темно-желтые буруны, двести седьмой двинулся дальше, на север.

Кама под Березниками уже очистилась ото льда. Но беда тут другая — мелководье. То и дело «Озерный» наткался на невидимые подводные выступы. Отходил

назад, в сторону, настырно ища яму или промоину. В иных местах двести седьмой в буквальном смысле пахал дно реки килем, взбивая винтами густую тяжелую муть.

В рубку проникал теплый городской воздух, пахнувший, как пошутил про себя Черепанов, всей периодической системой Менделеева.

Черепанов помахал руками, потряс головой, сбрасывая сонливость и усталость. И снова взялся за рулевки. Дал задний ход, а затем, беря чуть левее прежнего курса, включил полный вперед. «Озерный» пошел легко, как детский пластмассовый пароходик. Он вонзался носом, будто клином, в бегущую навстречу реку, рассекал ее, оставляя за кормой волны, похожие на обтекаемые крылья сверхзвукового самолета. «Угадал!» — обрадовался Черепанов.

Вошел Эдик Кривошеков, похожий на подростка комипермяк из Кудымкара. Ему двадцать шесть лет, после речного училища служил в погранвойсках. Армия закалила его как мужчину, однако не прибавила Кривошекову ни сантиметра росточка. Для пущей солидности, должно, второй штурман завел усы — рыжие, как у капитана. И курил он часто — тоже подобно капитану.

— Принимай вахту, — сказал Черепанов. — Теперь, — кивнул на лоцманскую карту, лежавшую перед ним, — дорога пойдет веселей.

И уступил Кривошекову свое место. Сел на диванчик, а через несколько секунд лег, подложив под голову руку. И словно провалился в пустоту.

В полдень двести седьмой свернул в Мошевскую РЭБ, взял понтон с понтонером Аркадием, наголо обрванным крепким мужиком. Черепанов не помнил его фамилию, знал по прошлой навигации одно: понтонер он опытный, работающий, как и жена его. Аркадий обрадовался встрече, долго жал Черепанову руку. Потом сказал с акцентом (вообще-то Аркадий был татарин, и по паспорту он числился наверняка не Аркадием):

— Я чувствовал, что ты не забудешь уговор.

— Не забыл, не забыл, — весело отвечал Черепанов. — Такие, как ты, на дороге не валяются.

— Спасибо на добром слове.

Вышли из залива РЭБ — и снова вверх. Вода заметна прибывала, неся на льдинах много бревен, смытых с

берегов, какие-то доски, ящики — короче, весь мусор, скопившийся на реке за зиму. Черепанов нетерпеливо сжимал пальцы в кулаки: вот бы догнать двести пятнадцатый, ушедший из Мошева. Ну, а если не догнать, то максимально сократить расстояние.

Миновали Вишеру. Она еще дремала, укрытая жестким одеялом льда.

На следующее утро двести седьмой пришвартовался к шаткому причалу в Харино, где находился главный диспетчерский пункт северного завоза.

Еще один новичок матрос-рулевой Борис Тронин заканчивал послание к молодой жене Венере:

«Пишу тебе третье письмо, но ни одного еще не отправил — неоткуда было. А сегодня мы прибыли в Харино, поселок лесозаготовителей. Ребята говорят, что находится он в получасе от Гайн. Так что по карте области можно определить наше местоположение.

Из диспетчерской, которая находится рядом с пристанью в двухэтажном деревянном доме, только что вернулся капитан, хмурый, обеспокоенный. Он сказал, что все, кто хочет, кроме, естественно, вахты, могут сойти с судна; стоять будем несколько часов. О причине Черепанов не сообщил, но Акимыч — капитан-дублер — по секрету сказал мне и Ивану Гордейчеву, что дело в следующем.

Всю дорогу мы гнались за «Озерным-215», таким же как наш, буксиром-плотоводом. Но напрасно. Не догнали. Более того, на подходе к Харино встретили его, тянущего плот. Я в это время был в рубке и заметил, как расстроено сжал зубы наш Черепанов. Однако вида тому капитану не подал, наоборот, первым поприветствовал его длинным гудком. А когда «Озерные» разошлись, Черепанов, повернув голову в сторону уходящего двести пятнадцатого, сказал:

— Опередил... Но дальше еще посмотрим, кто кого...

Черепанов рассчитывал, что по прибытии в Харино мы тут же возьмем плот. Но оказалось, что следом за двести пятнадцатым из Мошева шли еще два плотовода. Один пошел выше Гайн, в Кебраты, другой берет плоты здесь, в Харино. Нам нужно ждать, пока уйдет вниз один и другой.

Вчера, между прочим, Черепанов рассказывал, как некоторые суда устраивают гонки, жгут, не жалеючи,

топливо, пытаюсь первыми попасть под погрузку. А потом в ожидании погрузки стоят часами. Он осуждал капитанов-гонщиков: в таких случаях овчинка выделки не стоит.

Похоже, мы попали в подобную ситуацию. Ведь чего греха таить, тоже ввязались в гонку.

Ладно, не буду тебя заводить в производственные дебри. Тем более, что в них еще и сам толком не разобрался. Одно усвоил: Черепанов любит быть первым.

Выше Харино мы не пойдем, как я понял, вот по какой причине: даже при большой воде, а она продолжает прибывать, нашему «Озерному» Кама все равно будет мелковата. Выше пойдут суда с меньшей осадкой.

Да, почти весь путь мы шли во льдах. А здесь река от него очистилась, лед унесло течением в ваши «южные» края.

До свидания, моя дорогая! Тороплюсь на берег, чтобы опустить письма.

Целую.

Борис».

В семнадцать тридцать весь экипаж двести седьмого, кроме капитана, находился на главной и шлюпочной палубах — кому где полагалось. Судно медленно, кормой подходило к двухсекционному хлыстовому плоту. Его еще не совсем приподняла вода, но Черепанов не хотел ждать, он надеялся на силу двигателей своего «Озерного». К тому же головку плота должны помочь вывести подсобные буксиры-толкачи.

«Озерный» коснулся плота, и Акимыч, как и все члены команды, одетый в ярко-оранжевый спасательный жилет, прыгнул на плот. За ним последовали Кривошеков, Сергей Окунев.

Соня, стоявшая у лебедки, нажала кнопку пуска. Тяжелый барабан, гремя, начал разматывать толстый, в сорок миллиметров, трос. Его подхватили Борис Тронин и Иван Гордейчев, потащили конец за борт.

Крепление буксирного троса к лежням плота требует особого умения, выучки и сноровки. Черепанов с удовлетворением наблюдал, как ловко работают его помощники — Акимыч и Кривошеков. По плоту, по скользким бревнам, ходят без боязни, будто по асфальту, а тяжелые такелажные скобы в их руках выглядят совсем невесомыми.

Тем временем один из вспомогательных буксиров отвел понтон в головку плота — там ему место.

Операция по счалке заканчивалась, и люди, занятые на плоту, стали подниматься на борт судна.

Все готово. Черепанов посмотрел на наручные часы — было ровно восемнадцать.

— Все по местам, отчаливаем. — И — по радию — четырьмя толкачам: — Двести седьмой отходит, прошу помогать.

На малом ходу, боком «Озерный» стал отходить на середину реки. Вслед за ним поднимался из воды тяжелый трос, с которого скатывались вниз ржавые струйки. Вот он уже показался весь, еще провисший, метров шестьдесят длиной, с каждой секундой становясь ровнее. Наконец натянулся струной, и от него, казалось, даже пошел дробный звон.

«Озерный» вздрогнул при натяжении троса, остановился, но Черепанов прибавил хода.

— Ну, братцы, началась работа!..

Вечерело. Солнце садилось за низкий лес. В реке оно отражалось ровной розовой полоской.

Двести седьмой вел плот в Панинскую курью, что ниже Харино в тридцати пяти километрах. Там плоты соединяют в четыре секции, и «Озерные» будут доставлять их еще ниже — в районы Керчева, Тюлькина, Соколовской курьи. Отсюда лес, когда спадет вода, спокойно будут буксировать дальше.

Можно бы, по идее, такие плоты счаливать сразу, зимой на берегу. Можно бы, когда б не Панинский пережат, где такому плоту не пройти, не развернуться — слишком крутой поворот.

Но до Панинского пережата есть еще два, не менее опасных — Житборское и Кунгурское колена.

В первом рейсе двести седьмому предстояло их миновать ночью.

Из очередного письма Бориса Тронина:

«...Ой, Венерка, если б ты могла увидеть и ощутить это — прохождение Житборского колена! Я в армии всякое испытывал, но и тут набрался страха.

Впрочем, опишу все по порядку.

Мы подходили к пережату в густых сумерках. У руля стоял Акимыч, то и дело заглядывая в лоцманскую карту. Мы с Иваном Гордейчевым новенькие и тоже загля-

нули в нее. «Вот оно», — указал Акимыч пальцем на извилистую линию, по начертанию схожую с рукописной буквой «г». Такой хитрый пережат!

Да, у руля, значит, опытный Акимыч, а Черепанов стоял к нему спиной, всматривался, как ведет себя плот. В руках у него бинокль, который он время от времени прикладывал к глазам (что можно рассмотреть в темени?). Вдруг он обратился к мотористу Игорю Урусову:

— Просигналь Аркадию: опустить левый лот.

Аркадий — это татарин-понтонер. А лот — чугунный тысячекилограммовый параллелепипед с зубцами по сторонам, чтобы было больше торможение и меньше заносило головку плота. Лотов на понтоне два, в зависимости от свала течения их нужно опускать поочередно на тросе-шейме, а на ровном месте — оба. Вот когда будешь плавать со мной, то увидишь, как это делается и как выглядят те лоты.

Игорь вышел на левое крыло капитанского мостика и электрическим фонарем, перемещая его снизу вверх, дал знак Аркадию опустить лот. Акимыч для подстраховки просигналил ему и свистком.

Тем временем, как я понимал по поведению капитана, приближался первый поворот.

Акимыч передал по УКВ:

— Двести седьмой с плотом занимает Житборское колено.

Может, тебе, Венера, скучно читать про все эти лоты-повороты, но извини, больше писать не о чем. Это жизнь, и я не виноват, если она покажется неинтересной.

Слушай, что было дальше.

Пережат приближался. Акимыч снизил скорость — шли малым ходом.

Прожектором, установленным на крыше ходовой рубки, осветили плот. Из темноты к его хвосту шли два вспомогательных буксира-толкача. Они будут сдерживать плот при поворотах, чтобы хвостовую его часть не выбросило на берег.

В рубке тревожно, тихо.

Кривошеков дежурил у эхолота, то и дело докладывал о глубине под килем:

— Полтора, два, три, полтора, ноль восемьдесят...

Предстоял поворот вправо. А наш «Озерный» устремился к левому берегу, на самый мыс. Шли, повторяю, малым ходом, а казалось, что летим, несемся на пре-

дельной скорости и вот-вот врежемся в мыс... Что будет дальше — страшно подумать. И мне хотелось крикнуть Акимычу, схватить его за руку: «Опомнись, куда ты ведешь судно? Разобьемся ведь! Не разобьемся сами — нас раздавит, как козявку, тысячетонный плот, который гонится за нами по быстрой мутной воде».

А Черепанов еще и командует:

— Левей.

Буксирный трос ослаб, коснулся воды. Мы, выходит, совсем сбавили скорость.

Прожектор теперь направлен на мыс, поросший кустарником. Луч скользнул по реке, осветив крутой, почти отвесный противоположный берег.

Капитан искал вешки, которыми бассейновое управление пути должно обозначать фарватер реки. Их не было.

Черепанов с досады скрипнул зубами.

Но вот уже мыс рядом с бортом, на него даже можно прыгнуть. И в это время Акимыч сделал резкий поворот вправо. И дал полный ход, держа курс к крутому глинистому берегу. Трос натянулся, и плот, который, казалось, тоже врежется в мыс, последовал за нашим судном.

Головка плота осталась за поворотом, и несколько минут мы ее не видели.

Кривошеков постоянно сообщал:

— Два двадцать, два, полтора...

Прожектор метался. Вот свет вырвал понтон и три толкача (я не заметил, когда подошел еще один), сдерживающих сбоку хвост плота, который свальным течением несло прямо на берег, на крутояр. Толкачи работали изо всех сил, но справлялись с плотом плохо, и он их прижимал к берегу. Уже они были в пяти-шести метрах от суши.

— Проскочили... Ставьте чайник.

Это сказал Черепанов и закурил.

Мы выходили на середину реки, выравнивая плот. Буксиры-толкачи отстали, чтобы перейти на левый борт, — через несколько минут предстояло пройти поворот влево.

Черепанов распорядился:

— Просигнальте Аркадию: опустить и второй лот, с двумя надежнее.

Акимыч вел судно по локатору — над рекой стояла

густая темнота. Краем глаза я заглянул на экран: показались кривые очертания переката.

Иван тихо произнес:

— Надо было б утра подождать — безопаснее.

Черепанов нервно покусывал губы. Что он ответит?

— Мы ведь не спать сюда пришли — работать... Кста-ти, Кунгурское колено еще круче...»

В Панинскую курью двести седьмой прибыл ровно в ноль тридцать. Небо было чистое, звездное, и эти звезды, отражаясь в воде, напоминали пестрый ковер.

Плот в курью завели более-менее удачно — опять же с помощью буксиров-толкачей. Перекат здесь коварный, были случаи, когда направлявшийся в затон плот относило течением, разворачивало, и плотовод оказывался сзади.

Причалили плот в торец к ранее доставленному двести пятнадцатым или другими плотоводами, взяли под борт понтон и снова пошли вверх, в Харино. Ни минуты лишней не стояли, торопились, будто двести седьмому могло не достаться плотов. При этом обогнали «Сенявина» с «Дежневым» — они, подремонтировавшись, тащили в Гайны караван барж.

С ноля до четырех часов была вахта капитана. Всех свободных от вахты он вежливо отправил спать.

— Отдыхайте.

Кривошеков, было, пытался его подменить: «Не спал ты, Изотович, уже целые сутки», но Черепанов выставил вперед, словно щит, ладони:

— Эдик, еще высплюсь. А передоверять вахту — не дело... Приоткрой лучше окно, пусть свежий воздух заходит. Накурили мы тут...

Остался в рубке один. У Сони тоже вахта, она навела сейчас чистоту в надстройке шлюпочной палубы; матрос-рулевой Игорь Урусов на минутку отлучился из рубки — с разрешения капитана.

Двигатели работали ровно, монотонно. Усыпляли, убаюкивали. Черепанов поймал себя на том, что на секунду смежил веки. И тут же приказал себе: «Не смей!» Отодвинул стул — стоя не уснешь.

Он дал самый полный ход. Посмотрел на часы — без четверти два. Сегодня уже двадцать седьмое апреля. На второе-третье мая обещают наивысший уровень воды. Добро бы прибыло ее еще! А то разве это дело, когда

под килем местами меньше метра? Рисуем — судном, плотом, собой...

В два часа ночи двадцать восьмого апреля Черепанов вывел свой буксир-плотовод из Панинской курьи — вслед за двести пятнадцатым. Теперь плот состоял из четырех секций — четыреста шестьдесят метров в длину.

Был он сортиментный. Пучки его, в отличие от хлыстовых, связанных из разномастных некондиционных бревен, ровные, аккуратные, и только — ель да сосна. Но этот красивый плот тяжелее хлыстового, а потому сейчас, на северном завозе, когда экипажам судов нужны наработанные часы — не тонно-километры, выгодней иметь дело с более легкими плотами, а не с такими громадинами в двадцать пять тысяч тонн.

Черепанов, однако, не отчаивался. Лишь бы не было простоев, а с грузом он выполнит план при любых условиях.

Шли в Тюлькино. От Панинской курьи до этого поселка лесозаготовителей сто восемьдесят пять километров — около тридцати часов хода. Во многих местах здесь Кама спокойная, ровная, с широкими плесами. Но есть два переката — у Верхней Пожни и у Верхней Чёлвы. Тут нужен глаз да глаз, иначе быть беде. В прошлом году «Сенявин» именно на Верхнечёлвинском колене не удержал плот и потерял тысячу кубометров леса.

В четыре часа капитан сдал вахту Эдику Кривошекову, однако спать в каюту не пошел. Прилег на диванчике в рубке, подложив под голову висевший над диванчиком полушубок. Ложась, предупредил Эдика:

— Будь повнимательней. Почаще поглядывай на плот.

Эдик в ответ кивнул: мол, будь, Евгений Изотович, спокоен, не подведу, знаю я эту Верхнюю Пожню, и в прошлом и в позапрошлом году ты сам видел, как я ловко проводил плоты через злополучный перекат.

Уверен был Эдик в себе на сто процентов. Но, как часто случается, сверхуверенность нередко подводит — во всех проявлениях жизни.

Вот и тут так вышло. Надо было чуть сравить трос, попозже сделать резкий поворот — у мыска, чуть пораньше дать полный ход судну после поворота... Этими маленькими «чуть» Кривошеков пренебрег, а может, просто растерялся. В результате хвост плота несколько метров

тянуло по берегу. Буксир-толкач тоже едва не выбросило на берег. Эдик видел в бинокль, как двое из его команды перепуганно выскочили на палубу.

Плот долго не выравнивался, шел по реке огромной полудугой.

Проснулся Черепанов, потербил рыжие усы.

— Бр-р-р, — потряс он головой, прогоняя сон. — Верхнюю Пожню прошли?

— Пройли, — тихо ответил Эдик. Сердце его после неприятных минут у переката еще учащенно билось, ноги подкашивались, руки дрожали — короче, чувствовал он себя прескверно.

— Чего ты весь дрожишь?

— Я? Не знаю. Может, озяб.

— Прикрой окно.

Черепанов взял бинокль, посмотрел на плот.

— Это что такое?

— Где?

— В хвосте. Три пучка телепаются.

Капитан положил бинокль рядом с радиостанцией, подошел к Эдику, заглянул ему в глаза. Эдик виновато отвел их. В первые секунды после вопроса Черепанова он было хотел соврать, ответить примерно так: «Не знаю, что с теми пучками, должно быть, плохо прикреплены при сплотке». И пойдн, капитан, докажи, что это не правда. У Аркадия спросит? Но Аркадия можно при случае предупредить, чтобы особо про Верхнюю Пожню не распространялся.

Можно было б соврать, обелить себя. Но ведь Черепанова на мякине не проведешь. Он заглянул в глаза — и все понял: ты, Эдик Кривощекон, на перекате проморгал.

— Я ведь предупреждал: будь повнимательней, — сказал недовольно Черепанов. — Надо посмотреть на пучки, что с ними.

— Вот Косу пройдем, съезжу, посмотрю.

Приближались к Косе. В обычное время эта речка невелика, неказиста, камень через нее перебросишь, а сейчас разлилась на многие метры — стала настоящей рекой.

— Держись правого берега, Коса к левому будет нас сносить.

— Понял, — ответил Кривощекон. На душе у него становилось спокойнее и теплее. От того, во-первых, что

не соврал, не взял грех на душу; во-вторых, Черепанов не ругал его за промашку, только сказал, чтоб посмотрел на те пучки, что нарушили контур плота. Ну так это он сделает. Вот сдаст Акимычу вахту, спустит на воду лодку-моторку и посмотрит на те злосчастные пучки. Главное, чтобы не потерялись они. В приемочном акте потеря каждого пучка обязательно фиксируется, и потом ее рассматривают как ЧП, как брак в работе... Только б не потерялись пучки...

А пока — держать правее, ближе к устью Косы.

Черепанов — человек местный, верхнекамский. Месяц работы для него на северном завозе — вроде желанного свидания с родиной, с детством, теперь уже далеким. Как жаль, что и в первый рейс, и сейчас с плотом они ночью проходят поселок Кушмангорт и деревню Кольчуг — места его детства, стоящие на берегу Камы. Но, надо надеяться, увидит он их и днем — рейсов предстоит еще много.

Поутру подходили к Тюлькино — на самом малом. К плоту пристали три буксира-толкача, один из них пришвартовал рядом с понтоном Аркадия свой, лесосплавский, понтон. Он побольше размерами, а главное — на его борту находятся пять цепей-волокуш весом десять тонн каждая.

«Озерный» начал выбирать трос, стараясь подвести плот поближе к левому берегу. Туда же, к берегу, толкали его и буксиры. Плот, однако, подавался неохотно, его тянуло на стрежень, где течение намного сильнее.

По мере того как с понтона спускали цепи, плот усмирал свой нрав, становился покорнее и уже был менее грозным и всесильным...

Дело подходило к концу, плот поставили быстро и удачно. Сейчас оформят акт о приемке, и можно бежать за следующим плотом. Двести пятнадцатый уже давно в обратном пути, часа четыре назад встретился. Ничего, и мы свое возьмём.

Зашипела рация.

— Двести седьмой! Диспетчер Тюлькино говорит. Как у вас дела?

— Нормально.

— В Панинскую идете?

— Туда.

— Возьмите баржонку с собой. До Усть-Косы.

Черепанов скрежетнул зубами: не было печали... Ему за новым плотом поскорей надо идти, водить плоты выгоднее, чем баржи, там нормы повольнее — и на швартовку, и на буксировку, и на постановку. Может, удасться увильнуть?

— Да мы еще на заправку пойдем. Потом в магазин за продуктами.

— Ну, после магазина, — был неумолим диспетчер.

Понял Черепанов: не отвертеться. А когда понял, устыдил себя: чего увиливал? Кто быстрее доставит эту баржу с мукой и макаронами — шестисотсильный плотовод, который только что проплюхал мимо и где менее опытный капитан, или «Озерный», что в два раза мощнее?

— Хорошо, забираем баржу... Двести пятнадцатый отказался, что ли, от нее?

— Прозевали его. Но в следующий раз загрузим.

Двести седьмой направился к танкеру, стоявшему недалеко от тюлькинской пристани, — на заправку.

А Эдик Кривошеков уже готовил к спуску лодку-моторку. Колпитчику Зое Окуновой вместе с поваром Ларисой Гордейчевой действительно нужно было зайти на продовольственную базу речников, получить необходимые продукты. Им в помощь командировался и Борис Тронин — заодно опустит свои письма.

Решил сойти на берег и капитан — купить свежие газеты и послать телеграмму старшему сыну — у того приближался день рождения.

Минут через сорок с кипой газет он появился в рубке — в каюте читать темновато. Сел на диван, закинул ногу на ногу, разложил рядом с собой газеты, сказал Акимычу:

— На, почитай.

— Вот сдам вахту. — Акимыч к юмору не восприимчив, он всерьез полагал, что Черепанов ему предлагает немедленное чтение.

— Ну-ну... Так, эту сюда, — сортировал газеты капитан, бегло их просматривая, читая пока что короткие информации; номера с большими статьями, которые надо будет непременно прочесть, он откладывал в сторону. — Ага, «Письмо с берегов Говорухи»... Постой, постой. Говоруха, это не Валентина ли Сидорца речка? Он с Говорухи, помнится, был. И что про нее пишет семья Бушмелевых? — беседовал сам с собой Черепанов. —

«Мы выросли в поселке Вишерогорск. Недалеко от него, вверх и вниз по течению есть три реки: Большой Щугор, Большой Колчим и Говоруха. Две первые уже уничтожены алмазодобытчиками. От рек осталось одно географическое название. После окончания добычи алмазов на этих реках практически не было произведено никаких рекультивационных и восстановительных работ. Теперь уничтожают Говоруху лесозаготовители. Это была типичная горная река с прозрачной водой и быстрым течением.

Сейчас вдоль Говорухи огромные штабеля леса, в них тридцать — сорок процентов лиственной древесины, которую без биологической сушки сплавляют и почти всю топят...» — Черепанов оторвался от местной газеты, тяжело вздохнул и полез в карман пиджака за сигаретами. — Бедная Говоруха.

— Кто бедная? — не понял Акимыч.

— Говоруха! Речка моего давнего друга. Уничтожают ее... — он снова вздохнул, а затем выпустил густое облако дыма. — Да если б одной только Говорухе доставалось! Сотни рек гибнут.

— У нас в области их тридцать тысяч. На наш с тобой век хватит.

— Акимыч, не вздумай сказать такое своим детям — они тебя поколотят.

Акимыч беззвучно усмехнулся: наивный Черепанов, не по-мужски порой жалостлив.

А Черепанов оставил газеты, встал и молча вышел из рубки — в свою блок-каюту. Закипела его душа холодом, обида, злость, негодование — все смешалось в котле души и жгло ее, студило, сжимало. Ах, Акимыч, Акимыч! Хороший человек, но бесчувственный. Неравнодушный только к работе да к детям еще. А к природе — реке, рыбе, дереву, птице — нет у него ни малейшего интереса! Ее хоть вообще не стань — и ему ничего. «Значит, так и надо», — скажет. «Но вдруг уничтожат родную твою Чепцу! — возмутился однажды Черепанов. — И тебе нисколько не будет больно?» — «Так я ведь на Чепцу никогда не вернусь — чего из-за нее болеть?» — не задержался с ответом Акимыч.

Нет, а он, Черепанов, еще не дожид до такого равнодушия. Может, со временем — Акимыч все-таки старше его на пять лет — тоже очерствеет, но пока ему жаль и неведомую Говоруху, и некогда рыбную Старицу, и го-

родскую Гайву, близ которой он живет и которую городские же предприятия превратили в сточную канаву... Но хуже всего обидно за Каму, его милую с детства реку.

Однажды — в шестом или седьмом классе это было — вместе с группой ребят и учителем географии Черепанов участвовал в турпоходе к истокам Камы. Сначала плыли на лодках, потом шли пешком — до деревни Карпушата, что на севере Удмуртии. Устали они, измучили их комары, а когда наконец добрались до истока главной уральской реки — хрустально-прозрачного родника и напились из него, всю усталость как рукой сняло. Вроде бы причастились живой водой.

От истока река еще долго течет удивительно чистой, посмотришь — и каждую песчинку на дне видеть, каждую рыбешку. В нее впадают десятки маленьких рек и ручейков — тоже чистых и прохладных.

Вот бы до самой Волги быть ей такой!

Только мечта эта несбыточна — по дикой воле цивилизованного человека.

Этот человек придумал глупый, вернее, страшный, опасный для всего живого и неживого способ перебраться леса — молевой. Весной, в половодье, бревна подхватывает течением и несет по Каме мимо Керчевской запони, ибо она действует лишь после половодья, и на реке в это время предстает во всей своей бесхозяйственной красоте... истинный лесоход. У плотины Камской ГЭС лес скапливается, мешает шлюзованию судов и плотов; всю навигацию потом волны гоняют его по широкому простору водохранилища; суда ломают винты, насакивая на бревна; переворачиваются моторки; особенно достается скоростным «ракетам» и «метеорам»; многие из них после встречи с топляком больше времени находятся в ремонте, чем в работе.

Половодьем смытые с берегов бревна тоже в конце концов идут на дно, и русло Камы сейчас представляет собой деревянный коридор. Лес гниет, и при гниении выделяет яд, опасный для всех речных обитателей.

Нужно свести к минимуму молевой сплав. В период малой воды его следует перевозить на сухогрузах, на баржах, на автомобилях. Нет дорог? Надо строить. Нельзя ж в погоне за кубами забывать о природе.

А еще — пора строить на севере безотходные предприятия. Вниз по течению должно сплавлять не хлысты, а готовые доски, брус, плиты.

Природа нам отдает свои богатства бесплатно. Почему же мы скарעדничаем, жалеем потратить лишнюю копейку на ее защиту?..

Нет, против такого подхода к реке надо восставать!

Черепанов поднял голову, открыл стол, достал стопку бумаги. Пододвинул один лист поближе, взял со стола ручку и нервно, размашисто написал первую строчку: «В редакцию газеты «Правда».

Вечером пятого мая погода испортилась. Похолодало, небо затянули сплошные тучи, подул сильный ветер. А потом повалил снег, крупный, липкий, студенистый. Палуба стала скользкой, небезопасной, появлялся на ней кто-то из команды только в случае крайней необходимости.

К двадцати четырем часам, когда Черепанов заступил на вахту, весь «Озерный» обледенел, в коридоры, в каюты проникла сырость, пришлось включить кондиционеры с горячим воздухом.

Плот вели из Москалевской запони, в сорока пяти километрах ниже Панинской курьи. Можно было б снова идти в Панинскую — она забита плотами, но тут подвернулись Москали. Когда двести седьмой поднимался вверх, диспетчер здешней сплавной конторы поинтересовался, не возьмет ли Черепанов плот у них. Черепанов быстро сообразил: нужно взять! Не будут они тогда порожняком идти еще сорок пять километров. Заодно увеличат оборачиваемость судна.

И двести седьмой пришвартовался к готовому четырехсекционному плоту. В Панинской же курье еще нужно ждать, пока таковой сжалят, а здесь через двадцать минут — снова в рейс. Что ни говори, а сноровка, находчивость, предприимчивость — качества, не лишние для капитана. Иначе план не сделаешь, будешь ходить в скромных середнячках.

Не успел двести седьмой выйти из Москалевской запони, как Акимыч услышал по рации разговор капитанов двух буксиров-плотоводов.

Первый:

— Двести седьмой схитрил, в Москалях плот взял.

Второй:

— Черепанов — мужик верткий, своего не упустит.

Первый:

— Я сейчас тоже схитрю.

Второй:

— Я уже попробовал — не получилось. Москалевский диспетчер сказал, будто получил нагоняй за то, что позволил взять двести седьмому плот. Диспетчер пароходства требует форсировать вывозку леса из Панинской. А я так думаю, что Черепанов с тутошним диспетчером живет вась-вась.

Акимыч передал капитану разговор. Тот криво усмехнулся, покачал головой:

— Вот так многие полагают, будто у меня то блат среди начальства, то я выслуживаюсь и тем зарабатываю снисхождение. А ничего подобного, сам знаешь, за мной не водится. А ну их, завистников!

— Не расстраивайся — ты прав... Иди лучше вздремни...

— Стоит ли? Через полтора часа заступать на вахту. Да и как-то не по себе... Погода, что ли, влияет? Мерзковато на душе. А тут еще эта радиограмма...

В конце дня двести седьмой получил радиограмму, о содержании которой знал лишь пока один состав: Черепанов, Акимыч, Эдик Кривошеков и помощник механика по оборудованию Сергей Окунев. А содержание ее таково: «Направьте в Пермь моториста-рулевого Тронина в связи с семейными обстоятельствами».

Борису ничего пока не говорили. Плыли вниз в Керчево, где предстояло поставить плот; скажут про радиограмму ему там, заодно попросят какое-нибудь судно взять до Перми их моториста.

«Что могло случиться? — строил предположения капитан. — Молодая жена Бориса не выдержала одиночества? Но она ведь клятвенно уверяла Соню, что не потревожит Бориса во время северного завоза. Неужели не сдержала обещания?.. Или что с мамой? Год назад, по словам Троница, она перенесла инфаркт... Впрочем, чего гадать? Поживем — увидим. Одно плохо: оголяется команда».

Тронин стоял рядом, всматривался в темноту. А она была густой: и небо, и землю покрыл черный-пречерный туман. Да еще шел снег, и свет от прожектора двести седьмого с трудом пробивал снежный мрак.

Днем, на подходе к Керчево, Черепанов показал Борису радиограмму. Тот прочитал ее, сразу сник, растерялся.

А еще минут через двадцать Черепанов попросил ка-

питана сухогруза «Днепропетровск» Шадрина, направлявшегося на Чусовую за щебенкой, взять на борт их моториста-рулевого.

Вернулся Тронин на четвертый день — на попутном контейнеровозе. «Озерный» шел ему навстречу — с плотом, и Акимычу было сообщено, что необходимо снять с контейнеровоза их моториста. Акимыч тотчас распорядился спустить моторную лодку и проследовать к самоходке.

Вскоре Кривошеков с Гордейчевым отошли от своего судна.

Борис явился на борт «Озерного», вопреки ожиданиям и предположениям, веселый, разговорчивый, чем-то даже приободренный. «Уж не розыгрыш ли это был — семейные обстоятельства? — подумал Черепанов. — Подожди, Венере стало скучно, она и пришла в отдел кадров РЭБ, поплакалась: вызовите милого на свидание».

Борис привез полную сумку свежих огурцов — может, целое ведро и передал их повару:

— Это подарок команде... от мамы...

Иван Гордейчев занес чемоданчик Бориса в каюту.

Никто его ни о чем не расспрашивал.

Спустя десять минут, переодевшись в спортивный костюм, Борис постучался в блок-каюту капитана.

— Входи, — услышал Тронин голос Черепанова.

Борис нажал ручку вниз, вошел. Ухмыльнулся.

— Ну, что скажешь? — поднял на него взгляд Черепанов. — Да ты присаживайся.

Борис в некотором смущении мял руки.

— Ребенок у нас будет.

— Поздравляю. Только неужели из-за этого нужно отрывать человека от работы?

— Не знаете мою Венеру. Она ведь у меня баламутка. Приснилось ей, будто я категорически против ребенка. Утром прибежала в отдел кадров — и в слезы: «Вызывайте, иначе могу сделать непоправимое». Ну, меня и вызвали. — Борис привстал со стула: — Разрешите приступить к выполнению своих обязанностей?

— Разрешаю. — Черепанов тоже встал и подал Борису руку. — Молодец, что вернулся.

Рейс продолжался. Подходили к Кушмангорту и Кольчугу — родине Черепанова, и наконец-то днем. Вон видна уже деревянная лестница, что спускается с круто-

го кушмангортовского берега к воде, к моторным лодкам. Видны белые цистерны на берегу — в Кушмангорте находится нефтебаза. А дальше, за цистернами, за крутым берегом, стоит деревня Кольчуг, где он заканчивал восьмилетку. Там живет сейчас его старый друг по речному училищу Валентин Сидорец. Работает на лесосплавном катере, ставит боны. Года три назад они случайно встретились — на реке. Надо бы снова свидеться, поговорить о житье-бытье. Может, при случае удастся сгонять на моторке в Кольчуг — так изболелась душа по близким с детства людям.

Борис Михайлов

ПЛОТЫ ПЛЫВУТ

Водой заплесканы холодной,
Плывут тяжелые плоты.
Не трутся бревна, сбиты плотно
По звеньям в ровные ряды.
Их непогодой закачало.
Навстречу — влажные пески,
Большие пристани, причалы
И просто шаткие мостки.
То синий бор, то луг веселый,
То шумный город — гул и дым.
Дождем обрызганные села
Блестят над берегом крутым.
Вода под тучами лилова.
Пыхтят буксиры. Долог путь.
На липкий пласт коры еловой
Садится чайка отдохнуть.
И долго волны в белых лапах
Щепье качают, вьют круги,
Храня смолистый, терпкий запах
Закамской сумрачной тайги.

ВОДА И БЕРЕГА

Миниатюры

РЕБЕНОК

Пробираемся с лесником Панкратом по глухому, заросшему высокой, двухметровой крапивой, логу. Панкрат идет впереди, трескуче проламывая в крапиве ход своей широкой, массивной фигурой.

Крапива, уже почерневшая, пыльная, обильно осыпает нас мелким семенем, но она все еще крепко сердится, оберегаешь лицо и руки от ее острых, жалящих укусов. Кроме того, весь лог захламлен нападавшими, гниющими ольхами, сухие сучья которых переплелись с крапивой, объединились и довольно успешно преграждают нам путь. А кроме того, жарко и душно сегодня, стоит солнечный сентябрьский день, идем, короче, трудно и медленно, во рту и носу все забито сухой горечью.

И лишь посередине лога провальюно пролег, причудливо изгибается свободный от крапивы прогал, это течет речушка, всего-то в каких-нибудь полметра шириной, только-только что народившаяся, мелодично позванивающая холодной и прозрачной водицей.

Меня вдруг осеняет, я спускаюсь в речушку и бреду ее обкатанным, скользким, жвакающим под сапогами каменишником.

Панкрат тотчас чутко останавливается, кидает мне бесцеремонно и гневливо:

— Ты чего это удумал?

— Как чего? Бреду вот, удобно. Спускайся и ты...

— Ты погляди-ка на него. Умный какой нашелся... Ведь это же вода, водичка! Понимаешь?.. А ты в нее сапожищем залез... Ведь это же ребенок еще, недавно, считай, и белый-то свет увидел, задышал, а ты его топчешь, ломаешь, мутишь... Впервой, что ли, в лес-от попал? Совесть ведь надо иметь. Что тебе, места мало? Негде пройти больше? — никак не мог уняться Панкрат, походя за этим своим ворчанием и сам на капризного ребенка. — Привыкли там, в городе-то, воду не почитать. Тратят ее сколько угодно, гадость в нее всякую спускают. Потом эту отраву сами же и пьют, что ж по ней не походить здесь. Счас же вылазь!

Пришлось подчиниться. Придется как-то заглаживать вину, Панкрат таких оплошностей долго не прощает.

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Меня разбудил матрос, заглянувший в салон и громко объявивший какую-то очередную остановку. Сходившие на этой остановке пассажиры засобирались, запереговаривались, поглядывали то и дело в черные, запотевшие окна, проверяли — далеко ли еще до причала?

Наконец «омик» начал неторопливо разворачиваться, останавливаясь, почувствовался мягкий толчок, вернее, удар правого борта о причальную стенку, о подвешенные на ней автомобильные покрышки, пассажиры потянулись к выходу, впуская в салон холодный ночной воздух.

Слышно было, как матросы снаружи зачаливают теплоход, гремят перекидным мостиком, как уже радостно приветствуют друг друга с причала и с борта встречающие и приехавшие.

В салон начали заходить новые пассажиры, устраивались, размещались на свободных скамейках, подремать немного в дороге, благо салон был полупустым, места на всех хватало. А до конечной пристани еще не близко.

Я вышел освежиться, посмотреть на берег, на причал, на ночь.

Собственно, ночи как таковой уже не было. Все вокруг было пронизано серостью, проглядностью раннего рассвета. Маленький дощаной, шаткий причал был уже пуст, люди успели разойтись, берег подступал к нему близко, почти вплотную, нависал над водой, над теплоходом тяжело, выпукло, высоко, так что приходилось задираТЬ голову. Он выпирал в реку тупым, округлым мысом, расходясь в обе стороны такими же высокими, выпуклыми боками, как крепостными стенами. Мыс был гол и, по всей вероятности, каменист, но сверху его покрывал тонкий земляной слой, проросший и скрепляемый корнями чахленькой, короткой и редкой травки, отчего и весь мыс не казался таким уж твердым, скалистым. Мыс четко, шишкообразно вычерчивался вверху, на чистом фоне светлеющего летнего неба.

Матросы убрали чалки, перекидной мостик, двигатель «омика» заработал, затарахтел сильнее, причал стал

медленно отделяться, уплывать взад и вправо. И тут только открылась, увиделась явственно деревянная узкая лестница посреди мыса, прямая, нацеленно устремленная ввысь лестница, ступеньки и поручни которой так четко вырисовывались теперь на самой макушке мыса, на крутом взлобке его, уходили, перегибаясь, и дальше в небо. И нет им, казалось, конца и края.

По лестнице, по всей ее длине, неторопливо, с остановками, одиночно и маленькими группками, взбирались люди. Там, наверху где-то, был, должно быть, их поселок или деревня, тепло и уют их домов. И таким заманчивым, таким необходимым стал и для меня этот подъем, взбирание по лестнице, тоже захотелось попасть на нее, ощутить под ногами и руками крепость и надежность ступенек и поручней, таким влекущим стало все больше и больше распаивающееся и светящееся по мере отплытия теплохода небо, что я беспокоюсь заходить по борту. Скорее, скорее сойти на берег, кинуться по ступенькам, бежать, прыгать что есть духу, сколько сил хватит, там, в вышине, в небе, размахнется тебе речной простор, необъятность и глубина лесных далей увидится, там, на вершине мыса, ты почувствуешь в полной мере силу и вольный дух ветров, летящих издалека.

Но было уже поздно, причал неотвратимо удалялся, меж ним и теплоходом напористо, нарастающе ширилась вода, с такими же опрокинутыми в нее мысом и небом.

ТЯГА

Теплоход идет близко от берега. Берег скалистый, обрывистый, из слоистого, косо расположенного, серого плитняка, с тонким травянистым дерном на ней, с растущими поверху стройными соснами. Прекрасные, золотистые сосны эти белеют своими выползающими, свисающими с обрыва и цепляющимися за плитняк корнями-щупальцами, раскачиваются, шумят на ветру своими лишь макушечными, маленькими, аккуратными кронами.

А внизу, под скалами, на узкой песчаной косе много нападавших, вывороченных вместе с корнями деревьев. Или эти деревья откуда-то нанесло, прибило к берегу, засосав накрепко песками. Вода добела обкатала, обтерла, облизала стволы и корни, и они, причудливо из-

виваясь и изгибаясь, замысловато, неразвязно сплелись, образовали нечто подобное сплошному валу, будто оберегающему берег от волн, от дальнейшего размыва. В валу том были намешены не только деревья, а и всякого рода речной хлам и мусор, тоже обтертый, преобразованный водой. Какой чудодейственной, упорной и неотступной силой обладает обыкновенная речная вода, когда она лишь течет, волнуется, плещется — то есть живет просто-напросто, как смелый, гениальный ваятель берется она за все, что попадает в реку, из всего делает открытие, сказку, шедевр, которые без конца изучать, разгадывать можно. Каменистую, обвалившуюся глыбу, к примеру, она может обратить в женщину или какого-нибудь гладкоспинного ластоногого зверя, всегда славящихся богатством и совершенством телесных форм, а любую плавающую коряжку она может так отшлифовать, так обнажить, высветить в ней каждую жилочку, каждый мускул, что сколько бы ни смотрел на эту коряжку, всегда будешь находить, открывать что-то новое и прекрасное.

Опять поймал себя на внезапной тяге, на большом, страстном желании сойти немедленно с теплохода, побродить по берегу вдоль вала из деревьев, полазить, порыться в нем, поискать, повыбирать поделки воды, заглянуть в белые, гладкие и такие влекущие лица. В чьи лица? Жизни ли, смерти?

СЛЕВА И СПРАВА ПО БОРТУ

Стою по левому борту теплохода и смотрю на только что занявшийся летний рассвет. До берега далеко, километра два, и потому скорости теплохода почти не чувствуется, если, конечно, не смотреть круто вниз, на стремительно бегущую мимо воду, и потому я наблюдаю сразу два рассвета: один в ясном небе, другой в реке. Разделены они лишь узенькой, далекой полоской земли, на которой еще ничего нельзя разобрать. Рассвет в небе мягок и чист, не замутнен, не испорчен ни дымкой, ни черточкой облаков. Рассвет в реке как бы немножко струится, смотрится через что-то живое, трепещущее, но все равно он тоже младенчески чист и легкий, тоже напевает прохладу и свежесть утра.

А что же с другой стороны теплохода?

И я перешел на правый борт.

А здесь еще царит полная ночь, глаза упрутся в непроницаемую глухую темень, невозможно отделить воду от неба и воду от берега. Чувствуется только, что берег этот близок, высок, скалист, по отдельным промелькам, по особому, холодному, каменистому дыханию чувствуется, что места он в обозрении занимает гораздо больше, чем вода и небо вместе взятые, что несется он рядом тяжело, быстро и несворотно. Ничего еще в этой стороне не достигли, не проявили рассветные лучи, настолько они были пока еще слабы, беспомощны, чтобы перемахнуть громаду теплохода.

И я вдруг испытал странное ощущение, наслаждение даже от такой смены утра и ночи, света и темени, свободной возможности перехода из одного состояния в другое, будто бы я выскакивал и кидался в снег из раскаленной, распираемой жаром баньки, потом обратно в нее заскакивал.

И я еще несколько раз перешел в то утро или ночь с борта на борт.

ЖЕНЩИНЫ И ПЕСКИ

На покато́м берегу, на золотистом песчаном пляже — шум, кутерьма невообразимая, сотни купающегося люда. Здесь так называемая «зеленая стоянка». Здесь причалил большой туристический теплоход, и все пассажиры от мала до велика сошли, конечно, на берег, надоело только плыть и плыть, надоело только смотреть и смотреть на воду. И вот все дорвались до этой самой воды, разбрелись вверх и вниз по течению от теплохода — купаются, загорают. Впрочем, многие пассажиры и раньше, на теплоходе, не теряли времени даром, жарились целыми днями на верхней палубе. Потому-то теперь, на пляже, никто почти не боялся сгореть, брали сполна июньского жаркого солнышка и живительного речного воздуха, настоящего на медовом запахе трав, на дыхании близкого луга. Был в этой игривой, горластой толчее и я, тоже наслаждался освежающим волжским ветерком и прохладой воды.

Река ослепительно рябила, горела белым огнем по всему своему необъятному простору, каждой своей волной, каждым своим всплеском умножая солнце, одно

солнце было вверху, в полуденном, синеем размыто небе, и тысяча, миллион солнц внизу, на воде, вся река была в сплошных солнечных вспышках, в сплошном сиянии. Даже не так далекого противоположного берега не было видно, даже плывущие по реке пароходы были едва заметны, все растворяло, плавило в себе это сияние.

Тут из-за корпуса причаленного теплохода вылетела на бешеной скорости моторная лодка и понеслась с высоко задраным носом прямо на купальщиков, не на шутку всполошив их, разметав на стороны, породив много испуганного, веселого визгу и крику, вкатилась далеко на песок, умолкнув резко мотором, замерла, как выброшенная из воды огромная рыбина.

Это приплыл на голубой спасательной лодке боцман нашего теплохода: невысок, крепок, рукаст, чуть разве за тридцать, в полной физической красе мужчина. Он тоже был в одних плавках, тоже лоснился загорелым телом, белые, выцветшие усики и волосы тоже, казалось, расходились солнечными бликами.

Мы с боцманом в приятельских отношениях, он обещал свозить меня сегодня на какой-то остров, в какие-то пески, которые где-то совсем близко, в каких-нибудь двух километрах от «зеленой стоянки». Мы с боцманом договорились, где я буду купаться, ждать его — и вот он приехал, заметив еще издали, как я машу ему рукой. А чуть раньше с берега видно было, как он ставит в лодку мощный мотор, как спускает ее лебедкой на воду.

Неспешный, но экономный, уверенный в движениях, он вылез из лодки, придирчиво, изучающе оглядывал всех собравшихся, всех любопытных, желающих прокатиться.

— Вот вы и вы... тоже садитесь. Прошу, — пригласил он широким жестом двух выбранных молодых женщин, подружек, по всей вероятности, в узеньких ярких полосках по бедрам и грудям, прекраснотелых, конечно, тут каждый мужчина не дурак. И столько в его голосе было уверенности, столько обещания счастья, что женщины тотчас согласились, уселись без лишних слов в лодку, хоть у них и была, оставалось на берегу своя компания. Меж этой компанией и боцманом произошел такой разговор:

— С вас причитается, боцман...

— За что?

— За прокат. Таких красоток увозите.

— Возвернем в целости и сохранности.

— А они-то, они-то... ну прямо агнецы божьи. Какое преобразование!

Под насмешками и подковырками такими боцман легко сдернул лодку с песка, мы с ним, уже из воды, запрыгнули в нее, мотор оглушительно взревел, и голубая устойчивая лодка стремительно понеслась, вновь разогнав всех с дороги, вмиг оставив позади кишащий людьми берег.

Тела наши приятно и освежающе било, хлестало встречным напористым воздухом и брызгами из-под вздернутого лодочного носа, река распахнулась, понеслась навстречу во всей своей ширине и блеске.

Женщины сидели на скамейке впереди, спинами к нам, жались — в восторге, в испуге ли? — друг к дружке, распущенные светлые волосы одной длинно развевались сзади, как пароходный вымпел.

Мы неслись вниз по течению, забирая все дальше и дальше от берега.

Куда и зачем неслись? — никто, кроме боцмана, не знал.

Он ловко, уверенно сидел за рулем, направляя лодку в самую середину, в самую глубину речного простора, где по-прежнему ничего нельзя было разобрать, все расплавлялось, распылялось в солнечном сиянии.

Но вот впереди, прямо по курсу лодки, вроде бы что-то выявилось, какая-то узенькая белая полоска, отличная от сияющей воды и неба, потом эта полоска стала быстро увеличиваться, расти, быстро надвинулась и превратилась в довольно большой песчаный остров, вытянутый и как бы плывущий навстречу реке, такой неожиданный, такой загадочный здесь, посреди камского мноводья.

Боцман сбросил газ, затем заглушил и вовсе мотор, но сильно разогнавшаяся лодка опять далеко и свободно выскочила на песок.

И наступила после грохота мотора такая удивительная, такая внезапная и покойная тишина, какой, казалось, и не бывает на свете. Трескучий грохот мотора как бы вобрал в себя и надолго истратил, использовал все земные звуки вокруг. Не верилось, что они возвратятся, что они вообще когда-то существовали.

Лишь минуто спустя начал помаленьку угадываться, различаться и тоненький, заунывный посвист речного ветерка, и жалостливый стон невидимых, парящих где-то чаек, и мягкий шорох накатывающихся, истаивающих прибрежных волн.

Остров расстилал перед нами голые, без единого живого кустика, владения, наносные, намытые рекой пески, слегка желтеющие вблизи. Пески эти бесчисленно бугрились, холмились, причудливо и разнообразно накатывались, завивались в дюны и барханы. И были они так притягательны, так манили к себе и в себя, что все в нетерпеливом волнении повыскакивали из лодки, двинулись по ним в глубину острова.

Вскоре женщины обогнали нас, пошли, не оглядываясь, впереди, будто они одни сюда приехали, будто нас вовсе и не было с ними.

— Ой, какая прелесть! — то и дело чуть ли не в голос вскрикивали они.

Песок чуть слышно поскрипывал под их маленькими ступнями, почти не проваливался, оставляя лишь неглубокие, четкие следы, словно женщины стали невесомыми.

Мы тоже почти не проваливались, песок тоже лишь слегка похрустывал под ногами. То был не пляжный, истолоченный сотнями людей, песок, а упругая, живая, отзывающаяся на каждый твой шаг плоть, щедро отдающая, откачивающая в тебя все свои соки и силы. Нет, не сухую жару и каленость исторгал этот песок, а спасительно прохладную, нежную бархатистость, словно знойное солнце и не нагревало его, а, наоборот, усердно охлаждало. Вода, видимо, близко подходила в этих местах к поверхности песков, руками, наверное, можно было докопаться, хотелось идти и идти, спускаться с барханов и дюн и вновь подниматься, такая в тебе рождалась легкость и окрыленность.

Но женщины все равно шли как по тяжелой, рыхлой целине, плавно покачиваясь и изгибаясь, так уж их природа устроила, распорядилась их походкой. И были они своими округлыми, загоревшими телами, своими как бы истекающими, струившимися спинами и ногами удивительно похожи на пески, на дюны и барханы вокруг, без особого труда вроде переходили, переливались из одного в другое.

— Здесь все изменчиво, неуловимо... — говорил боц-

ман: — Здесь каждый раз бывает по-новому. Остров этот то открывается, то вновь затапливается водой. Особенно весной и осенью, в большую воду. И каждый раз после паводка пески здесь... неизвестно, короче, что вода натворит. То сплошные Каракумы намоет, то плато ровное выстелит. Вот сами убедитесь, как поедем обратно из Астрахани. Остров с теплохода хорошо видно. Да я вам и бинокль дам, чтобы все рассмотреть как следует.

Мы шли и шли по пескам за женщинами, и как-то грустно сознавать было, что все тут и впрямь зыбко и неустойчиво, что дюны и барханы могут в любой день разгладиться, рассосаться, потерять свою упругую, сочную красу, свои пластичные, гибкие формы, что все тут вообще может исчезнуть, пропасть, скрыться под водой, даже сам остров.

ПАРУСНИКИ

Сижу после утренней утиной охоты на камском песчаном берегу, который весь в белых, изъеденных водой, наносных корягах, жгу костерок, варю похлебку. День серенький, скучный, неподвижный. Грязное, мутное, медленное небо. Грязная, почти стоячая вода. В воде плавает прибрежный мусор, желтые пенные шапки, щепье. И на каждой почти щепке покрупнее сидит по чайке, а то и по две, по три, тоже отдыхают, наохотились, напались с воздуха за рыбой.

Чайки сидят сморенно, ужавшись, смотрятся маленькими серыми комочками, но когда щепку, что подалее от берега, подхватит, закружит течением, чайки частенько взмахивают своими длинными, белыми изнутри крыльями, ставят их и держат торчком для равновесия, и тогда такие щепки с птицами делаются похожими на мачтовые лодчонки с то опадающими, то вновь оживающими парусами.

Или это мне в этот скучный, пасмурный день парусов захотелось, упругого ветрового свиста в реях?

Здесь речники смуглы и босы,
Из трюмов вылезли на свет,
И сразу задают вопросы:
— А сколько вам, девочки, лет?

Но в челноке качаясь утлом,
Богини спорту лишь верны,
И пахнет рыбой и мазутом
От набегающей волны.

Шуршит от ветра расписание,
Кричит ОСВОДовский плакат,
Иную даль и расстояние
Притянет к берегу канат.

И вот по трапу сходят люди,
Подобен каждый лик заре,
Чужие радости и судьбы
На общей сходятся земле.

Роберт Белов

ПОМНИТ ЗЕРОВЫХ КАМА

О черк

Однажды довелось мне стать очевидцем картины, какую видеть не чаял, хоть и знал, что она вполне вероятна. От причальной стенки речного вокзала отвалил, делая оборот, теплоход «Николай Зеров», и навстречу ему спешил шедший вверх по течению «Вильгельм Пик».

На «Вильгельме Пике» Николай Зеров проплавал старшим механиком полтора десятка лет, сам привел его с Балтики на Каму. На нем же и умер — завидной, мгновенной смертью много пережившего и потрудившегося человека.

...А на берегу находился еще один — молчаливый, но отнюдь не немой свидетель той встречи у туристского причала — «ракета», в чьем корпусе разместился музей Камского пароходства. В его экспозициях, начиная со

второго десятилетия прошлого века и до семидесятых годов нынешнего, часто отражалась судьба династии речников Зеровых. Сам музей в значительной степени созданием обязан заботам, усилиям, рукам одного из Зеровых — Серафима Петровича, старшего брата Николая Петровича.

1

В конце марта 1973 года снег согнало не только в городе, но и вообще на всех открытых, пригретых местах и, конечно, на камских берегах. А тридцатого числа стояла такая теплынь, какая редко выпадает в иное мае.

Комната в пароходстве, где работал Серафим Петрович Зеров, тремя окнами выходила на реку. Рабочий стол его стоял против окна, и Кама — вот она, только поглядеть. Обычно Серафим Петрович ее вроде не замечал — по привычному виду да и за делами. А в тот день поглядывал часто: сегодня Зерова провожали на пенсию.

Многие не раз спрашивали:

— Отчего не остаетесь? Неохота же уходить?

— Неохота. Но ведь с тридцатого года на флоте. Годы! И Валентина Вячеславовна устала, вместе уходим.

В обеденный перерыв, глядя мимо плеча жены в окно, на Каму, Серафим Петрович сказал:

— Не представляю, как буду без реки...

— А я что говорила? Сама-то думала-передумала. Не так-то просто — уйти.

...В конце рабочего дня аппарат управления пароходства собрался у его начальника Льва Николаевича Рямзина. Просторный кабинет был полон. Стульев не хватило, многие стояли. Но — в тесноте, да не в обиде, по-семейному. Вел собрание начальник пароходства.

— Вся жизнь Серафима Петровича прошла на нашей прекрасной реке, весь труд — в коллективе пароходства, в отделе теплотехники. За исключением тех лет, когда он воевал с фашистами...

Напомнив о наиболее заметных заслугах Серафима Зерова, о крупных его технических начинаниях на Каме, Рямзин вручил юбиляру кинокамеру, сказав:

— Серафим Петрович одним из первых в нашем па-

роходстве увлекся кинолюбовительством. Так что вручаю в соответствии с заслугами и наклонностями.

Поздравителей было много, по сути, от всех служб и подразделений пароходства. Припомнили, что ветеран сделал изобретений и внес рационализаторских предложений более четырехсот. Вспомнили его работу в научно-техническом обществе...

Сотрудник отдела судового хозяйства Степан Михайлович Шилов взволнованно сказал:

— А я вот встретился с Серафимом Петровичем на фронте, в начале сорок второго года, под Москвой. Нас вызвали с передовой на совещание специалистов по вооружению. Там тоже речь шла об усовершенствованиях, внесенных Зеровым в боевое оружие...

Но кто бы ни выступал и о каком бы моменте жизни и работы Серафима Зерова ни шла речь, никем не было произнесено обрядовое словосочетание: «Провожая на заслуженный отдых». Всем было ясно, к отдыху Зеровы не приучены.

Стрекотала подаренная кинокамера: Рямзин, вручая ее, предупредил, что она заряжена. И ее догадливо пустили в работу, запечатлевая памятный в жизни старшего Зерова день. А сам Серафим Петрович невольно вспоминал другое торжество, вспоминал брата...

Ровно день в день, через полгода после вручения ему Звезды Героя, 19 ноября 1971 года Николай Зеров вошел в парадный зал знамя пароходства с орденом Ленина наверху полотнища, возле древка. Речники отмечали двадцатипятилетие регулярного судоходства на Каме, юбилей пароходства.

Река в тот день была красива по-особому. Как раз лег первый в ту осень сплошной снег, и темная вода между белыми берегами казалась особенно густою, тяжелою. К бетонному причалу речного вокзала пришвартовали трехдечник «Фредерик Жолио-Кюри», предназначенный по случаю торжеств под гостиницу для многочисленных гостей, но одновременно как бы несущий парадную вахту. Кроме праздничных флагов расцветивания, судно украшали гирлянды мигающих электроогней, развешенных от клотика до носового и кормового флагштоков.

Тогда на торжественном собрании Зеровы сидели по-разному: Николай — в президиуме, Серафим — в зале, рядом с Валентиной Вячеславовной и Софьей Ефимовной, женой Николая. Валентина Вячеславовна — при всех на-

градах: орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени, множество медалей. Еще бы! Праздник пароходства был ее заслуженным праздником. Вряд ли какая-нибудь женщина проработала на вполне мужской должности механика-теплотехника на Каме больше сорока лет, как довелось ей.

Речной стаж Софьи Ефимовны был примерно вдвое меньше. Но и двадцать лет на флоте — не шутка! И какого бы момента в истории судоходства на Каме ни касались в юбилейных речах, многое имело самое непосредственное отношение к зеровской династии.

Шла ли речь о заре судоходства, о бурлацких ватагах — и в памяти Зеровых вставал Орел-городок, родовое гнездо нынешних многих речных династий. Говорилось ли о первых паровых судах на Каме и Волге, построенных в Пожве, — и всплывало семейное предание о предке нынешних Зеровых, состоящем в палубной команде одного из тех судов. История жизни речников на стыке прошлого и нынешнего столетий — это и история деда Николая и Серафима Зеровых — камского капитана Григория Андреевича Найданова, и отца их — механика-самоучки Петра Никитича Зерова.

Революция, национализация флота, бой за Советскую власть, первый в Орле деловой совет речников, который возглавил Петр Зеров, бой с колчаковцами на пароходе «Соликамск», на котором он плывал... Разруха и период восстановления, первые пятилетки, ударничество, руководитель-выдвиженец — все это биография Петра Никитича.

Техническое перевооружение речного флота в тридцатые годы — это уже начало трудового пути Серафима. Война: беззаветная работа отца в тылу, на реке, и четверо братьев Зеровых, ушедших на фронт. Вся послевоенная деятельность пароходства — день за днем в судьбах Николая, Серафима, их жен.

Есть в Орле-городке, по соседству с собором восемнадцатого века, современный памятник, посвященный событиям давним, но незабываемым.

Четыре могучих листовенничных ствола, заостренных вверху, тесно, как пики на ермаковских челнах, уставлены в небо. Чудится, что не пики это, а нацеленные в звезды ракеты. На необычайном таком частоколе — барельеф Ермака и надпись о том, что отсюда двинулась

на Сибирь его дружина. Четыре кряжа «железного» дерева символизируют четыре века жизни поселка.

Есть здесь еще памятник — мемориальная доска на доме Якова Михайловича Пирожкова. Он — личность легендарная. Капитаном храбро воевал в гражданскую войну на пароходе «Товарищ». Однажды, тяжело раненный, потеряв зрение, он ценой невероятных усилий вывел судно из боя, чем спас пароход и людей.

В поселке всю жизнь прожил сын Пирожкова, Андрей Яковлевич, проплававший только капитаном не меньше пятидесяти навигаций, а потом еще лоцманом на весенней выводке верхнекамских плотов, заслуживший высшую награду страны — орден Ленина. Внуки Якова Михайловича — тоже речники. Династия эта известная, в писцовой книге Яхонтова по городу Усолью и уезду 1579 года упоминаются Пирожковы из Орла-городка.

А вот столь же древних документов, касающихся рода Зеровых, пока не обнаружено. Однако известно, что дед или прадед Григория Андреевича Найданова, деда братьев Зеровых по матери, состоял в палубной команде одного из первых паровых судов России, которые летом 1817 года отправились из Пожвы в Пермь, а затем и дальше по Каме на Волгу, к Нижнему.

Построены оба судна и машины к ним были на Пожвинском заводе Всеволожского под руководством талантливого инженера-универсала Петра Григорьевича Соболевского. Его ближайшим помощником стал пожвинский мастер, механик Петр Карпович Казанцев. Суда по конструкции отличались известной оригинальностью. Их корпуса были изготовлены специально, тогда как пароходы Берда, построенные в Петербурге, представляли собой обычные несамоходные суда того времени, на которые установили паровые машины мощностью четыре лошадиные силы. Мощность двигателей пожвинских судов была тридцать шесть лошадиных сил на большом судне, и шесть — на малом.

10 сентября 1817 года, проплыв по Каме и Волге 1140 верст, пароходы прибыли в Казань. Раннее похолодание вынудило отказаться от продолжения плавания вверх по Волге. В октябре 1817 года встали на зимовку на Каме возле села Тихие Горы. Суда примерзли ко дну, и весной следующего года река привела их корпуса в негодность. Машину большого парохода демонтировали,

малый же своим ходом дошел до Сарапула, но из-за обильной течи пришлось снять машину и с него.

Возможно, Зеровы благодаря участию в столь необычайном рейсе выбились в лоцманы. Может, ходили бечевой. Сами люди не часто придавали значение своей судьбе, историей своего рода не шибко интересовались. Доподлинно известно, что дед Зеровых по матери, Григорий Андреевич Найданов, работал капитаном на пароходе «Княгиня Львова». Суровый и степенный человек, он горячо любил свою дочь и зятя своего, отца Зеровых, принял в дом с радостью, радушием.

История этой династии речников, поддающаяся подробному исследованию, начинается с Петра Никитича Зерова.

2

На «бушкаре» — бушприте — парохода «Наследник», стоящего на орлинской пристани, сидел верхом молодой парнишка и старательно надраивал лапу якоря.

Механик парохода «Соликамск» Яков Кузьмич Шабунин, уважаемый среди орлинских водников человек, невольно остановился, долго, покачивая головой, смотрел на эдакие труды. «Сгальничают опять над новеньким, зубоскалы», — подумал он и крикнул:

— Ты что это делаешь?

Увидев внизу человека почтенного, в летах, при форменной фуражке, парнишка скинул картуз и ответил:

— Приказано почистить.

— Да кто приказал-то?

— Они, господа матросы. Долго больно...

— Как уж не долго! Сам-то ты кто?

— Кочегарим.

— Дак чего не свое дело делаешь? Всяк сверчок знай свой шесток. Твоя забота — топка, пар держать в машине.

— Держим. А и это кому-то надо делать.

— Эх, дитятко ты, дитятко! Обманывают ведь тебя. Со сходен раздался веселый матросский гогот.

Шабунин полуобернулся к матросам:

— Уразумел теперь? Да ничего: ты-то глуп еще, дак и они не умней. И ты не поддавайся.

У Кузьмича был свой взгляд на жизнь, на людей. Он заметил старательного, безотказного паренька. Через

год, едва появилась вакансия, забрал Петра Зерова к себе на «Соликамск» масленщиком. Так начал речную службу отец братьев Зеровых.

Петр Никитич как бы нарушил довольно стойкую камскую традицию: обычно машинные команды пароходов на Верхней Каме формировались из мастеровых побережных заводов Пожвы, Добрянки, Майкора, Чермоза. Крестьяне же шли матросами, а у машин выше должности кочегаров не поднимались. При малой грамотешке, но трудолюбивый и смекалистый, Петр Зеров сумел выбиться в помощники механика.

Став им, Зеров нарушил еще одну кастовую традицию: женился по любви на дочери орлинского капитана Найданова — Анне. История их любви и женитьбы довольно романтична.

Познакомились под пасху на камском берегу. Молодежь веселилась на качелях. Петр припозднился: отмылся да переодевался после работы. Когда с разбегу вспрыгнул на качели, места хватило только-только просунуть носок одного штиблета. Петр сказал девушке, почти подростку, стоявшей перед ним:

— Подвинься-ка, дитяtko.

— Скажите, какой папаня сыскался! — стрельнула та вроде сердитым взглядом. Но раскачивать качели одной, если б не этот парень, было страшно, и девушка чуть передвинулась вперед.

Петр прочно поставил ноги на край доски. Ну и раскачивал же он! Конечно, взрослый парень, мужик совсем. Сердчишко у Анны займетса-займетса, как качели идут вверх, да потом разом и ухнет вниз! И страшно, и сладко — никогда так не качивалась. Другие девки тоже радостно повизгивали, потом взмолились: «Ой, будет!»

Едва качели остановились, все попрыгали на землю. Анна улыбалась. Петр стоял повеселевший, в распахнутом пальто. Поперек жилетки красовалась цепочка с брелочками. Знай наших! Ведь сколько годов первым помощником механика плавает, даром что холостой. От пиджака, надетого первый с зимы раз, попахивало нафталином.

Анне захотелось что-нибудь сказать приглянувшемуся парню. Помявшись, спросила:

— А который теперь час на ваших серебряных?

— Ишь, какая занозистая! Это не часы, а чепка для

красы! — Петр вытащил конец цепочки с пустым кольцом. Все это получилось у него с вызовом и вроде складно. Анна прыснула, прикрыв рот ладошкой.

Молодежь стала расходиться по домам. Петр неожиданно для себя сказал:

— Ну что, дитятко, проводить тебя, что ли?

— Опять дитятко! И не вздумай. Папаня увидит, он тебе задаст, чернотропу.

Смеясь, Анна побежала по мягкой еще тропинке.

Чернотропами называли чумазных из машинных команд: когда они шли откуда-нибудь из мастерских, особенно по снегу, за ними оставался черный след от масла и копоти, въевшихся в рабочую одежду и обувь.

Петру Зерову не думать бы о девчонке, но когда релка зазеленела травой, зачастил он туда, чтобы увидеть Анну Найданову. Прошел лед по реке, следом отправились в плаванье пароходы.

В редкие стоянки, когда случалось среди навигации зайти в Орел, ждал Петр на прибрежной релке вечерами, когда вернутся из-за реки девчата, «опаромятся», как говорили в селе.

Скот на лето переправляли за Каму, в левобережные луга. Два раза в день, утром и вечером, девки и бабы ездили доить коров. В Орле обществом держали большие баркасы, а чтобы бабам не рядиться, кто вчера греб, каждая имела свое весло и им гребла. Гребут — поют. И под релкой, где приставали баркасы, обменивались девчата с поджидавшими их парнями первыми тайными взглядами на молчаливых своих свиданиях.

Анна, ступая на бережок, искала взглядом высокую, складную фигуру Петра. С первой качели миновало три года, Анна совсем заневестилась. Почиталась она в Орле завидною партией, сватов к ней засылали многие. Красива, работаща, скромна. Сам Григорий Найданов — при деле верном и почетном и, известно, при деньгах. Хозяйство ладное, дом двухэтажный.

Сватов, однако, засылали не в открытую. Найданов — человек решительного слова, да и дочка с норвом. Откажут — сраму не оберешься на селе. Тем ранним, неофициальным сватам Григорий Андреевич без обиды говорил, что неволить единственную дочку не будет. Кто ей люб, за того и пойдет.

Ухажеров вокруг Анны становилось все больше. Но тот, кого хотела видеть, летом редко бывал в Орле. Од-

нако, видя их нечастые встречи, окружающие поняли, почему Найдановы спроваживают женихов и отчего Петр Зеров не женится, хоть вполне на возрасте. Яков Кузьмич Шабунин смотрел, смотрел на Петра, крикнул, надел меховой картуз и пошел к Найдановым свататься.

Ну, и пошло все, как положено. Тысяцким на свадьбе вызвался быть сам капитан «Соликамска» Василий Михайлович Пирожков.

Получилось так, что, приняв зятем в дом Петра Зерова, Григорий Андреевич и впрямь обзавелся сыном. Сохранилось «Дело Орловского волостного правления по усыновлению крестьянина Петра Никитича Зерова во семейство крестьянина Соликамского уезда Лазаревского сельского общества Григория Андреевича Найданова» — прелюбопытнейший документ 1911 года, кудреватым почерком волостного писаря характеризующий уклад крестьянской жизни той поры. Дело в том, что Зеров в селе Орел являлся человеком пришлым, и, чтобы стать полноправным хозяином, владеть соответствующим наделом и всем прочим, как хотел тесть, Петр должен был стать членом общины крестьян-собственников. Путь к этому был один — через усыновление. При том, что капитаны, лоцманы и механики судов в смысле заработка находились в привилегированном положении по сравнению с любыми мастеравыми, каждая водницкая семья стремилась держать хозяйство.

Любопытная деталь. Под постановлением по этому делу значится: «Григорий Найданов неграмотен, за него по просьбе расписуюсь. Павел Молоковский». (Позднее Молоковский — активный участник становления Советской власти в Орле и боев гражданской войны.)

Вот так: механик судна был как бы вне закона во крестьянстве, раз пришлось прибегнуть к таким крючкотворным фокусам, а капитан «Княгини Львовой» пребывал неграмотным! Революция дала им свет, обратила в свою веру.

Как только в 1918 году обнародовали Декрет СНК о национализации флота, обстановка в Орле накалилась. Хозяин «Соликамска» Шанин кричал, что скорее сожжет пароход, чем передаст его беспорточным. Кабы речь шла лишь об этом обесеневшем купчишке!

В зиму восемнадцатого члены команды «Соликамска», зимовавшие в Орле, понимая нешуточность хозяйских угроз, установили дежурства, чтобы не дать изве-

сти пароход. Из Перми для национализации судов прибыл большевик-подпольщик балтийский матрос Василий Иванович Демидов. Такого купеческими угрозами не проймешь, сам нагнал страху на кого следовало. На «Соликамске» создали самоуправление — первый на Каме деловой совет. Председателем команда назначила Петра Зерова. «Княгиня Львова» капитана Найданова была переименована в «Зарю Свободы».

Летом в Нижнем Новгороде развесили объявления «Бывшие моряки Российского военного флота всех специальностей призыва с 1910 по 1917 год приглашаются для записи в целях поступления во вновь формируемый боевой отряд... От желающих поступить требуется признание платформы Советской власти и безукоризненная честность как по отношению к начальству, так и к своим товарищам. Не имеющих таких качеств просим не беспокоиться».

Так Федор Раскольников и Николай Маркин создавали Волжско-Камскую флотилию. А прежде, чем она вышла в Каму, в военную переделку попал «Соликамск».

На нем находился один из членов Реввоенсовета Третьей армии с группой штабной охраны. Когда подошли к Галево, пристань оказалась захваченной воткинскими эсеровскими повстанцами. Пароход пришвартовался, и лишь потом заметили, что к нему подбирается с берега противник. По судну велся огонь. Команда с семьями попряталась в трюм. Наповал был убит помощник капитана Поскребышев, смертельно ранен кок. Красным морякам вести прицельный огонь мешал дебаркадер, привязанное же судно было отличной мишенью для нападавших.

Но два человека из команды — капитан Мохов и механик Зеров — остались на своих местах. Согласно действиями им удалось оборвать чалки и увести судно от берега. Теперь мишенью стали те, кто нападал с берега...

В тот день принял боевое крещение и пятилетний Серафим Зеров, спрятавшийся вместе с матерью от пуль на дне трюма.

На зимовку «Соликамск» встал в Заозерье. С уходом красных частей белые его захватили. На счастье, он не попал в число сорока с лишним сожженных ими в Левшино пароходов.

В июне на «Соликамск» погрузился отряд англий-

ских военных моряков — видимо, морские пехотинцы или команда с миноносцев «Кент» или «Суффолк», входивших в белогвардейскую военную флотилию, — а также офицерский карательный отряд пепеляевцев. Оставшиеся свободные места, включая палубы, забили буржуями и чиновниками с их скарбом. В главном проходе стояло пианино, рядом — белый мраморный умывальник. Господ обывателей волновало, как обычно, лишь барахло.

В Березниках заставили команду разбирать машину, сгружать наиболее ценное оборудование на берег. Основательно пугнутые под Пермью, колчаковцы не больно следили за работой команды. Так что наиболее ценное оборудование и детали механизмов удалось спрятать под телгас — настил в машинном отделении, под трюмную слань. Ящики же набивали металлическим хламом.

Эвакуацию назначили на утро. Ночью белые не оставили на судне охраны, полагая, что дело сделано. Пользуясь случаем, команда «Соликамска» ушла в Орел на двух шлюпках, захватив самые ценные приборы. Кое-кто из команды советовал их не брать: не дай бог, белые остановят, можно сказать, мол, детишек да женщин хотели переправить домой, а с приборами? Зеров и Мохов упрямо отмалчивались и гнули свое.

Ребятишек уложили на днище, на слань между приборами и рухлядью. Полыхнет ли огнем занятый белыми берег?! Обошлось. Медленно удалялся «Соликамск», и на берегу чернел силуэт сгруженного пианино да единственным пятнышком белел мраморный рукомойник. Так для Петра Зерова закончилась гражданская война.

В годы восстановления страны Зеров продолжал работать механиком на «Соликамске» — пароход все же уцелел, и команде удалось восстановить его.

А позднее, в тридцатых годах, Петр Никитич стал, как принято было тогда называть, «выдвиженцем». Его назначили директором завода «Старый бурлак», ныне — «Коммунар». Здесь карьера не состоялась: сказалась недостаточность общей грамотности, навыков и наклонностей к хозяйственной и организаторской работе.

Но именно в это время явные способности организатора-общественника неожиданно проявились у Анны Григорьевны, его жены. Она возглавила женсовет при судоремонтном заводе и так развернула работу, что опыт ее обобщался в специальной брошюре, разосланной по всем организациям водников центральным комитетом

профсоюза речников. Женсовет организовал контроль за погрузочно-разгрузочными работами на пермских пристанях; следил за санитарным состоянием судов, что после разрухи и порожденных ею привычек было делом большим и нелегким.

Женщины шили шторы для пассажирских пароходов, стирали белье тем матросам, кто не имел семьи и по неопытности еще не мог позаботиться о себе... Помощь женсовета была на флоте весьма заметна.

А Петр Никитич после недолгого директорства снова стал тем, кем являлся по призванию — механиком. Но уже не механиком одного судна, а механиком-наставником. В его ведении была теперь группа из восемнадцати судов.

В этой должности он встретил войну. И так случилось, что первый орден в семью принес именно он: в начале сорок второго года за многолетнюю самоотверженную службу на речном флоте Зерову вручили «Знак Почета».

Всю жизнь — а он прожил семьдесят лет — Петр Никитич трудился. Его общий рабочий стаж насчитывает около шестидесяти лет. У Константина Паустовского в рассказе «Равнина под снегом» есть эпитафия лесорубу: «Он всю жизнь трудился и потому был благородным человеком». Характеризуя жизнь Зерова-отца, вряд ли что еще можно прибавить к словам писателя.

3

Дети Зеровых рождались в тех местах, где пароходы вставали на зимовку. Антонина, первенец, единственная дочь, родилась в Серегове. Остальные — чуть ниже Орла, но все равно на Верхней Каме: Серафим — в Усть-Гаревой; Владимир — в Добрянке; Николай — в Пожве и Алексей — в Чермозе. Соответственно, судьбу себе они выбрали отцовскую.

Первым, семнадцати лет, отправился работать на реку Серафим. Работая кочегаром на той самой «Заре Свободы», на которой капитанствовал дед, Серафим одновременно учился в речном техникуме, как тогда называлось Пермское речное училище. Изменились времена, изменились возможности. Внук неграмотного капитана постигал науки, зимой занимался, летом работал на судне.

Серафим Зеров, дипломированный механик, назначенный на пароход «Чусовая», здесь сразу занялся делом, предопределившим его дальнейшую судьбу. Котельное устройство судов подобного типа отличалось неэкономичностью, несовершенством. Назрел вопрос об их переоборудовании. Молодому механику довелось поневоле стать конструктором, экспериментатором, заняться подбором форсунок для топочного устройства.

Его работа была замечена. Зерова перевели в отдел теплотехники управления пароходства. Главная задача — подготовка питательной воды для судовых котлов. За два десятка лет — начиная с 1914 года — чисткой паровых котлов совершенно не занимались. Образовавшиеся многочисленные слои накипи грозили свести на нет КПД всех паровых устройств. Кроме того, на тридцатые годы пришлось начало интенсивного загрязнения рек промышленными стоками: первенцы нашей индустрии очистными сооружениями не обустроивались. Забортная вода стала просто опасной для металла котлов.

Случались курьезы. После надлежащей химобработки питательной воды со стенок котлов отваливались такие слои накипи, что забивались дымогарные трубы и котел переставал нормально работать. Или еще хлеще: едва успевали убрать накипь со стенок, как котел давал течь.

Вскоре Зеров возглавил отдел теплотехники КРП. Суда стали оснащаться специальными лабораториями, приспособлениями. Кроме того, отдел вместе с ремонтными мастерскими, судозаводами, командами судов занимался переводом двигателей с жидкого топлива на каменный уголь: нефтепродуктов не хватало. Однако заканчивать начатое сыном пришлось Петру Никитичу Зерову: Серафим ушел на фронт.

...Под Белым Растом белый снег и стог сена на белом поле. Под Белым Растом шестьдесят четвертая отдельная бригада морской пехоты готовилась принять бой.

Фронтowej стаж бригады — две недели. Сначала она, заменив поредевшую стрелковую часть, держала оборону вдоль канала Москва-Волга. У Серафима Петровича, воевавшего в первой роте первого батальона, сохранились боевые карты, на которых правый нижний угол за-

нимают уже городские кварталы столицы — так близко были фашисты к Москве.

Две фронтовые недели мало что изменили в сознании бойцов. Командиры и комиссары силой отбирали у них бескозырки, внушая, что они здесь не смертники, а защитники столицы, ее надежда. Измотанные нашей обороной, гитлеровцы на участке бригады сидели тишком.

Более того, в первых числах декабря, за несколько дней до начала общего наступления, морякам удалось выбить врага из двух деревень на подступах к Белому Расту, чем они обеспечивали себе исходный рубеж для прорыва вражеской обороны.

И вот это поле перед Белым Растом, превращенным фашистами в мощный оборонительный узел. Каждый из готовящихся к атаке заметил для себя стог посреди поля: вроде как укрытие на чистом месте, возможность передохнуть.

Команда!

По глубокому снегу вместе со своими бойцами Серафим Зеров поднялся в атаку. Достигли середины поля, свалились, утирая пот. Не приученные к боям на суше, матросы не учли: стог — пристрелянный ориентир, легко прошивается пулеметными очередями. Скопившихся у стога матросов накрыл минометный огонь и огонь крупнокалиберных пулеметов.

Зеров рывком поднимался в атаку, бежал вперед, залегал, откатывался назад и снова поднимался... Сколько так повторялось, теперь Серафим Петрович не припомнит. Это был их первый крупный бой. Очевидным казалось одно: все они могут полечь на этом поле, но так и не взять Белого Раста. Более всего в таком исходе боя были убеждены гитлеровцы. Но они не учли, с кем все-таки имеют дело.

Батальонный комиссар Лихоманов ночью, взяв небольшой десант, на легком танке прорвался в село. Танк фашисты подбили, но моряки заняли большой каменный дом в центре села. Всю ночь держали они оборону, уложив не один десяток фашистов, пытавшихся уничтожить горстку храбрецов. К утру все десантники погибли. Тяжело раненного комиссара Лихоманова гитлеровцы взяли в плен и успели зверски замучить. Но мужество и отвага советских моряков вселили в гитлеровцев ужас. И когда бригада — в который раз! — бросилась в атаку, деморализованный враг не выдержал, побежал.

«К 15 часам 8 декабря советские войска выбили противника из Красной Поляны, а к исходу дня — из Белого Раста», — лаконично сообщает «История Великой Отечественной войны советского народа». Но если эти незначительные населенные пункты, факт их освобождения стали достоянием истории, то понятно, какова значимость боев за них. Да что говорить! С их освобождения началось наше наступление под Москвой!

Еще в дни этого наступления награжденный медалью «За боевые заслуги», Серафим Петрович вскоре был отозван из пехоты. Как дипломированного специалиста его назначили начальником батальонной артиллерийской мастерской.

Название «начальник» не совсем точно раскрывает обязанности Зерова. Замолк поврежденный осколком пулемет или орудие — ремонтники спешат прямо на поле боя, под огнем исправляют оружие. Серафиму Петровичу доводилось не только чинить технику под пулями, но и самому подчас заменять погибших пулеметчиков, артиллеристов, вести огонь по врагу.

За год до окончания войны, раненный и контуженный в боях, Зеров получил новое назначение. Как специалиста-речника его откомандировали в распоряжение Днепро-Двинского военно-восстановительного управления.

На Днестре, на Двине, их притоках, на Двинско-Бугском канале работал Зеров. Здесь во время бомбардировок и боев было затоплено до четырехсот наших и немецких речных судов. Их подъемом и усиленным ремонтом занимались отряды управления. Довелось Зерову и поднимать наши танкеры и баржи с зерном, отправленные в начале лета 1941 года для передачи грузов Германии...

Первым из братьев Зеровых — по старшинству — ушел Серафим на войну, первым вернулся после Победы. В память фронтовых лет бережно хранил он потерянные на сгибах боевые карты, разорванный пулей планшет из полевой сумки старшего лейтенанта Токарева, под Волоколамском повторившего подвиг комиссара Лихоманова. И свой первый трофей — согнутый по форме солдатского ранца тридцать первый выпуск «Зольдатен атласа», в котором географически «обосновывалось» преимущественное право арийцев на пшеницу Поволжья, одесские баштаны и каспийскую нефть.

И стоит в Военно-морском музее в Ленинграде, в за-

ле Великой Отечественной войны, пушчонка-сорокопятка, принадлежавшая 64-й Краснознаменной бригаде морской пехоты. А над нею висит картина «Взятие Белого Раста». На переднем плане — поднявшиеся в атаку моряки. В глубине, на фоне неба, отчетливо видна церковь и рядом с нею каменный — «лихомановский» — дом.

Только стога посреди поля нет. Художник рисовал через год после войны...

4

22 июня курсант Николай Зеров находился в увольнении. Услы́хав о начале войны, он побежал в училище. Обучение курсантов ВМАТУ перевели на ускоренную программу.

С авиацией — вторым в семье, после младшего братишки Алексея — Николай связал судьбу неожиданно для себя. Сперва твердо пошел по стезе деда, отца, старших братьев. Закончил речной техникум, где вступил в партию.

Чувствуя, как «тянет порохом со всех границ», понял: война с фашизмом неизбежна. Решив, что грядущие битвы потребуют от каждого гражданина максимальной отдачи сил, способностей, Николай, не дожидаясь призыва, пошел на военную службу, чтобы приобрести военную специальность.

Он избрал Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище имени Ф. Э. Дзержинского как наиболее близкое любимой специальности судового механика. Но к вступительным экзаменам опоздал. В приемной комиссии ему рекомендовали несколько училищ, где еще продолжался набор, в том числе и Пермское военно-морское авиатехническое. Николай вернулся домой и поступил в это училище. Война застала его на втором курсе.

К осени сорок первого Николай стал выпускником и получил назначение в эскадрилью разведчиков дальнего действия ВВС Черноморского флота. Летали на «каталинах», купленных у американцев гидросамолетах. Они отличались значительной грузоподъемностью, сильным вооружением и, главное, дальностью полета: могли держаться в воздухе по тридцать часов. Экипаж составляли пилоты, штурман, радист, два стрелка и бортмеханик. В этой должности и летал Николай Зеров.

«Каталины» в отличие от машин того времени имели не два, а три «поплавка» — редана. Это помогало при посадке. Дело в том, что чрезвычайно сложно посадить гидросамолет при полном штиле или в крутую волну. При зеркальной воде летчику сложно на глаз определить расстояние до нее и угол снижения, можно врезаться, не рассчитав правильно скорость. В таких случаях военные летчики гидросамолетов «расстреливали» перед посадкой воду из пулеметов, определяя расстояние по всплескам. Почти невозможно посадить обычный гидроплан на крутую волну: он зарывался носом в воду, опрокидывался.

На «каталине» посадка на крутую волну производилась так: пилот чиркал о гребень и вырывал нос самолета кверху, заставляя машину прыгать на хвостовом редане, гася скорость. А потом уже опускался на все три точки. Но садиться на третий редан, как шутили фронтовые пилоты, — «так же весело и приятно, как целовать тигрицу».

Вспоминается одна из встреч Зерова с Павлом Николаевичем Налетовым — фронтовым другом, с которым они прожили вместе все фронтовые годы, механиком того же самолета, только наземным. Павел роста за метр восемьдесят, лысый. Зеров — росточка скорее небольшого, худощавый, волосы и в последние годы еще не утратили способности чуть кудрявиться. Рядом приятели производили удивительно приятное впечатление единства по контрасту, как часто бывает у хороших друзей. Вспомнили однополчан...

Жили коммуной в кубрике три Николая и Павел. Павлу как наземнику чаще других приходилось быть «душеприказчиком». Когда предстоял рискованный полет, улетающий обычно выдвигал из-под койки свой рундук и говорил:

— Ну, в случае чего, вот это — перешлешь родным, адрес здесь. А остальное — на помин души.

Особенно опасным местом для морских авиаразведчиков была Констанца. Порт сильно охранялся. Высотность «каталин» при фотосъемке объектов не спасала от фашистских истребителей: разведчик должен вести фотографирование детально. Именно в момент съемки подкарауливали вражеские летчики, базировавшиеся на Змеином (острове Фиданиси) — самом крупном на Черном море, прикрывавшем устье Дуная. «Мессершмитты»

срывались на перехват разведчику, ведущим фотографирование. «Каталины» проигрывали в скорости, не успевали набрать высоту. Выход был один — прижаться к самой воде, бывшей для гидропланов родной стихией, а для истребителей — погибелью. Если азартный пилот продолжал преследование, его истребитель рано или поздно подставлял брюхо под мощный огонь «каталин». Но и на их фюзеляжах хватало отметин.

Эскадрилья, где служили Зеров и Налетов, выполняла патрулирование акватории Черного моря, разведку, наблюдение за вражескими портами, вела поиск фашистских подводных лодок, охраняла транспортные конвои. Особо азартным было выслеживание подводных лодок, но и — хлопотным. Сверху лодка в спокойной воде, даже погруженная, засекалась легко. Но едва начинали преследование, как она уходила на глубину, погружалась на грунт. Тогда самолет-разведчик сообщал ее координаты на базу, сбрасывал глубинные и окрашивающие бомбы. К месту спешила группа катеров-охотников... В активе эскадрильи было семь потопленных фашистских подлодок.

В сентябре 1944 года под Варной Николаю Петровичу довелось принять участие в операции вместе с легендарным куниковским триста девяносто третьим отдельным батальоном морской пехоты, отличившимся во время высадки десанта на Малую землю под Новороссийском. К этому времени сам Цезарь Куников уже погиб; батальоном командовал капитан-лейтенант Ботылев, тоже Герой Советского Союза. Операция по захвату порта замышлялась еще более дерзкой, чем под Новороссийском: тоже морским десантом, но не с катеров, а с гидросамолетов.

Расчет строился на внезапности. Две «каталины», имея на борту по сорок пять десантников, вечером девятого сентября стали снижаться прямо на Варненскую бухту. Машина Зерова приводнилась первой. Командир подрулил прямо к пирсу, куниковцы один за другим выскакивали на причал. Пулеметы «каталин» обшаривали неприятельский берег, чтобы на огонь ответить огнем: начинать первыми нельзя, неясно, в чьих руках порт.

Берег молчал. Между пакгаузами, в глубь порта, бежали с автоматами наперевес десантники. Напряженное ожидание длилось около часа. Наконец прочесавшие

территорию куниковцы подтвердили: противник покинул Варненский порт. А когда подошли сухопутные части, с изумлением узнали, что Варна уже взята...

Служба в эскадрилье гидросамолетов, как ни парадоксально, дала Николаю Петровичу в годы войны возможность побывать в командировках в глубоком тылу, в Куйбышеве и даже в родной Перми. Выход противника в район Ростова и Ставрополя осложнил снабжение наших войск на Северном Кавказе и в Закавказье, а также базировавшегося на побережье Кавказа Черноморского флота и его авиации. Тогда — летом сорок второго — фашисты имели многократный перевес в авиации. А многие наши самолеты не могли подняться в воздух из-за полученных в боях повреждений, которые легко можно бы устранить, если бы имелись запчасти.

Тут и возникла мысль использовать для полетов в тыл из блокированного Поти «каталины». Гидросамолет над горными хребтами Кавказа, над бесконечными степями Нижнего Поволжья — это ли не дерзость! И все же запчасти, вооружение доставлялись теперь регулярно.

Однажды экипаж получил приказ, от которого у Николая радостно забилося сердце: лететь в Пермь по спецзаданию на завод авиамооторов. И вот под крылом — Кама. Командир вызвал Зерова в кабину:

— Видишь, подходим. Где лучше сделать посадку?

— Вон, сразу за железнодорожным мостом. Влево не забирай, там мелко, наносные пески...

Передние реданы чиркнули по воде. Мелькнул справа отцовский завод «Старый бурлак», замаячили впереди шпили художественной галереи, корпуса родного ВМАТУ, речной вокзал... Самолет осел, приплясывая на мелкой волне.

Вечером, освободившись от дел, Николай поспешил домой, на Коммунистическую, 14. Долго стучал без пользы. Влез в родной дом через форточку, благо квартира Петра Никитича и Анны Григорьевны располагалась на первом этаже. Переночевал. Но ни ночью, ни утром никто не пришел. Выпало счастье солдату, да и то не впрок. Но что спросишь с войны?

В Куйбышеве повезло. Там близ города жила сестра Антонина, и в запасном полку ждал отправки на фронт младший братишка — Алексей. Встреча братьев была короткой, но непередаваемо радостной: такого гостя Алексей никак не ждал. Когда прощались, Николай по-

обещал показать брату свой необычный самолет. И, улета-
тая из Куйбышева, попросил командира пролететь над
расположением запасного полка. По традиции качнулы
крылом...

Николай был последним из Зеровых, кто видел Алек-
сея живым.

5

Из четырех братьев Зеровых речной звезде изме-
нил лишь Алексей. Но такую измену простил бы даже
и сам дед Найданов, пожизненно преданный реке. Але-
ша просто сменил стихию воды на стихию неба. Но яр-
кая жизнь его была короткой.

В один из дней сорок третьего года пришло письмо:
«Здравствуйте, уважаемые родители Зерова Алексея.
Пишет вам незнакомая девушка А. М. Козлова. Сегодня
мне в руки попало письмо ваше к сыну, которого уже
нет в нашей части.

Ваш сын погиб как герой. Он полетел на боевое за-
дание. Над целью от снаряда загорелся мотор, и само-
лет взорвался на своих бомбах.

Я с ним была в одном экипаже, он замечательно ле-
тал, за свои боевые вылеты был награжден орденом
Красной Звезды и представлен к другой награде. Перед
последним полетом его приняли кандидатом в члены
ВКП(б).

За вашего сына переживала вся часть, он подавал
большие надежды...»

Следом пришло еще письмо. От него в целости со-
хранился один листок:

«...поставленную задачу. В этот момент снаряд вра-
жеской зенитки пробил бензобак, мотор охватило пла-
менем. Алексей всем своим умением старался сорвать
пламя, бросая машину то в одну, то в другую сторону.
Но самолет еще больше охватывало огнем. Видя свою
смерть, он направил машину на вражеские танки.

Летчики сделали еще несколько заходов, мстя за бое-
вого товарища, до полного израсходования боеприпасов.
И только после этого легли они на обратный курс.

Вот так погиб любимец нашей части, патриот Роди-
ны Алексей Зеров. Да, тяжела нам всем эта утрата. Но
за смерть Алеши друзья его громят врага с еще боль-
шей силой и будут бить его до полного уничтожения.

Имя Алексея Зерова носит на борту самолета его лучший друг Алексей Никитин.

С пламенным приветом к вам боевые друзья вашего родного сына летчики — Герои Советского Союза Ерашов, Михайлов, Дьяконов; трижды орденосцы Середкин, Платонов, Печников; четырежды орденосец Бурьянов».

Располагая только этими документами, трудно утверждать, повторил ли штурмовик Алексей Зеров подвиг Николая Гастелло. Хотя по нашему золотому правилу «никто не забыт, ничто не забыто» установить это важно.

Сохранилась документальная деталь, ярко высвечивающая характер Алексея Зерова. На обороте фотографии, где он снят с группой своих товарищей, курсантов авиаучилища, рукой совсем еще юного Алексея сделана надпись: «Это мы — летчики! В наших жилах кровь, а не водица».

Не сквозь «револьверный лай» шел Алексей Зеров, а летал сквозь грохот скорострельных зениток, завывание крупнокалиберных пулеметов. До самого смертного часа он оставался верен своей звезде.

Менее всего из четырех братьев Зеровых известно о Владимире, втором по старшинству. Когда Владимир пошел работать, Николай был еще мальчишкой, интересы — слишком разные. И мало что помнил он про брата. С Серафимом, более близким по возрасту, Владимира разделяла бродячая речная жизнь.

Он, как отец и старший брат, пошел по машинной части. Летом братья встречались лишь случайно, если их суда одновременно вставали где-то под погрузку или разгрузку. Да и зимой быть вместе братьям доводилось нечасто: разводила работа.

Точно известно о Владимире, что механиком он был первоклассным, как все Зеровы.

В газетном очерке о Зеровых в «Камском большевике» от 1 мая 1941 года заверстаны фотографии всей семьи: братья рядышком, отец и мать рядышком. И еще, на той же полосе, небольшая заметка:

«Поработали напряженно.

30 апреля прибыл из верховьев Камы первый пароход «Красный Урал».

Пароход доставил из Чермоза девяносто три тонны железа.

Команда поработала напряженно. В пути на значительном расстоянии пришлось преодолевать сплошной ледоход. Несмотря на трудности, пароход прибыл раньше назначенного срока».

На «Красном Урале» с начала самостоятельной работы и до ухода на фронт плавал помощником механика Владимир Зеров.

Можно с полным основанием полагать: раз, несмотря на натужную эксплуатацию в условиях многих навигаций, машина позволила команде в ледовых условиях прийти в порт назначения раньше установленного срока, то механики на «Красном Урале» работали отменно. В том числе, конечно, и Владимир Зеров.

Да, мало о нем сведений. Командуя стрелковым взводом, Владимир Зеров погиб в бою под Воронежем.

Могила его неизвестна.

Но и его путеводная звездочка, бросавшая лучи в Каму против Орла-городка, навечно утвердилась теперь над обелиском на одной из братских могил или над одиноким холмиком неизвестного солдата.

Продолжать и двигать семейные традиции Зеровых в мире послевоенном предстояло только двум братьям из четырех.

6

Есть на Каме хорошая традиция: новую навигацию открывает судно — лидер соревнования в предыдущую. Многие годы подряд первенствовал экипаж «Вильгельма Пика».

Туристы на теплоходе любили распевать кем-то из них и сочиненную песенку: «Теплоход наш — камский флагман, мы его не подведем...» И невдомек им было, что на Каме, в пароходстве, никакого официально поименованного флагманского судна нет. На Волге, например, это был дизель-электроход «Ленин». Само название судна и тип его, как наиболее крупного и комфортабельного, выделяли его из остальных. Нечто подобное случилось и в КРП, когда появился на Каме четырехдечник «Маяковский». Но с приходом «Фурманова» он утратил свою исключительность. Короче говоря, на Каме наименование флагмана завоевывается трудом, как это вышло с «Вильгельмом Пиком».

Флагман так флагман. Но в описываемую навигацию

настроение команды было не ахти. Привыкли быть во всем первыми, а тут с самого начала попали в прорыв. Запланированный рейс до Чайковского отменили по метеорологическим условиям: в Воткинском водохранилище стоял сплошной лед, но, главное, у Оханска, Осы, Елово и всех других пристаней воды всего полтора метра. Мелко. А рейс уже заложен в план, корректировать который флагману не стали. Так, еще до выхода из порта, в судовом балансе образовался дефицит в две тысячи рублей.

Как выйти из положения? Путевки на туристические суда обычно бывают все проданы еще зимой, и теплоходы на всю навигацию зафрахтованы бюро путешествий и экскурсий. Возможность для побочных доходов нулевая, а любой экономии есть предел. Причем именно перед той навигацией руководство КРП приняло решение, и капитаны судов заключили между собой «джентльменское соглашение»: не брать на борт никаких грузов, чтобы не отвлекаться от обслуживания пассажиров, не загромождать палубы, не создавать неудобства для туристов.

Спасти положение могли внеплановые загородные прогулочные рейсы, однако пребывание в Перми было строго регламентировано. При таких неблагоприятных обстоятельствах и начал Зеров первый — после вручения Звезды Героя — свой рейс.

Была и еще сложность. Команде «Вильгельма Пика» предстояло — и прежде всего самому Николаю Зерову — править винты, погнутые в предыдущую навигацию. Прежде такое не являлось проблемой. Камские трехпалубные суда кессонировались в Астрахани и спокойно ремонтировались. Однако по различным обстоятельствам кессонироваться там не представлялось возможным. И не только «Вильгельм Пик», но и другие камские трехдечники ходили с невыправленными винтами.

Как следствие, повышенная вибрация корпуса приводит к расшатыванию надстройки. Наиболее чувствительные пассажиры уже жаловались на дребезжание. Даже Иечка, официантка из верхнего салона, жаловалась капитану, что от трясушки рассыпаются и бьются вдребезги египетские пирамиды стаканов. Состояние винтов — это еще и скорость судна, дело престижа команды и, главное, механика. А флагман всегда считался самым быстходным на Каме среди однотипных судов.

И для них в ту навигацию на Каме не было необходимых кессонов. Кессон на судоремонтном заводе практически не действовал, а до выхода в рейс оставалась одна ночь. Посоветовавшись с капитаном, Зеров отправился в Нижнюю Курью ранним утром, чтобы помочь подготовить кессон к ночному поднятию теплохода. Это была и просьба главного инженера судоремонтного завода.

В обязанности судового механика не входит наладка заводского кессона. Но — помочь надо. Да и в характере Зерова была эта черта — неумная тяга к решению машинных проблем, технических шарад. На реку его привела и удерживала не только семейная традиция и совсем никакая не романтика, чуждая его рациональному уму, а именно возможность самому осуществлять техническую политику.

Когда на его попечении оказались все судовые механизмы, вместе со стремлением к их наилучшему содержанию и совершенствованию в нем и развилась страсть к решению профессиональных задач, не всегда касающихся только его теплохода.

Одним из крупных рационализаторских предложений Зерова стало сокращение групп аккумуляторов на судне и перевод их на систему постоянной подзарядки. Новшество широко распространилось на речном флоте, им до сих пор пользуются на однотипных камских и волжских судах. Усовершенствование это относится к сфере обязанностей электромеханика, должность которого Николай Петрович занимал по совместительству.

На «Вильгельме Пике» проходило проверку и такое новшество, как тиристорная система подруливающего устройства. Новинку разработали на кафедре автоматики и телемеханики Пермского политехнического института. Зеров сам имел касательство к постановке задачи, и потому понятно, почему их теплоход стал экспериментальной базой для ее решения. Как раз в ту навигацию на судне проходил производственную практику Володя Зеров, сын Николая Петровича, тогда — студент политеха. Испытания новинки были успешными, и «Вильгельм Пик» стал первым обладателем улучшенной рулевой аппаратуры.

На нем на первом нашли применение и гидрозaporные системы форсунок взамен неудобных, несовершенных и менее надежных в эксплуатации механических.

В зиму перед описываемой навигацией Зеров, отказавшись от отпуска, согласился до весны поработать заместителем директора судоремонтного завода «Памяти Дзержинского» по флоту. Плавсостав почувствовал тогда полное понимание дирекцией нужд флота. Среди капитанов, механиков, штурманов нашлось немало таких, кто уговаривал Зерова занять замдиректорскую должность насовсем.

Но этого Николай Петрович делать не собирался и не хотел.

— Мне совершенно не важно, буду ли ходить на трехдечниках или на грузовом работяге. Лишь бы имелось в руках машинное хозяйство, которое я должен довести до ума и надлежаще содержать. Но — только на реке, а не на берегу...

Многие втихомолку считают, будто у передовиков, этих счастливицков, все идет как по писаному, к тому же не без помощи и поблажек сверху. Обидная неправда.

Знакомый с кессонами разных типов, Зеров не зря отправился в затон. Он много помог, в частности предложил сделать вторую брезентовую штору. Ее изготовили, но крепления оказались слабыми. Их оборвало. Промучились всю ночь, утро — все безрезультатно. Нет, зеровские труды и горький опыт тогдашней возни с кессоном не пропали даром: после них теплоход «Хирург Разумовский» прокессонировался великолепно. Но «Вильгельму Пику» от этого легче не было. Даже к посадке пассажиров опоздали.

Едва собрались отчаливать, налетел шквалистый ветер. Нос судна с помощью подруливающего устройства отвели, но корму прижало. Назад и вперед нельзя — пришвартованы мелкие суда. Уходить рывком рискованно — оставишь на подтопленной стенке рули.

Половина провожающих, прозябнув на ветру, ушли, остальные ехидничали: с приездом, мол!

Профессиональное самолюбие команды было задето, но безопасность судна и пассажиров — прежде всего. На фарватер от причала вышли с помощью буксира. Команда валилась от усталости с ног: за двое суток мало кому удалось поспать больше двух-трех часов. И внутри — горький осадок. Множество усилий на кессоне затрачено впустую! И еще этот проклятый ветер, трудный отвал...

Те, чья вахта заканчивалась в двенадцать, отправились на боковую. В это время заканчивается и вахта старшего механика. Но Зеров с капитаном Килиным даже не помышляли о сне. Забот по самое горло. А на Зерове лежали еще и общественные дела.

Около тридцати лет подряд избирался он секретарем партийных организаций на судах, где работал. В этот день обязанности судового механика велели ему быть на первом собрании с туристами, а заботы партийного секретаря — подготовиться к встрече с подшефными — ребятами из Оханского детского дома.

Погода еще ухудшилась. Связавшись с пристанью, на теплоходе узнали: ребята еще ждут. Хотя в Перми намучились с отвалом, хоть выбились из графика, Килин и Зеров решили пришвартоваться. Договорились нагнать потом форсированным ходом и быстрой разгрузкой в Сарапуле. Нельзя было лишать детдомовцев их законного праздника, столь отчаянно ожидаемого на пронизывающем ветру!

Детдомовцы сами выбрали себе именно этих шефов-речников еще в 1961 году: прочитали в газете о красавце-теплоходе «Вильгельме Пике», идущем из Висмара в Пермь. И вот в первую навигацию, когда теплоход выполнял обычные грузопассажирские рейсы, он остановился в Оханске. На борт поднялась толпа ребятшек.

С военных лет познавшие суть слова «детдомовец», бывшие фронтовики Козьминых, Зеров, боцман Талов решили, что детдом будет команде своим. Ребят катали на теплоходе, одаривали. Но вскоре поняли, что этого мало.

Тогда вместе с воспитателями учредили звание почетного юнга на теплоходе. Званием ребята дорожили. Дисциплина и успеваемость резко поднялись. В комнатах подготовки домашних заданий появились флажки на мачтах-подставках — копии тех, что то и дело появлялись на мачте «Вильгельма Пика», лидера соревнования камских водников. И вот уже ребята докладывали шефам, что заняли первое место среди интернатов и детских домов по спорту; получили призовое место на выставке работ юных техников и третье место по области — в «Зарнице»...

Дружба с оханскими ребятами помогла команде теплохода в ее прямой работе. Когда стали организовываться «детские» рейсы — туристские поездки детей с

родителями — это дело оказалось лучше всего поставленным на «Вильгельме Пике».

...А нынешняя встреча с ребятами была короткой. Взрослые не хотели морозить ребятишек на ветру. Но те, пока не рассказали шефам всех новостей, пока не перепели все подготовленные для них песни, с берега не ушли. Лишь через час капитан дал команду к отвалу.

Да, тяжелый первый рейс выдался «Вильгельму Пике»! Он уже вошел в график, команда до минимума сократила время разгрузочных работ. Зеров выжимал из машины все, на что она была способна, и — вот...

Стоит на Дону невысокая щитовая Кочетовская плотина со шлюзом. Она дает подпор Усть-Донецкому порту на Северном Донце. Всякие казусы получались с ней. Например, сухогруз «Балтийский», не распознав вход в шлюз, с ходу пропорол плотину насквозь и плюхнулся вниз с полутора метров, оставив в бетоне винты и рули.

Когда «Вильгельм Пик» подошел, камера оказалась занятой, шлюзовался рейсовый теплоход. Стали к стенке. Прошло два часа. Диспетчер на вопрос о причине задержки по УКВ ответил: в створ ворот попало бревно.

Наконец распорядились запустить в шлюзовую камеру «Вильгельма Пика». Диспетчер предупредил, чтобы работали самым малым, иначе бревно зайдет.

И действительно. зашло. Снова часа два возились водолазы с этой карчой. Пустяк — бревно. Надо же было с таким трудом его вытащить, чтобы оставить где-то тут же, не закрепить. А вот — потеряли четыре часа. Снизу подошло несколько сухогрузов, сверху — ожидали три пассажирских теплохода.

До Ростова наверстать опоздание так и не смогли. Угодили к разводке моста и плюхались на рейде, пережидая проводку судов снизу. Будь на теплоходе непогнутые винты, нагнали бы те злополучные полчаса. Ведь опоздание в конечный пункт — хоть на эти тридцать минут — обидно для команды. Точность — дело престижа.

По возвращении из рейса снова стали кессонировать себя. И снова — бревно...

Исправить винты смогли только закончив первый рейс, в Перми. Нелегко пришлось команде, спали еще меньше, чем перед началом этого рейса, который мог бы стать для Героя Социалистического Труда Зерова праздничным, а стал «каторжным».

Нет, на судне не закрывали глаза на то, что положе-

ние достаточно сложное и на премии вряд ли приходится рассчитывать. Но и не делали из этого никакого ЧП. Изыскивать пути для извлечения каких-то внутренних резервов было, в основном, в данном случае работой руководства на судне, а не всей команды, и потому никаких «призывов в массы» не бросали. Требовать чего-то сверх — значило бы руководителям перекидывать собственные заботы и печали на чужие плечи. Командиры «Вильгельма Пика» это очень точно почувствовали и осмыслили.

Зерова сложившаяся ситуация касалась дважды: и как начальника машинной команды, и как партийного секретаря в особенности.

До сих пор речь шла о судовом коллективе на «Вильгельме Пике» только лишь как о некоей чисто производственной единице — план, организационно-техническая деятельность, общественная работа и так далее. Но теплоход — не та самоходка, что «возит воду и землю»; везет он людей, причем туристов, превращаясь, таким образом, в плавучий дом отдыха. И интересно, что, зайдя именно с этой, не поддающейся цифровым показателям стороны деятельности коллектива, можно точнее всего понять, за счет чего экипаж сумел вновь вырвать первенство в сложнейших для него условиях той навигации.

Но сперва немного о работе по обслуживанию туристов вообще.

«...Говоря откровенно, многих отпугивает пошловатый и шумный стиль жизни, ставший почти обязательным для многих домов отдыха, с их постоянными танцульками, затейниками, флиртом и утомительным вынужденным соседством со случайными людьми. Что делать в таких домах отдыха человеку, склонному проводить свой отдых в сосредоточенности, в чтении, в наблюдении природы, в подлинном веселии или тишине?» (Паустовский).

Под этим трудно не подписаться и применительно к стилю отдыха на туристских теплоходах, по крайней мере камских.

На «Вильгельме Пике» не без находчивости и не без успеха старались придать всему культурно-увеселительному комплексу более осмысленный характер. Ну, скажем, какие-нибудь конкурсы на удачливого рыболова, на самого загорелого, на лучший букет полевых цветов и так далее.

Это — относительно турбазы. Что касается команды судна, то у нее, конечно, свои задачи в обслуживании туристов. Не стоит говорить каких-то общих слов о чуткости и внимании и прочем, чем отличался экипаж «Вильгельма Пика». Понимание смысла своей работы на теплоходе приобрело вполне осязаемые формы. Например, здесь первыми догадались оборудовать прачечную для пассажиров, приспособили установку для охлаждения питьевой воды. Это уже непосредственно дело рук Николая Петровича и его помощников. Не боялись на теплоходе лишний раз утрудить себя ради пользы дела, пусть это и не даст непосредственной выгоды коллективу.

Между непредусмотренной проектом прачечной для пассажиров, конкурсами на букеты и итоговым успехом в конце той трудной навигации вроде бы никакой ошутимой связи нет. Но она есть.

Команда, несмотря на нервную обстановку, хладнокровно делала свое дело, исполняла привычные обязанности. За счет экономии топлива, редких прогулочных рейсов сверх расписания экипажу удалось ликвидировать отставание в выполнении плана по доходам. Но не то оказалось главным, что коллектив сумел улучшить свои цифровые показатели, хотя и это было важно и достаточно трудно. Главным оказался все-таки общий стиль в работе.

Отличное состояние судовых систем и механизмов и прекрасные судоводительские качества штурманской группы позволили «Вильгельму Пика», как и обычно в те годы, пройти всю навигацию безаварийно. В то время как экипажи, имевшие лучшие цифровые показатели, допустили аварии.

В сентябре и октябре на мачте «Вильгельма Пика» вновь появились привычные вымпелы лидера соревнования.

Есть в общей биографии Зеровых немало моментов, представляющих непреложную ценность: весь жизненный путь Петра Никитича, участие четырех братьев в боях и другое, о чем здесь писалось. Самые значительные события нашей истории вплотную коснулись ее, а иногда даже как-то по-родственному, по-домашнему разместились в ней. Вспоминать об этом непременно стоит, хотя бы потому, что уже вовсю обзаводится вну-

ками поколение, которое лишь понаслышке знает о последней войне...

Но есть еще в биографии Николая Петровича и Серафима Петровича Зеровых эпизоды, когда их трудами был внесен очень значительный вклад в сам процесс развития камского и вообще речного флота — как наиболее действенное проявление любви к родной реке и своему делу и как свидетельство того, что и река их знает и не забудет.

Вернувшись с фронта и снова возглавив отдел теплотехники пароходства, Серафим Петрович Зеров прежде всего занялся переводом флота вновь на жидкое топливо (помните, писалось, что война заставила перевести пароходы даже на дрова?). Так что практика по устройству и переустройству всяких топочных систем у старшего из братьев Зеровых накопилась огромная. К этому надо еще добавить, что Зерову-старшему довелось заняться в 1956—1957 годах подготовкой камских судов для плавания в озерных условиях — в годы наполнения первого водохранилища на Каме он работал главным инженером механико-судовой службы пароходства. Так что под его руководством перебиралась еще и вся механическая часть речных судов многих систем: нужно было разрабатывать крепление корпусов, усиливать их плавучесть и так далее.

Однако сколь бы серьезными и значительными эти дела ни были, все было как бы подготовительным материалом для тех огромных технических усовершенствований, которые Зеров разработал и внедрил на речном флоте.

Колесные буксирные пароходы 732-го проекта (типа «Мороз»), вышедшие после войны, имели ряд недостатков, в частности низкий КПД котельной установки. Отдел теплотехники, начальником которого Серафим Петрович стал опять в конце пятидесятых годов, модернизацию котельных устройств этого типа судов сделал своей главной задачей, а разработкой основных усовершенствований Зеров занялся лично.

Было основательно переиначено топочное устройство, давление в котлах поднялось на три килограмма, а коэффициент полезного действия их вырос на десять процентов. Но, мало того, в итоге целого ряда усовершенствований и частичных изобретений, внедрения автоматических устройств Зеров создал целую систему котельной

автоматики. В результате появилась возможность и даже необходимость упразднить должность кочегара. «Мороз» и стал первым на наших реках парходом, плавающим без этой извечной для паровых судов многоотрадной фигуры.

За это внедрение Зеров заслужил серебряную медаль ВДНХ, а вслед за тем Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Серафиму Петровичу было присвоено звание заслуженного рационализатора республики.

В должности старшего механика на наиболее совершенном тогда из наших теплоходов «Вильгельме Пике» Николай Петрович Зеров получил соответствующую власть над механизмами. Правда, поначалу еще не полную. На судах этого типа пять генераторов и множество другого электрооборудования, и на них была предусмотрена суверенная должность электромеханика.

Как раз в то время — в начале шестидесятых годов — очень резко встал вопрос о повышении рентабельности пассажирского и грузового речного флота, о сокращении всех видов расходов на содержание и обслуживание судов, в том числе и расходов по фонду заработной платы. И именно коллектив «Вильгельма Пика» выступил инициатором сокращения команды — с 49 до 32 человек. Вот тогда Николай Петрович принял на себя и все электротехническое судна.

Уменьшение состава экипажа в полтора раза — дело нешуточное. Но командиры и партийная организация «Вильгельма Пика» сделали убедительно точный расчет, и по примеру этого теплохода стали комплектоваться команды на всех подобного типа судах страны, инициатива была поддержана повсеместно.

А вот должности старшего механика и электромеханика Николай Петрович совмещал едва ли не один на всех реках: слишком большой нагрузки и знаний, считают, требует такое совмещение.

Одним из оснований для присвоения Николаю Петровичу звания Героя Социалистического Труда было как раз совмещение им обеих должностей. А за работу по сокращению экипажа он был награжден медалью ВДНХ.

Шестидесятые годы у Серафима Петровича ушли на окончательную доводку прежних усовершенствований, на

максимальное увеличение отдачи в работе котельных и иных систем всех видов судов. В результате удалось добиться того, что от тепловых двигателей по их техническим возможностям было взято практически все, и принципиально всякие резервы в этом направлении были уже исчерпаны.

Сейчас во главу угла любых проявлений технической политики поставлена экономичность. Конечный экономический результат работы любого судового двигателя зависит от правильности режима его эксплуатации и суммы прямых затрат на нее. Если посчитать, что автоматика, внедренная на судах, уже исчерпала возможности для сокращения штатов в машинных отделениях, значит, поиски надо было вести в снижении затрат на топливо.

По такому пути и направил свои мысли Серафим Петрович Зеров. Он вместе с товарищами по службе предложил перевести камские суда с обычного дизельного на более дешевое, так называемое газотурбинное топливо, представляющее из себя смесь мазута с более легкими нефтяными фракциями. Строго говоря, сама идея принадлежала не столько Зерову, сколько была им подхвачена: она, к примеру, общими чертами излагалась в статье сотрудников Одесского института инженеров морского флота, в этом же направлении вели поиск теплотехники Северо-Западного пароходства. Но Зеров-старший намеревался после необходимых предварительных испытаний осуществить его в масштабах всего камского флота.

Для эксперимента был подобран толкач «Дунайский-59», назначена авторитетная комиссия.

За сорок суток «Дунайский-59» на стоимости горячего получил экономию около пяти тысяч рублей.

При такой удаче встал вопрос о быстрейшем, уже с начала следующей навигации, переводе если не всех, то большинства камских судов на дешевое газотурбинное топливо.

«Вильгельм Пик» сделался тем первым судном, где тяжелое топливо получило наибольшее применение: за лето было получено экономии 13 240 рублей. Отличные экономические показатели не раз выводили судно на первое место. Получила команда в ту навигацию и специальный вымпел ЦК ВЛКСМ.

Всего в тот год в Камском речном пароходстве новое топливо было применено на 150 единицах флота и

получено экономии 673 тысячи рублей. С начала следующей навигации на газотурбинное топливо был переведен уже практически весь нескоростной камский флот, и экономия составила более миллиона рублей. Чтобы был ясен вес этой цифры и всего нововведения, которым камские речники в огромной степени обязаны инициативе братьев Зеровых, достаточно будет сказать, что примерно столько же составляют затраты на межнавигационный ремонт всех судов парохозяйства.

Камский большемасштабный эксперимент распространился и на все другие реки страны.

Недавно Серафима Петровича Зерова не стало.

Так уж получилось, что у династии Зеровых вроде бы и нет сейчас на реке прямых продолжателей. Дочери и Серафима, и Николая Петровицей далеки от речничьих дел, а Володя, сын Николая Петровича, закончил политехнический институт и по распределению был оставлен на кафедре «Электропривод и комплексная автоматизация промышленных установок».

Но в жизни ничто серьезное не проходит зря. Неизвестно, сколь далеко смотрел в собственное будущее студент-практикант Володя Зеров, когда помогал отцу в разработке и освоении новой схемы подруливающего устройства на «Вильгельме Пике», но темой его кандидатской диссертации, защищенной уже после кончины отца, была разработка системы подруливающих устройств для самоходок КРП, и аспирантуру он заканчивал в Ленинградском институте инженеров водного транспорта. Взаимосвязь жизненных позиций отца и сына заметна и значительна настолько, что не так давно в областной газете появился очерк с многообещающим заголовком «Зеров, сын Зерова».

В свое время о Николае Петровиче публиковался в одной из газет очерк под заголовком «Механик, сын механика». Совпадение литературно соблазнительное, да жизнь в сути своей богаче и глубже литературных схем и красотостей. А жизненная суть длящихся более века зеровских преемственностей, по-видимому, такова: был неграмотным капитаном прадед, было время — не умел написать простенького протокола механик-дед; отец и дядя, не имея высшего образования, трудом и самоучком добились в работе успехов, посильных далеко и не всякому даже незаурядному дипломированному инженеру, а

их потомку для продолжения традиций открылась широчайшая перспектива уже в научном творчестве.

А еще ведь растет Олежка, внук, который каждую навигацию плавал с дедом и бабкой, — он уже заканчивает школу, а еще растет Николка, который в школу поступил и которого дед не видел, и две внучки.

А сколько продолжателей самого главного в жизни — дела — воспитал хотя бы только Николай Петрович в командах «Анри Барбюса», «Композитора Скрябина», «Вильгельма Пика»? Когда теплоход «Арагва» был переименован в «Николая Зерова», капитаном на нем плавал Константин Иванович Глухов, которому когда-то, еще на «Композиторе Скрябине», Николай Петрович давал рекомендацию в партию. Глухов несколько лет как на пенсии, но команда по-прежнему, заканчивая навигацию, перед отправкой в Чистополь, к которому судно приписано, ездит к могиле Зерова возложить цветы. Еще при жизни Николая Петровича была для камских речников — передовиков и новаторов — учреждена премия его имени; сейчас список ее лауреатов насчитывает более ста человек.

...Чтобы как следует прочувствовать труд и трудности жизни речников, нужно видеть не только белоснежные красавцы, режущие форштевнем воду, а хоть разок увидеть суда в затоне, в январскую стужу, когда стоят они, вмерзшие в реку, заледенелые, заснеженные...

Однако совершенно очевидно, что по весне, обихоженные в лютую стужу теплом человеческих рук, суда непременно выйдут в полый разлив.

Александр Гребенкин

НА ЛЕСОСПЛАВЕ

Я рассказать об этом вправе,
Совсем не хвастая притом,
Как в двадцать лет на лесосплаве
Вовсю орудовал багром.
Не знал усталости и страха,

Вонзал в бревно стальной багор.
Трещала на плечах рубаха...
И не забыл я до сих пор,
Как бабы-сплавщицы смотрели
И улыбались мне вослед,
И на виду у всей артели
Мне предлагали свой обед.
— Ешь, чтоб в руках гудела сила! —
Стыдливо шаньги я жевал.
А плотогон, седой Данила,
Меня степенно поучал:
— Ты не стыдись.
В хорошем мире
Среди друзей своих живешь.
Ешь, чтобы плечи были шире.
Как заработаешь — вернешь!

* * *

Коль в том появится нужда,
В моей анкете вы найдете:
Работал на речных судах
На малокаботажном флоте.

Признаюсь, что не вдруг ко мне
Пришли уменье и сноровка:
И катер рыскал на волне,
И чалку я бросал неловко.

За бортом хлюпала вода,
На солнце радугой играла.
Казалось, что она тогда
Меня, как сына, понимала.

Еще не ведал я пока,
Что труд — нелегкое искусство.
Но жизнь, как вешняя река,
В свое затягивала русло.

ЛЮБОВЬ НЕУГАСИМАЯ

Повесть

Почему-то запомнилась Варька Степану так: рыжее солнце полукругом над горою, и в середине этого полукруга в красном платье, на рыжей лошади — она. Тогда все затихло: и знойный стрекот кузнечиков, и звон ключевой струи из деревянной трубы, и голоса деревни, все тогда затихло, будто Степану заложило уши, будто июньским жаром накалило голову...

А теперь поздняя осень гнала по водохранилищу крупное сало. Ни снег, ни лед — рыхлые, с размытыми очертаниями лепехи то ли всплывали со дна, то ли навальный ветер где-то собирал их и теснил вместе с беляками к борту причаленной «Пташки». «Пташка» пришвартовалась не к самому дебаркадеру, а в пыж с двумя теплоходами, которым отваливать позже, и Степану пришлось идти поперек, через их пролеты, перепрыгивать на пляшущие борта, скрипящие истертыми кранцами.

Небо с утра было пасмурным, и Степан надел поверх вигоневского свитера и кителя штормовку. Поднимаясь в рубку, высоко выступающую над палубой, он поглубже за козырек натянул форменную фуражку, пригнулся, нырнул в дверь.

Скоро ледостав, скоро в затон, и — муторная бесконечная зима. «Пташку» подремонтируют, в голубое, в белое опять покрасят, чтобы любо было людям глядеть на нее, когда побежит она по синему, только что очищенному от матерых льдов водохранилищу.

Кончается в жизни Степановой вторая навигация. Два лета и одна зима, а каким же огрузневшим, каким старым он себе кажется. Он старался, чтобы никому со стороны это не было заметно, никому, будто по-прежнему легко ведет он «Пташку» от берега к берегу.

Но музыку, что гремела из алюминиевого колокола, оповещающая и радуя побережье, он уже никогда не включал...

На баке возникла сутулая, в черной телогрейке спина Василия Мироныча. Он покрутил рукоятку механизма, подающего «валенок» — подвесные сходни с носа

«Пташки» — прямо на берег, удовлетворенно кивнул головою и обернулся к Степану. Синеватые впалые губы Василия Мироныча зашевелились, но в рубке за стеклом ничего не было слышно.

Сейчас Василий Мироныч пойдет принимать пассажиров, потом протиснется в каюту-шкаф, где у него касса, и оттуда через окошечко-полумесяц будет продавать билеты. Сам Степан да Василий Мироныч, который и матрос и кассир, — вот и вся команда «Пташки».

Степан отвернул рукав, посмотрел на часы. До прихода поезда из областного центра оставалось пятнадцать минут. Стрелки вроде бы стояли неподвижно, а вот секундная пунктирно скакала — время безостановочно двигалось.

За спиною отворилась дверь, просунулось крупное, ветрами и солнцем продубленное, сплошь в тонкую сечку лицо Василия Мироныча, выделился нос его, подзрительно красноватый и рыхлый. Редкая страсть по нынешним временам была у старика — нюхать табак, и обычно он то и дело доставал из березовой табакерки щепоточку зеленой пылицы.

— Никого верняком не будет, — сказал он в дверь гулким голосом, — порожняком пойдем. — И с беспокойством глядел на Степана из-под коротких, будто солью присыпанных бровей.

Степан не ответил: старик и сам хорошо знал, что рейс не отменяется до самого ледостава. Один, два человека ждут на базе, в поселке Кирпичном, в Платоново, и все равно их надо подвезти — для того «Пташка» и существует. Василию Миронычу просто захотелось поговорить. А у Степана опять начинало внутри все сжиматься, будто спрессовываться под огромной тяжестью. Что такое душа, он не знал и нигде не мог прочитать о ней ничего толкового. Сердце билось, легкие дышали, но именно в душе нарастало напряжение, все большее и большее от него становилось. И так было все лето, когда часы приближались к одиннадцати и приходилось держать курс на Платоново. И в то же время не мог он уже без Платоново, само название это сделалось необычным, выражающим особое, что касалось Степана, его одного.

Василий Мироныч покачал головою, вздохнул. Железные ступеньки трапа заняли под подошвами его резиновых сапог.

В поселок Куликовый прибыл Степан после окончания курсов к самому открытию навигации. Сошел с электрички на перрон в новенькой фуражке с сияющим «крабом», в черной шинельке с начищенными до жара пуговицами, держал в руках два чемоданчика — все свое имущество. Оглядывался по сторонам, искал, у кого бы спросить, где Овражная улица. За выщербленным штакетником забора голо торчали какие-то коричнево-черные кусты, чуть поближе к Степану рядком теснилось несколько запертых киосков, а впереди было плечистое здание вокзала, из которого никто не выходил. У самых дверей крутилась поджарая псина — старалась защемить блоху, язвившую хвост. Приметив приезжего, псина блоху помиловала, подбежала льстивой трусцой и села в двух шагах от него, просительно скособенив морду с желтыми подусниками.

Степан хмуро поглядел на нее, развел руками, вновь подхватил чемоданы, поставленные на подсохший асфальт, и зашагал наудачу. Ничего он не предчувствовал, ничего не ожидал. В курсантском общежитии считали его тугодумом, потому что всегда на его твердом, с тягеловатыми надбровными дугами лице было одно выражение — спокойной сосредоточенности. И глаза его, пепельно-серые, тоже никогда не рыскали, не темнели, не светлели, будто ничто извне на него не действовало. Назначение сюда, в поселок Куликовый, он воспринял так, будто давно уже этого ожидал. И сейчас никакому прохожему и в голову бы не затесалось, что парень чего-то разыскивает: идет себе по утопанной тропочке вдоль разъезженной дороги, да и все тут.

А Степан решил: раз имеется Овражная улица, то должен быть овраг, да не какой-то там, через который воробей перескочит, а такой, что несет к водохранилищу вешнюю буйную силу. Заметил долгий высокий забор, ворота в нем с надписью «Посторонним вход воспрещен», а за ним между столбами и изоляторами будто паук-великан раскинул осмысленное сплетение антенн. Под этой сетью внезапной солнечной желтизной вспыхнул пригорок в цветках мать-и-мачехи, которая словно отражалась на стене белого штукатуренного домика. Дальше пошли деревянные дома, все пятистенные, под шифером и крашеным железом. Торцы бревен были хо-

заявлено защищены масляными белилами, окна обрамлены кучерявыми наличниками. Почти над каждой крышей торчала телевизионная антенна. И щедро раскинутые огороды, и бани по-белому — все Степан примечал и думал: «Добротно здесь живут»...

В отдалении, в едва уловимой дымке парящей земли, выделялись дома на городской манер и несколько заводских труб, размытых в мареве. День встал погожий, солнце, после пасмурной недели, пригревало, и Степан шагал, уже зная, что Овражная улица будет скоро.

Чуть ли не от самого вокзала земля стала склоняться, и за крышами домов открылась большая вода, густо, неправдоподобно синяя. Но Степан пока не вглядывался в нее, ибо надо было делать все по порядку, и направлялся не к водохранилищу, а вдоль него по улице. Но оврага не было. Кой-где на огородах похаживали хозяева, сгребая в кучи прошлогоднюю мякину, кой-где на солнышке грелись старики в зимних треухах.

— Ты кого-то ищешь, молодой человек? — приветливо окликнула из-за забора пожилая женщина в телогрейке и стоптанных кирзовых сапогах.

— Ищу, — ответил Степан. — Здравствуйте.

— То и гляжу, не к пристани спускаешься. — Женщина обтерла ладони тряпкою, приблизилась, осматривая Степана. — Не к капитану ли Ощепкову?

«Какой же Ощепков капитан?» — удивился Степан про себя, еще не зная, что всех, у кого фуражка с кокардой и место в рубке, здесь величают капитанами.

— К нему.

— Сменять будешь, — опять угадала женщина.

— Буду, — кивнул Степан, уже тяготясь разговором. — Где тут овраг?

— А на кой он тебе ляд? — Женщина заморгала удивленно.

— Улицу Овражную не могу найти.

— И-и, да овраг-от давно водохранилище съело. Одно имя осталось. Иди-ко, сынок, взадпятки, только что ты эту улицу промазал. Дом Ощепкова третий с угла.

Степан подосадовал, что не смотрел на таблички, поблагодарил женщину и повернул обратно.

Дом Ощепкова среди ухоженных изб выглядел заморышем. Ни шифера на крыше, ни наличников на окнах, огород запутан пожухлой дикой травой, утыкан

стеблями сухой лебеды, только небольшой участок у самой стены был вскопан, видимо, в прошлое лето. Перед крыльцом — куча темной прелой щепы, ступеньки рассохлись, пищат. Степан постучал по двери висячим кольцом, подождал.

Вышел человек с желтыми от небритой щетины скулами, большеносый, по шее бегал треугольный кадык. Увидел Степана, застегнул наброшенный поверх тельняшки засаленный китель, обрадованно засуетился.

— Давно я тебя жду, Рукавишников, давно-о! Сообщение-то о тебе когда еще прислали. Ну, входи, входи, гостем будешь. Жена, — закричал в сенки, — смотри, какой молодец прибыл!

В сенках пахло прогорклым. Комната, куда ввел Ощепков Степана, вся была захламлена, валялись узлы, чемоданы, лишь стол у окна был накрыт новенькой клеенкой да четыре стула приставлены ровненько к стене.

— Мы уже собираемся, — оправдывая беспорядок, говорила коренастая и косолапая жена Ощепкова.

Она только что переделалась за перегородкою, отделявшей еще одну комнату, и вышла в шерстяной кофте и широко расклешенной юбке. Лицо у нее было темным, грубого отеса, а глаза синие в стрелчатых ресницах, печальные какие-то, усталые.

— Побрился бы хоть, — сказала мужу, который вопросительно на нее посматривал.

— Да сколько провожусь, — забеспокоился Ощепков. — Бежать надо!

— Обрадовался. Да уж беги. — Жена достала из кармана кошелек, чуть не кинула его в раскрытую пятерню Ощепкова.

Ощепков подхватил с полу клеенчатую сумку, подмигнул Степану и стриганул в дверь.

Степан смирно сидел на стуле, положив фуражку на подоконник, опустив руки на колени, помалкивал. Он уже понимал, что в этой семье неблагополучно, наверное, из-за спиртного, но только ли в том причина такого поспешного отъезда, почти бегства?.. А ведь Ощепков должен передать Степану дела, ознакомить с лодчией, хотя бы два-три рейса вместе пройти... Да и с жильем-то как?

Жена Ощепкова гремела посудой на кухне, за большой облупившейся печью, окликнула оттуда:

— Вчерашние щи хлебать станете?

— Не беспокойтесь, я сыт. — Степану и в самом деле есть не хотелось.

— Ладно, тогда я сама буду командовать. — У женщины был преувеличенно бодрый гелос.

Вскороости она вынесла тарелку с соленой капустой, огурцы, сказала, что все это свое, не покупное, потом с кухни запахло керосином, вкусно потянуло стряпанным, и немного погодя перед Степаном лежали на глиняном блюде куски пирога, аппетитно белеющие на срезе. Женщина одернула тесноватую по ее фигуре кофту, спросила:

— Не женатый?

— Пока не успел.

— И не надо с этим торопиться. А то... — Она определенно махнула рукой, добавила неожиданно: — Заедаться мой-то начал. Скука, вишь, его загрызла. Везде ему скука... А мне здесь глянулося, — вздохнула она, присев напротив Степана и катая по клеенке хлебный шарик. — Простор, воздух. Днем работаем, день вольный... Я ведь матросом оформлена была, вместе в рейсы ходили. Да к земле душа у моего не способна, не привязчив он ни к чему. Вот избу продали и переводимся. И ведь сама я хлопотала, — удивленно сказала она, поднимая глаза на Степана. — Как два рейса по пьянке сорвал, на людей смотреть стало стыдно... А я бы осталась...

Бочком вбежал в комнату Ощепков, многозначительно пристукнул по столу доньшком поллитровки, показал вторую:

— Мало ли кто еще завернет!

— Не мути-ко воду-то. Не успокойсья ведь, покуда обе кверху доньшком не перевернешь, — сказала жена и выставила на стол три граненых стакана.

— Употребляешь? — Ощепков пощелкал ногтем по бутылке, все худое лицо его озарилось.

— Нет, — строго ответил Степан.

— То есть как это? — У Ощепкова даже рот приоткрылся, будто услышал Ощепков, что сидящий перед ним человек не дышит воздухом. — И не куришь?

— И не курю.

Ощепков оглянулся на жену, как бы приглашая ее в свидетели. Та снова опустилась на стул, с ласковым одобрением посмотрела на Степана.

— Ну, стало быть, бабник первой статьи, — неуве-

ренно захохотал Ощепков и все-таки плеснул во все три стакана. — Ты на меня не обижайся, Рукавишников. Проживешь здесь с наше и волком взвоешь. Восемьдесят рублей зарплаты здоровому мужику! И все одно и то же, одно и то же, как на рейсовом автобусе!.. Счастливого плавания! — Он чокнулся со стаканами, екнул кадыком, зажевал капустой.

— Вы хоть пирожка попробуйте, — спохватилась жена. — Судачок-то свеженький!.. Тогда я чаю сейчас поставлю.

Она заторопилась на кухню. А Ощепков, снова Степану подмигнув, выпил еще полстакана, подул в воздух, порозвел.

— Ты вот скажи мне, Рукавишников, грамотешка у тебя какая?

— Восемь классов. — Степану хотелось уйти, но куда было, да и жену Ощепкова неловко обижать, и он решил набраться терпения.

— Почему в техникум не пошел? Водил бы «ракеты», «метеоры», трехпалубными бы командовал, либо с важными грузами до Ладоги, до Астрахани?! Чего курсы-то, чего тебе здесь прокисать — махонький ПТ — сто тридцать четыре, одни и те же берега, одни и те же пассажиры. Летом толкотня, народ валом валит, тогда, правда, повеселее, тогда и план мы перевыполняем. Да какой план-то на плоскодонке можно выполнить! — Он покрутил головой, подтолкнул к Степану стакан. — Не надумал?

— Не хочу.

— Жалко. Уровень у нас сместится, и беседа не склеится... А побеседовать с новым человеком — праздник... Тогда и я не буду, — мужественно согласился Ощепков, прикрыл бутылку разорванной металлической крышкой и отодвинул в сторону. — Слушай дело. Рейсы у нас пустяковые. На той стороне база леспромхоза. Туда и обратно с восьми утра до одиннадцати. В одиннадцать по этому же курсу, потом дальше — к Винтовому, там дачники жируют все лето, потом до совхозной бригады Платоново, после на другую сторону, в поселок Кирпичный, и таким же порядком обратно. И в шесть вечера такой же удлинненный рейс. В общем, извозчики!.. Да я все тебе покажу. Жить-то где станешь?

Степан пожал плечами. Ощепкова понесло, он уже не ждал, когда на вопрос ответят, и Степан терпеливо

слушал, стараясь представить каждодневный ход ПТ-134. Конечно, Ощепков может с завязанными глазами провести суденышко, но какие там берега, какие створы и другие знаки, какое течение, ветра какие, как ошвартовываться — ничего сейчас толком не узнаешь.

— Поведу-ка я тебя к Василию Миронычу! — Ощепков почему-то засмеялся, обнажив выпуклые бледные десны, и пощелкал языком. — Живет он на самом яру, на пенсии давненько, а от воды никуда. Водяной, и все тут. И будет тебе якорь! — Он опять засмеялся с пьяной лукавостью. — В земле станешь копать, ребятней обрастешь. Я вон со скуки их, как семечек, налушил. Ныне к мамаше всю ораву отправили, чтобы не путались под ногами... Ну, а не согласишься с этим, в общежитие стеклозавода пожалуй...

Жена затихла на кухне, видимо, чтобы Ощепкова не перебивать. И сам он притих, опустил голову, задумался. Степан разломил наконец душистые корки пирога, отправил кусочек в рот. Медленно жевал, тоже думал.

Что ожидает его здесь, в незнакомом поселке, среди незнакомых людей? Может, вот так же наперекос пойдет и его судьба. Ведь ехал же сюда Ощепков с какими-то надеждами, а на поверку оказалось по-другому, а силы притерпеться и выстоять не нашлось...

— Была бы моя баба помоложе да покрасивше, меня бы вытурила, — зло проговорил Ощепков, точно вдруг его подменили, — вон на тебе глаза оставила... А тут другая тебя зачалит. В самой поре девка. Или ты ее... Она тихая, воды не замутит...

Степан сердито пошевелился на стуле, взял фуражку:

— Хватит, товарищ Ощепков! Где общежитие?

— Экой ты заведенный какой! — Ощепков провел по лицу ладонью, будто умываясь. — Чаю надо попить, иначе разит от меня, и Василий Мироныч не потерпит... Да и ничего худого мы тебе не сказали, чтобы нас обижать. Мы просто вводим тебя в этот... В курс дела... Чего ты там возишься? — крикнул на кухню.

Глаза у жены были красными, и вся она словно бы помельчала, съежилась, будто замерзла. И Степан, глядя на нее, взял стакан с водкой, вложил в ее руку, поднял свой и сказал сердечно:

— Пусть все у вас будет хорошо.

II

Конечно, у всякого человека свое зрение, но когда жена Ощепкова говорила: «Простор, воздух», она была права. Берега, которые Ощепков показывал, были для него просто населенными пунктами, причалами, створными знаками. Или с первого дня когда-то он ничего в них не заметил, или все примелькалось с годами...

Степан лежал в летнем пристрое избы, заложив руки за голову, закрыв глаза. В памяти еще резче, нежели наяву, всплывали одна за другою подробности рейса. Теплоходик бежал по тиховоду, почти напрямую пересекая широкую гладь. Приближался чистый яр, косматый поверху от ельника. Кое-где половодье и волны подмыли кручу, и елки накренились к воде, со страхом цепляясь корнями за каменные плиты, закинув назад кривые лапы. Высоко над ними в величественном равнодушии стояли корабельные сосны.

Жуя папиросу, щурясь, Ощепков повернул в залив, вдоль кромки обрезающего песка. Вода была как старая брага — на ручьях и речках всюду гуляло половодье, но водохранилище было в межени: на далекой отсюда плотине гидростанции держали уровень.

— Здесь спорная вода — подпор речки, — сказал Ощепков сквозь зубы, потер ладонью сухую щеку, на этот раз чисто пробритую. К носу теплоходика приближалась бревенчатая с перильцами пристань, волна ополоснула ее, зеленоватая прокатилась и наискосок заскользила по песку, по чельням плотов, чуть подальше перекрывающих залив. Василий Мироныч высвободил рукоятку носовых сходней из стопора, высоко поднял их над перильцами и плавно опустил на пристань. Тут же Ощепков отработал теплоходик чуточку назад, сходни легли надежно, и по ним пошли пассажиры — всего несколько человек. Минуя Василия Мироныча, который проверял билеты, они уважительно приподнимали кепки.

Солнце наливалось, ярче становились запахи воды, мокрого древесного корья, багровая зыбкая полоса пролегла по водохранилищу, зарозовел пушистый подлесок вдоль берега, синеватыми и темно-коричневыми стежками припали к воде частые овражки, вдоль которых чередую, в затылок друг дружке, построились елки. А там открылись глазу небольшие поля, стесненные с боков сосенками и ельником, избы деревни в два ряда.

И над всем этим — легкое небо, пока ничем не замутненное. Как хорошо было, как свободно! И одинокая старая береза, издалека белеющая на берегу, на отлете от деревни Платоново, еще голая, но какая-то вся повесенному прибранная, показалась Степану давнишней знакомой.

«Пташка» весело слушалась штурвала, ходко подваливала к дебаркадеру, блистающему свежей масляной краскою. В пролете дебаркадера ждал чалку шустрый мужичок, рябоватый, с тонким, будто шило, носиком, с непокрытой головой, тяжелой от шлема седины.

— Это Пафнутьев, — раздраженно пояснил Ощепков, — тоже, как Мироныч, пенсионер. Он тут каждое лето, как на даче. Всё шкипера-а! — Он просигналил подход, и сирена взывала раздраженно.

Василий Мироныч приятельски потряс Пафнутьеву руку, говоря что-то, указывал на штурвальную рубку, а тот охотно улыбался, сверкая ровными, должно быть, вставными, зубами.

— Пошли, воды наберем, — посмотрев на часы, сказал Ощепков. — Вам с матросом надо следить, чтобы в бачке всегда ключевая вода была. — Лицо у него совсем обузилось, рот сделался косым, рыбьим.

Он спустился по трапу, вытащил из углубления бак с краником, отомкнул висячий замок, заглянул внутрь, звякнув крышкой. Степан подхватил бак за другую ручку.

«Пташка» была умело пришвартована — канат лежал на чугунных кнехтах дебаркадера ровной восьмеркой. Ощепков сухо кивнул Пафнутьеву, пошел было мимо, но шкипер, морща нос и опять улыбаясь, протянул ладонь Степану.

— Будем знакомы... Свежей рыбки понадобится: лещиков там, судачков, я с полным удовольствием...

Ощепков нетерпеливо дергал бак. Степан сказал Пафнутьеву спасибо и, чуть набычившись, глянул на временного своего опекуна. Он не оборвал Ощепкова, лишь подумал: «Чего он от людей меня отводит?» Но тот догадался, объясняяще постучал ногтем по часам.

По деревянной лестнице взобрались на невысокий яр, по сухой тропинке поднялись на взгорок. Из деревянной трубы вырывалась тонкая витая струя, ввинчиваясь в глубокую выбоину; там кипело, как в котелке. Ощепков подsunул бак под струю, цинк загремел, зашумел, а Сте-

пан тем временем пригляделся: по сторонам выбоины, среди мертвой прошлогодней травы, колючим зеленым ворсом вылезала совсем молоденькая травка, и хотелось погладить ее ладонью.

Однако бак уже наполнился. Ощепков попробовал его приподнять, не смог. Степан легко поднял, пере-ставил в сторонку.

— Ослабел я, — уныло признался Ощепков и вдруг сунул под ледяную струю ладони, стал их поворачивать, омывая, лицо оплеснул, облизал губы и сказал на сдавленном крике:

— Нет этой воды слаще!..

Степан тогда догадался, что в душе Ощепкова нарывало, а сейчас, лежа в летней избе и вспоминая подробности рейса, думал о странности человеческой природы. Все обрыдло, кажется, человеку, сбежал бы, куда глаза глядят, однако вот как дойдет до этого самого расставания, сколько же, оказывается, сколько даже махоньких чалок его удерживает!..

Но что за девушка на дороге стояла, когда они с Ощепковым перетаскивали бак? Высокая, чуть не ровень Степану, в свитере, в резиновых сапогах. Степан вроде бы толком ее не рассмотрел. И все же помнятся почему-то глаза девушки, угольно- и огнисто-черные под разлетистыми до висков бровями, что-то горит, искрится, переливается в глубине этой живой черноты... И все же помнится рот, крупный, четкий, и темный пух над ним, как у парня-подростка. И скулы чуть выпирают, и щеки подтянуты в здоровой смуглоте. Вон, оказывается, сколько заметил с первого взгляда! Местная она, из Платоново, или нет?..

И славно так вот, без движения, лежать и знать, что все повторится, что скоро он сам, без Ощепкова, который наводит тень на ясный день, будет хозяйничать в рубке. А сейчас ужинать позовут, он пройдет через коридорчик, откроет дверь, обитую кошмою, и окажется в другой избе, где живут Василий Мироныч, Наталья Денисовна и Клаша. До чего же приглядна эта Клаша — меньшая Василия Мироныча дочь! Как увидел, сердце екнуло, мигом понял усмешечки и намеки Ощепкова.

И верно, изба срублена была над самым водохранилищем, из окошек такая бескрайняя даль распахивалась.

валась, что не насмотришься, и дебаркадер внизу с теплоходами местной линии был как на ладони.

— Вот Рукавишникова к вам для знакомства доставил, — объявил Ощепков, когда они в первый раз вошли.

Василий Мироныч в выцветшей чистой рубаше, вольно распушенной до колен, поднялся с табурета, отложил на стол моток толстой лески и сказал гулким голосом:

— Значит, вместе будем.

И взглядом из-под коротких бровей оценивающе стрельнул: каков, мол, парень на деле?

За перегородкою, обычной в поселковых избах, жужжала и позвякивала швейная машинка, и вот перестала, и вышла сухопарая старуха в ситцевом фартуке, с желтым лицом, изможденным какой-то болезнью.

Добрými бесцветными глазами близоруко присмотрелась в Степана.

— Милости просим, сынок, милости просим. Да вы присаживайтесь.

— Ты бы угощение выставила, Денисовна, — вопросительно подсказал Ощепков.

— С тебя уж хватит, — остановил его Василий Мироныч, вытащил из брючного кармана табакерку, понюхал с щепотки табачную пыльцу, помотал головой от удовольствия. — Да вы закуривайте.

Ощепков хотел было достать папиросу, но покосился на хозяйку и раздумал. Указал рукою в сторону Степана, примостившегося на скамье, сказал осуждающе, с неприязнью:

— А вот Рукавишников некурящий и непьющий. Опасный, стало быть, человек.

— Ты, Степа, на него не обращай внимания, — будто давнишнему знакомцу, посоветовала Наталья Денисовна, — ржа его разъедает.

Ощепков руками развел: за что, мол, так? А Степан и не думал обижаться. Просто неловко ему было сидеть перед Василием Миронычем, он понимал, как много будет зависеть от того, сумеют ли они со старым матросом сработаться, сумеют ли душою понять друг друга. Наталье Денисовне он был очень благодарен, что приняла его запросто.

— Сейчас я чайку согрею, — спохватилась она. — Степа-то, поди, с дороги.

— Что мы, басурмане какие, — подскочил Ощепков, — чтобы без угошенья да к вам!

И тут послышались шаги, какие-то особенные, как теперь представлялось Степану, и вошла Клаша, поздоровалась с простотой и достоинством, любопытство мелькнуло в чистых серо-голубых глазах, когда Василий Миرونч сказал, что Степан Рукавишников назначен на «Пташку». Уж после, после Степан украдкой, ничем вроде бы себя не выдавая, каждое движение Клаши отмечал. Тихий теплый свет как будто исходил от нее, радостно и спокойно было рядом с нею, и как-то не смел Степан увидеть ее иным образом.

· Может быть, и то его смущало, что нечаянно подслушал разговор Натальи Денисовны и соседки. Они на огороде говорили, а Степан был тогда в своей летней избе.

— Прямо в дом жених свалился, — громко, как все здесь, на большой воде, высказывалась соседка. — Парень-то видный из себя, самостоятельный, слышь.

— Молоденькая Клаша-то совсем, рано ей о женихах думать, — возражала Наталья Денисовна.

— Ха, молоденькая! Вон налилась как, баская какая. Парни табуняются за ней. Да и бабы говорят: при нашем хозяйстве такую невестку только поискать... Ой, гляди, проворонишь. У них на стекольном-то такие шелесперы — хватать, и нету.

— Я Клашу не караулю, — сказала Наталья Денисовна. — Да вот отработает два года и дальше учиться куда-нибудь уедет. Или говорит: мол, ни за что нас одних не оставит. Жалеет нас, меня жалеет. Да как ей, грамотной-то, всю жизнь при реке!.. И старшие сперва этак же говорили...

Степан дальше подслушивать не стал: не любил подслушивать. А все же Наталья Денисовна права, и может Клаша уехать. Степана это неожиданно обеспокоило. «Что она делает там, на стекольном заводе, что за шелесперы?» — частенько всю эту неделю спрашивал он себя.

И когда уходили утром с Ощепковым в рейс, показалось Степану, будто на угоре стояла Клаша, будто провожала. Он был уверен, что показалось, и все же хотел, чтобы так было...

Ну и по-дурачки же он себя вел, когда заговорили о жилье. Клаша взяла за перегородкою книжку и ушла.

Ощепков тут же сказал Василию Мироновичу с хмельной, едва скрытой хитрецою:

— Нам пора уж — в общежитие устраиваться.

— А чем у нас плохо? — уставился на него Василий Мироныч, видимо, хитрецы этой не уловив. — Летняя-то изба пустует. Да и все остальное, верняком, лучше не сыщешь. Как, Степан?

Степан знал: ждет Ощепков его немедленного радостного согласия. Захотелось наперекор ему сказать: «В общежитие». Но тогда слукавил бы он перед Василием Миронычем. Но и так сразу цаплязваться было стыдно, и Степан принялся сбивчиво объяснять:

— В общежитии, конечно, проще будет... Я привык...

— Вот что, парень, — ровно сказал Василий Мироныч, — неволить тебя мы не имеем права. Но пока потцовски я тебе выложу: Ощепков — отрезанный лоскут, — он будто и не заметил, как тот возмущенно привстал, — а ты, коль не собираешься за ним в кильватер, должен жить у реки. Чтобы она в тебя глядела.

«Чтобы она в тебя глядела», — повторил Степан сейчас, медленно, с наслаждением потянулся, ощущая все свое сильное тело, опустил ноги на прохладные половицы и деловито, с неторопливой точностью, принялся зашнуровывать ботинки.

III

Это Клаша назвала ПТ-134 ласковым именем «Пташка». И Степан по-иному взглянул на теплоходик, узнав об этом: и правда, летит по водохранилищу, будто какая-нибудь птаха, спешит к берегу. Конечно, ее не сравнишь с «Ракетой», с «Метеором» они — скорее как стрижи, которые вон там, в небе, стремительно мчатся.

Зной наливается к вечеру, от соснового бора душисто, пряно пахнет смолами и хвоей, в открытое окно рулевой рубки впархивает ветер. Паут залетел, уселся на руку, перебирая передними лапами, вертел радужными фасолинами глаз, пристраивался перекусить. Пауты бесстрашны, их трудно отогнать, и Степан метко прихлопнул его ладонью. Шелковая рубашка пристала к спине, Степан чуть приослабил ремень, приветственно поднял ладонь: на палубе махнул ему соломенной шляпою тощий как жердь человек с седой бородкою-лопаточкой. Это журналист-пенсионер, который все лето живет на

даче у заливчика и что-то пишет. Правда, какая там дача: перестроили баньку, окружили ее с трех сторон верандой на столбиках. Гостей у журналиста всегда полным-полно, как только умещаются.

Уже многих пассажиров Степан знал в лицо, ему даже лестно было, что с ним столь приветливы, и нравилось, когда на берегу, завидев «Пташку», люди начинали оживленно суетиться, хватали рюкзаки, гитары, прикрепляли к ошейникам собак; иные поспешно вылезали из воды, натягивали на мокрые плавки брюки либо на купальники платья. Василий Мироныч едва успевал продавать билеты, едва успевал их проверять. Он тоже был в светлой рубаше — в распахнутый ворот мощно выпирали ключицы.

Степан празднично глядел на кишашие народом пристани и сознавал, насколько он со своей «Пташкой» всем этим людям необходим, ему хотелось верить, что без него прервется жизнь на этих берегах, осиротеют они, и только старики да старухи в опустевших избах будут ждать случайных гостей.

Он увидел женщину, которая окликнула его из-за забора, когда он искал несуществующий овраг, и кивнул ей. Он уже успел загореть, крупные зубы его, обычно желтоватые, сделались белыми и блестящими, брови выцвели.

Первый загар принял на огороде. Тогда они с Василием Миронычем копали гряды под картошку, под огурчики, под лук, чеснок и редиску. Степан разделся до пояса, с радостью втягивал в ноздри запахи перевороченной земли, свежего ветерка, налетевшего с водохранилища. И копал, копал, копал, далеко позади оставив Василия Мироныча.

— Ну и пашешь ты, парень, — отдуваясь, взмолился Василий Мироныч, — ровно трактор. Давай передохнем. — На распоясанной рубаше его, на спине и под мышками, расплзались мокрые пятна.

Оба присели на завалинку, обшитую тесом, Василий Мироныч понюхал табачку, пожмурился, порычал, охнул, вытер слезы.

— Я ведь раньше-то трубку курил. Как захворала моя старуха, надо было бросать. Не смог. Вот и заменил...

Степан следил за скворечником, поднятом на тонком шесте. Внутри фанерного домика что-то пищало, то

скворец, то скворчиха сновали, присаживались на жердочку, совались в дырочку головой, кланялись и улетали, внезапно сверкнув на солнышке радужным пером. А в домике опять начинался голодный рев.

Тело остывало, пробегали вдоль позвоночника приятные колючие мурашки.

Наталья Денисовна вынесла работничкам по кружке холодного, мятою отдающего квасу, с какой-то надеждою на Степана глянула и опять ушла, согнув спину, так что под кофтой выпятились лопатки.

Василий Мироныч покашлял, сказал с печалью:

— Если б не здесь жили, верняком потерял бы я свою Наталью Денисовну. Да и сам бы — куда?.. Ты ведь видал, Степа, когда в поезде едешь, вдруг зашевелился все, заговорят взбодренно: «Смотрите, река, река!» Либо: «Озеро, озеро там!» И все ведь, будь старики, будь несмышлениши, к окошкам кинутся. Притягивает она, вода-то. Сыновья мои толкуют: к нам, мол, переселайтесь, ревматизм, мол, ты, папаша, там заработал. А для меня без большой воды — амба!.. Я и войну на реке, под Сталинградом даже...

Он снова ногтем вскрыл табакерку, макнул туда щепоть.

— Ну вот, подорвали наш катер... Плыву. Кругом огонь каруселью, кипит все. Взмолился: «Река, родимая, река-матушка, не погуби!» И вот будто снизу подталкивать меня, поддерживать... — Он отправил в ноздри табак, отвернулся, дернул костистыми широкими плечами.

Когда собирались на огород и Степан вызвался помочь, Наталья Денисовна посомневалась:

— Да соседи-то что подумают.

— Они всегда чего-нибудь думают, — сердито пробурчал Василий Мироныч. — Вместе-то скорее спроводим.

Теперь, примолкнув, он сперва рассеянно, а потом и с удовольствием осматривал почти готовые гряды, отрешась от щемящих воспоминаний.

— Руки-то натер? — спросил заботливо.

— Есть немножко. — Степан потрогал твердое красное пятно на левой ладони у большого пальца. — Давно не копал.

Они разом поднялись и снова принялись за дело. Сперва, после отдыха, лопата шла лениво, но вскоре Степан разогрелся, разошелся опять. Он не заметил, что

у калитки, ведущей в огород, стоит Клаша с ведром картошки. Она только-только вернулась с работы, переоделась в голубенький сарафан, повязала косынку, стараясь, чтобы из-под нее немножко выбивались волнистые прядки, глянула в зеркало и смущенно, впервые, пожалуй, чувствуя, как колотится сердце, как дыханье прерывается, остановилась на порожке открытой калитки.

А после Степан украдкой следил, как она наклоняется к лункам, кидая туда серые клубеньки картошки, как разгорается ее лицо. Они вдвоем еще не разговаривали, да и дома перебрасывались двумя-тремя ничего не означающими словами, будто скрывая друг от друга тайну, которая не совсем понятна была и самим.

Степан был благодарен Ощепкову и жалел его, припоминая, как на вокзале, при прощании, хрипло шепнул трезвый Ощепков:

— А я ведь тебе завидую... Теперь меня понесет — сорвался с якоря...

И жену его жалел: все не забывалось, как задрожали ее губы, когда замерла она на вагонной площадке, силясь различить за крышами домов далекую синюю гладь, каким скорбным и внезапно красивым сделалось ее лицо.

Но, если бы они не уехали, разве стояла бы сегодняшний утром на взгорье Клаша, держа по ветру косынку, не поправляя сбитых на сторону волос, разве провозжала бы «Пташку» в рейс!

Степан нацелил «Пташку» на дальний створ, покрутил ручку радиоприемника, среди визгов, писков и голосов отыскал мелодию, подстроился, до предела ввел громкость, и из алюминиевого колокола, укрепленного на крыше штурвальной рубки, могуче хлынула в простор музыка, понеслась, приумноженная эхом, по прибрежным лесам.

От яра, от сосен и ельника густо охватывала воду сиреневая тень. На ее границе, принайтованные к шестам-приколам, чуть покачивались лодки рыболовов. Веером через борта были раскинуты удилища — ожидали вечернего клева. Степан обошел их подальше, но все-таки лодки запрыгали, заметались поплавки, будто жадно кинулись на все наживки горбатые окуни. «Слава богу, снасти им вроде бы не перепутал», — подумал Степан и сбил на затылок фуражку.

На дебаркадере «Платоново» — народу видимо-невидимо. Пафнутьев пробивается к перилам, работая локтями. Степан подает сигнальную сирену, «о-о-у-у-ю-ю-у-у-о-о», — сперва повышая голос, потом падая, она выпевает. Большая голова Василия Мироныча, стриженная под бобрик, видна у мостков. И вот мимо него в пролет выходит в свободном рыжем платье та высокая девушка, что встретилась когда-то Степану и Ощепкову неподалеку от родника. Оглядывается на штурвальную рубку, и взгляд ее ошеломляет Степана. Он ждет: сейчас она появится чуть правее дебаркадера, на яру. Весь обрывчик прошит гнездами ласточек-береговушек, будто маленькие черные иллюминаторы вдоль борта. А сами ласточки бусами сидят на протянутом к дебаркадере тросе, не обращая внимания на суету пристани.

Появилась, остановилась, даже приподнялась на цыпочки. И пошла, прямо держа маленькую свою голову в короткой стрижке иссиня-черных волос.

Да что же это такое, почему на теплоходе не видел ее Степан? У кого бы узнать, кто она, эта девушка? А зачем это ему понадобилось?.. Неловко стало Степану, будто в чем-то он предавал Василия Мироныча, Клашу...

Пассажиры заполнили верхнюю палубу, время до отхода еще оставалось, и Пафнутьев сигналил Степану, чтобы тот вышел. Степан нехотя спустился, перешел на дебаркадер. Пафнутьев трянул его руку и повел к береговым сходням.

— Сегодня на зорьке знатно клевало, — сказал с гордостью, ловко соскользнул в лодку, причаленную к столбу, наклонился между ее бортом и смоленой стенкой дебаркадера, за веревку потянул что-то тяжеловесное.

В плетеном садке увесисто ворочались огромные, будто подносы, лещи, раздувая жабры, поводили короткими хвостами; медной черепицею отливала чешуя. Василий Мироныч смотрел сверху, через перила, восхищенно кричал.

— Не пробовал сам-то? — кивнул на садок Пафнутьев, и по всему виду этого маленького подвижного шкипера Степан понял, что отнекиваться нельзя.

Да и не надо было ему отнекиваться. В другое время мог бы Степан ответить: родился у реки, с тех пор, как помнит себя, был с удочкой, а потом на солдатскую службу попал в барханы Каракумов, там уж, конечно,

не до рыбалки, вот и поотвык. Да ведь это не беда, быстро освоится...

Но девушка в рыжем платье все из головы не шла, так и виделась, приподнявшаяся на цыпочки над яром. Степан сказал коротко:

— Пока некогда.

— Ну, да мы с Миронычем тебя пристрастим. На утреннюю да на вечернюю зорьку поглядишь, первого вот этакого зверюгу одолеешь и считай — вся твоя последующая жизнь облагорожена.

Он говорил, а сам потихоньку отпускал садок в глубину, где вода была не так прогрета, и любовался игрою лещевой кольчуги, которая, желто сверкнув напоследок, слилась с тенью. Едва различимая стайка окунишек, будто чем-то единым связанная, разом кидалась в сторону и разом же приближалась.

— Ишь, разыгрались! — Пафнутьеву не хотелось отпускать Степана, но расписание было законом, и оставалось только отдать чалку.

Степан просигналил отправление, опять глянул на берег. Девушка стояла на самом приплеске среди серых, отглаженных водою сланцев и следила за теплоходом. Она все уменьшалась и уменьшалась, и вот уже вроде бы язычок неподвижного рыжего пламени виднелся над водой.

Когда пристали на другой стороне водохранилища и Василий Мироныч отпустил пассажиров, Степан подошел к старику. Но что-то удержало от вертевшегося на языке вопроса, и сказалось другое:

— Профилактический осмотр надо делать.

— Пора, — согласился Василий Мироныч. — Ощепков-то вовсе руки опустил. Только перед твоим приездом спохватился. И если бы не Ястребов, наш сменщик...

Степану не хотелось сейчас говорить о сменщике, которого он совсем еще не знал, и он спросил:

— Что же вы Ощепкова не проводили даже?

— Не терплю людей, у которых стержня нету. Это в сорок-то годиков! Верняком так и будет болтаться, как дерьмо в проруби.

IV

Ночью было душно, даже открытое окно не помогло. Степан ворочался в постели, так и сяк перекиды-

вал подушку, слушал, как далеко-далеко лениво ходили грома. Была бы хоть какая-нибудь книжка, детектив бы, что ли! Сколько раз собирался записаться в библиотеку, да все недосуг. У Клаши много книжек — целый шкаф в комнатке за перегородкой, стоило бы посмотреть. Да ладно, это успеется... Хоть бы ветерок!..

И вспомнилось: они, еще когда лет по четырнадцать, по тринадцать было, придумали «Клуб ночных водников», черт его знает, почему именно так назвали. Когда истомленный зноем маленький городок засыпал и даже самые чуткие собаки дремали, раскинувшись и вывалив язык, Степан и несколько его дружков-одноклассников босиком бежали по пушистой, мелкого помола дорожной пыли, спускались на мокрый, холодящий подошвы прибрежный песок и бесстрашно бросались в воду. А она казалась черной, бездонной, и звезды расплывались в ней, покачиваясь овальными пятнами. И почему-то хотелось хохотать, орать во все горло, петь во всю мочь. Далеко они не заплывали, они с малолетства привыкли уважать реку, и вскорости выбирались на угорышек в мокрых трусиках, вздрагивали от неожиданной прохлады, тело обстрекивали пупырышки. А в густой дышащей темноте вдруг возникали мерцающие огни: белые поближе, красные на той стороне — бакены; вдруг медленно надвигались другие: зеленые, будто капли росы на листке; белый, высоко-высоко маячащий в воздухе, и вот целые ряды бледных, словно луны, иллюминаторов повисали и растаивали; это шел пассажирский теплоход.

Тогда еще Степан уверился, что без реки — никуда. Может быть, Ощепков прав: надо было поступать в техникум. И если бы не безводье Каракумов, не шепчущий по ночам никому не ведомые слова барханный песок, не изнурительная тоска по речным просторам, он так бы, наверное, и сделал. Но терпения не хватило.

Никто в их семье на реке не работал. Отец служил бухгалтером в маленькой конторе, оправив резинки нарукавников, с великой тщательностью выписывал каждую цифру, тысячу раз ее проверяя, и считал свое дело наиважнейшим. Мать учила малышей в школе азбуке и арифметике, пальцы у нее всегда были перемазаны мелом, вечерами она долго сидела над тетрадками, разбирая каракули первоклашек, и все большое рыхлое лицо ее было праздничным. Две сестры Степана вышли

замуж за хороших людей и жили в этом же городке, зеленом и тихом.

Родители знали, что Степана не переубедить, и когда он, погостив у них два месяца, собрался в областной центр на курсы, отец только и сказал:

— Ну что ж, проверь себя, Степа, и помни о нас...

— Весь ты в деда, — немножко всплакнув и тут же успокоившись, повторилась мать: она часто об этом говорила. — Дедушка твой бурлачил... Да ведь нужда заставляла...

Всю свою короткую жизнь перебрал Степан, а сна так и не было. Наступило забытье, и будто идет он бечевой тропой, лямка стягивает грудь, спирает дыхание, ноги скользят по стертым камням, а вода в реке мутная, в желтой пене. Оглядывается — баржа на привязи ползет, на носу стоит девушка в рыжем платье и рукой маячит, манит Степана к себе... Или читал он где-то об этом...

Засопев с сады, Степан поднялся, вылез в окошко, щиколотку ядовито обожгла невидимая крапива, он потер обожженное место, постоял, привыкая к темноте, и осторожно пошел по холодной меже к забору. Опершись на руки, приподнялся над поперечиной, перекинул ногу и спрыгнул наружу. На дебаркадере внизу горел сигнальный огонь, дрожащая полоса лежала на невидимой отсюда воде. Надо было долго спускаться к ней, а голова и тело уже охладилось, дышать стало легче, и Степан остановился. До рези в глазах вглядывался в ту сторону, где за поворотом берега, за сосновыми и еловыми борами — Платоново.

Он сам не понимал, почему к этой девушке его так потянуло, почему она все не забывается. Он не рассуждал, не взвешивал, просто хотел узнать о ней, хотел ее видеть...

Как обычно, в свободное утро, он долго умывался до пояса, медленно брился, потом завтракал вместе со всеми. Клаша сидела сумрачная, ела нехотя. Наталья Денисовна ей за это пеняла. Когда встали из-за стола, Степан попросил что-нибудь почитать, Клаша встрепнулась, повела его за перегородку. Там была узенькая постель в чистом голубом покрывале, столик, ножная швейная машинка и застекленный шкаф, тесно забитый книгами. Степан рассеянно пробежал взглядом по корешкам.

— Вот это возьмите, — сказала Клаша и подала книгу, с обложки которой мудро сквозь очки смотрел старикан с пушистыми волосами, никак не прикрывавшими округлую лысину, с бородкой и усами.

«М. Пришвин, — прочитал Степан про себя. — Избранное».

— Я недавно купила, — сказала Клаша. — Это чудо какое-то. Кажется, обыкновенные слова, которыми и мы говорим, а все видно, слышно, все чувствуешь!

Она нечаянно задела пальцы Степана, отдернула руку, словно от кипятка, и виновато улыбнулась.

Вышли. Наталья Денисовна и Василий Мироныч стояли притихшие, но тут же задвигались, перебирая на столе тарелки, ложки. Степан еще раз сказал спасибо и — к себе. Раскрыл книгу, прочел первую страницу, вторую: Пришвин рассказывал о своем детстве и происхождении своей фамилии. Наверное, Клаша не обманула, но не читалось Степану, никак он не мог сосредоточиться.

И, взглянув на часы, он взял фуражку, снова забросил ее на верхнюю полочку вешалки, прибил ладонями волосы и крупно зашагал по крыльцу, по хрусткой от гравия крутой тропинке вниз, к дебаркадеру.

На вахте был сменщик Ястребов, нелюдимый, добросовестный до мелочей пожилой человек. Его жена, как и жена Ощепкова, продавала в окошечке билеты.

— До Платоново я, — сказал ей Степан и ушел на корму.

Из-под кормы выбились зеленоватые буруны, закипела, понеслась пена двумя расходящимися усищами. Но до чего же, оказывается, медленно ползет эта «Пташка», до чего долга стоянка у базы! Степан сидел, положив руки на перила. Зачем он поехал, к чему эта прогулка? И все же чувствовал, что именно сегодня увидит девушку или по крайней мере что-нибудь о ней узнает.

Вот наконец-то яр в пластах еще не отвердевшего песчаника. Ласточки тучею носятся над водой. Удивленное лицо Пафнутьева.

— Насчет рыбалки, Степа? Я вечером собираюсь. Овса напарил, гороху!

Степан помотал головой, поднялся на берег, направился к ключику. Высокая сочная трава оплетала ноги, розовые варежки клевера там и сям сквозь нее просо-

ывались. И весь угор, покато взбирающийся к отдаленному лесу, был в белой, медовой, сиреневой дымке цветения и гудел медным, едва уловимым пчелиным гудом. И Степан даже вздрогнул, когда услышал снизу, с дороги, хрипатый, во всю широкую глотку мат.

Здоровенный мужик с иссиня-багровым лицом орал, размахивая руками, а перед ним стояла та самая девушка и с вызовом хохотала. «Пташка» уже отвалила далеко, пассажиры, прибывшие в Платоново, разошлись, и на берегу было пустынно.

Не раздумывая, Степан двинулся к мужику. Шагал спокойно, будто с ленцою даже, а внутри все пододбилось.

— Я тебя проучу, едрена мать, ты у меня еще завертишься, — грозил мужик, наступая на девушку.

Девушка хохотала, но глаза у нее сузились, ноздри тонкого носа раздувались.

От мужика несло перегаром, и Степан не стал колебаться:

— Вы чего при девушке выражаетесь?

— А ты кто такой? — рявкнул мужик. — Катись отсюда!

Степан никогда из себя не выходил, и теперь лишь на скулах взбугрились желваки. Он стоял вровень с незнакомцем, пристально и тяжело смотрел в опухшие глаза его.

— Я вам говорю, — сказал отдельно, — кончайте материться. Непонятно?

— Да это ж капитан, — узнал мужик, — без формы то не различить...

Пьян он был, видимо, с утра, а при такой жаре его и подавно развезло, но на ногах он держался уверенно и соображал без мути.

— Как не материться, если нормальных слов не понимают, — махнул на Степана крупной набрякшей рукой. — А с тобой, Варька, я еще не так потолкую, слезами умоешься. — И зашагал к деревне; у него была отменная выправка.

— Не думала, что у меня есть защитники, — сказала Варька низким грудным голосом и фыркнула в нос. — Спасибочки.

— Да что вы, — смутился Степан, у него губы пересохли, он даже отступил, потому что вдруг будто угорел, захотелось схватить, к себе притиснуть эту девушку.

— А я тебя давно заметила, — засмеялась Варька ничуть не смущенно, — все ждала случая познакомиться.

— Кто это ругался? — перевел разговор Степан и не узнал своего голоса: противно тонким он сделался.

— Наш бригадир, — безразлично ответила Варька. — Вечно пьяный.

— Что же его держат? — Степан понемножку успокаивался.

— Никто сюда, за реку, не идет. А этот всю войну воевал, ордено-ов, — она показала рукой от горла до живота. — Воспитывают его, думают — исправится. Хороший мужик был, да сами его испортили: «Иван Корнеич, бражки попробуйте, Иван Корнеич, водочки не побрезгайте». А он после этого в долгу себя считает, нарушения делает... Мы его не боимся — отходчив...

Она замолкла, погрызла темную, как спелая малина, верхнюю губу и с вызовом уставилась на Степана:

— Надолго в наши края?

— Думаю, надолго.

— Прогуляемся, — будто приказала и пошла вперед, к одинокой березе, памятной Степану еще по первому рейсу.

Береза вся обкудрявилась, зеленела каждой веточкой, а вот ствол вблизи оказался оголенным до кости. И непонятно было, как она жила без коры.

— На растопку ободрали, гады, — сругалась Варька, приложила к стволу ладонь. — Зачем так делают, люди ведь вроде!

Черные, почти без зрачков, глаза ее стали влажными. Она обеими руками оттолкнулась от ствола и побежала по овражку на берег. Там она села на толстое, промытое волнами и до белизны высушенное солнцем бревно, скинула босоножки, пошлепала подошвами по мелкой воде.

Степан остановился за ее спиной, опять ощущая в голове угар.

— Ты хотел меня увидеть? — спросила Варька не оборачиваясь. — Сейчас мне пора, завтра у тебя работа. — Она опять пошлепала по воде, пошевелила сбитыми пальцами. — Послезавтра приезжай с вечерним рейсом... И приходи к березе.

Наклонилась застегивать босоножки, под платьем обозначилась длинная гибкая спина.

«Да что же это такое, что же это такое?» — думал Степан, кровь била в виски грузными волнами.

Варька пружинно вскочила и кинулась вверх по оврагу. Степан сразу потерял ее из виду. Он присел на корточки, долго плескал в лицо водой, пахнувшей рыбою. Вода не охлаждала.

V

Гроза промелькнула над водохранилищем несколькими вспышками и ушла за окоём, а следом за нею, вопреки добрым радиопрогнозам, наволоклось ненастье, и дождь-сеянец зарядил с утра, насквозь пропитывая землю. Ветер был милостивым, ему не мешал, и по всему зеркалу воды беспрерывно вскакивали острые клинышки, беспрерывно сливались и двигались.

Палуба, начисто вымытая, отблескивала, по ней хлестали косые струи, и все пассажиры были внизу. Степан понимал, что на побережье ни один человек без особой необходимости не вылезет, но все-таки включил музыку. Переливчатые раскаты рояля летели сквозь дождь, и Варька, наверное, слышала их.

Василий Мироныч все-таки упрямо проверял билеты, в плаще с капюшоном стоял у сходней, и нос его багровел. Так весь день прошел, дождливый, ненастный, и до самого вечера Степан думал об одном: только б завтра была погода. Когда вернулись в избу и поужинали, Наталья Денисовна, соединив взглядом Степана и Клашу, с надеждою сказала:

— Сегодня в клубе кино кажут новое...

Степан боялся долгого вечера, решил: а чего бы не сходить — и дружелюбно улыбнулся Клаше.

Дождь, как по заказу, перестал, но небо было по-прежнему пасмурным. Клаша надела голубенький плащик с пояском, Степан пошел в форменной куртке нараспашку.

Под ногами хлюпало. Клаша доверчиво опиралась на Степанову руку, помалкивала. Степану спокойно было с нею, он даже не заботился о том, что надо чего-нибудь говорить, как-то ухаживать.

Народу оказалось негусто, с билетами свободно, и вскоре они сидели рядышком на потертых и изрезанных деревянных креслах, скучно глядели на белый вогнутый экран. Надо было что-то сказать, как-то скрасить

эти муторные минуты, но слова не подбирались. И Клаша будто в рот воды набрала, комкала платочек, Степан не слышал даже ее дыхания.

Свет погас, на экране задвигались фигуры. А Степану опять виделась маленькая «Пташка», бегущая по синеве водохранилища, опять Варька споласкивала подошвы и наклонялась к пряжкам босоножек, затенивши лоб короткими черными волосами. И мелкие соцветья разнотравья, и ободранный ствол березы, и убегающая по косогору тропинка снова и снова проявлялись в памяти, будто киномеханик повторял цветные кадры...

Экран снова стал белым, точно простыня. Клаша поднялась, удивленно и обиженно глянула искоса на Степана и пошла по наклонному полу к выходу. Степан поддерживал Клашу за локоть, тепло ее тела чувствовалось даже через плащ.

На улице в доброе время было бы еще достаточно светло, а теперь небо обметалось низкими тучами, только огни клуба отражались в лужах, и в расплывчатом освещении нельзя было решить, где сухое местечко. Клаша храбро ступила, туфля хлюпнула и утонула в коричневой жиже. Степан, начерпав в ботинки холодной воды, все-таки успел Клашу подхватить, она доверчиво к нему прижалась.

— Промокла, — заботливо сказал Степан, спасая туфлю. — Да и поздно, пора спать.

Клаша поникла, потом побежала вперед, привычно отыскивая тропинку. В избе горел огонь, Наталья Денисовна о чем-то спросила Клашу, Степан не стал туда заходить, закрыл свою дверь на крючок и вдруг почувствовал усталость...

Ненастье всегда длиннее погожих дней, ибо каждый дождливый час однообразен и сер, и утро и полдень бесконечно одинаковы. Степан даже пожалел, что не завел себе в поселке приятелей, что надо обязательно садиться за стол. Но еще хуже стало, когда Наталья Денисовна спросила, какое было кино.

— Клаша-то всю ночь не спала, — слабым своим голосом говорила она, — все переживала. И зачем только такие кина кажут, и так тошно... Как она там работает сегодня, не спавши?

После завтрака Василий Мироныч, не терпевший, чтобы руки пустовали, принялся вязать садок для рыбы, Степан вызвался помогать. Он держал на растопырен-

ных пальцах шпагат, а Василий Мироныч деревянной шпулькою переплетал ячеи, ловко завязывая узелки.

— Ты не обижайся, Степа, — заговорил он, приостанавливаясь. — Верняком ты сам не разобрался...

Степан соединил пальцы, насторожился, понимая, что Василий Мироныч начал так неспроста.

— У Варьки муж в армии. Уже второй год. — Василий Мироныч ножницами перехватил шпагатину. — Только разохотилась, а его и призвали... Да ведь ничего в ней нету: кости да ремни, тела никакого!

— А я и не разглядывал, — выпрямился Степан.

Он подосадовал: слишком уж торопливое эхо по берегам, и покраснел, будто застигли его при воровстве.

— Клаша уезжать собирается, — печально, словно оправдываясь, сказал Василий Мироныч и стал в кармане шарить табакерку, которая лежала на подоконнике, под рукой.

— Бригадир на Варьку с матом, — вдруг забеспокоился Степан, — ну я и вмешался. Вмешался. Вот и все!

— Не мое это дело, — опустил Василий Мироныч голову, точно ему тоже стало стыдно за этот разговор, — не мое...

Вскоре Степан ушел к себе. Расшнуровал ботинки, аккуратно поставил их в ногах кровати, лег, всматриваясь в матицу, по которой кое-где, нарушая белизну масляной краски, елочкою прорезались трещины. Конечно, к Варьке он не поедет: замужняя она, и в армий служит ее муж... Да и не придет она под березу — дождь такой, ветер...

И все-таки она ждала. Не под березой ждала, а на дебаркадере, придерживала под горлом ворот брезентового плаща. Степан увидел ее, когда приставали, смешался, не зная, выходить ли. Ведь странно: из дому выбрался тайком, опасаясь встретить Клашу, которая — он слышал — вернулась с работы, либо Василия Мироныча. И Пафнутьев сердито двинул трап, скорготнувший колесиками по железному настилу дебаркадера, и былую приветливость на лице шкипера будто дождем смыло.

— Я знала, что придешь, — сказала Варька, опять тревожа Степана черными своими глазами. — Да чего ты остолбенел, хоть под руку возьми, тюлень.

— Нехорошо как-то выходит, — глухо ответил Степан.

— А ты захоти, чтобы хорошо было, так оно и получится. — Варька не обращала внимания на Пафнутьева, который пристрастно следил за ними. — Может, на примете есть какая, так не таись ни от кого, ничего стыдного в этом нету.

— Есть или нет, еще не понял, — сказал Степан, и оба замолчали.

Сеял и сеял дождь, не видно было другого берега и ушедшей туда «Пташки». Пафнутьев с ворчанием захлопнул дверь своего кубрика. Яр был пустынен, в потоках, ласточки-береговушки схоронились в теплых гнездах, и Степан с Варькою будто остались одни на краю беспредельного океана.

— Муж-то в армии служит... — все-таки сказал Степан.

— Какой он муж? Мужем с годами становятся... Сдуру выскочила, теперь думать буду, — быстро и горячо шептала Варька, близко-близко присунувшись к лицу Степана, так что глаза ее слились в одну линию.

VI

Такого утра в жизни Степана еще не бывало. Он пробудился ...да нет, вернее, не спал, так, забылся на полчаса, а потом поднял голову, вскочил с копейки сена, застланной старым одеялом, выбежал из домика наружу, в ядреную росистую прохладу.

Домик этот затащил сюда, километров за пять от деревни, трактор еще по ноздреватому апрельскому снегу и оставил на грузных полозьях в долине петлястой речки-говоруньи. Долина вся в черемушнике, в пятнах сочных луговин, а поверху — дикий лес.

Теперь солнце уже подпало его макушки, а долина еще додремывала, но когда Степан выскочил из домика наружу, лучи упали на черемушник, на речку, и зазвенели перекаты, и птицы загомонили, и медовые запахи внезапно потревоженной росы прянули в небо. И так легко, так радостно сделалось Степану, что засмеялся он, запрокинув голову. Будто прорвалось в нем что-то, далеко и надежно упрятанное, и сейчас никто бы не узнал Степана.

Он кинулся к парящей речке, сунул лицо в ломкую

воду, затряс головой, разбрызгивая капли, и, словно в детстве, когда нырял ночью, захотелось петь, хохотать, орать во все горло.

Это Варька сделала его таким, это она велела не оглядываться, ничего не пугаться. Это они любили друг друга, уверовав, что навсегда.

Загон был огорожен на большом пространстве в четыре жерди, и на ископченной бестравной толоке лежали белые с прозеленью, с голубовато-серыми отсветами куски каменной соли, отшлифованные языками коров. Жерди в поскотину были открыты, и Степан, наскоро одевшись, побежал туда.

Варька верхом на лошади, сидя по-мужски упруго и свободно, направляла стадо телят на широкую луговину. Телята шли спокойно, мягкими губами выискивая самые сладкие травы; еще не обжигали холку, брюхо, глаза жадные пауты, мухи, комарье, мошка...

Никогда Степан не думал, что вот так, вблизи, этакое увидит и дорого ему станет все это вместе с «Пташкой», с дебаркадерами, с водохранилищем.

Варька работала в совхозе, она все умела — и косить, и сеять, и вейть, и нынче, уже второе лето, откармливала телят; потом, первопутком по льду, перегонят потучневших бычков и телушек на ту сторону и сдадут государству по привесу. Она рассказала это Степану и с вызовом, подбоченясь, добавила:

— Выходит, мы с тобой не пара!..

Слава богу, прошло все это, прошло, и ничего больше говорить не надо, ничего выяснять не надо: жи-и-изнь!

Он прокричал это короткое слово, оно отдалось в долине, в лесу на разные лады, и Варька услышала, выпрямилась в седле, помахала рукой.

«Ты у меня по-настоящему первый», — говорила она, и Степан верил. Он поверил бы в любую нелепую сказку, если бы ее выдумала Варька. Да хоть и не она выдумала, а все же сказка была. Вчера он пришел на «Пташке», поспешил к березе. Варьки не оказалось, но он уже уверился, что все равно она появится, и неторопливо стал похаживать по дороге вдоль берега, заложив руки за спину, рассматривая отпечатки тележных и велосипедных колес, будто что-то отыскивая. Поднялся к деревянной трубе, пригоршнями напился.

И внезапно почувствовал на себе зовущий взгляд и

сразу увидел рыжее солнце полукругом над горою, и в середине этого полукруга в красном платье, на рыжей лошади верхом — она. И все затихло: и знойный стрекот кузнечиков, и звон ключевой струи, и голоса недалекой деревни, все затихло, будто заложило уши, будто июльским жаром напекло голову.

— Иди за мной, — велела Варька, и он шел за нею все эти пять километров, словно пещерный житель в темноте следом за огнем.

Он полубегом возвращался к водохранилищу. Тропа терялась в травах и витом черемушнике или разливалась, превращаясь в размешанную копытами квашню. И все время рядом была речка, то затихающая, то скорая и солнечно говорливая на перекатах.

Как добраться до поселка, чтобы успеть к своему рейсу, Степан пока что не задумывался. Он зорко рассматривал дорогу, которую не видел, когда шел сюда, будто приарканенный к лошади, он ничуть не сомневался, что все и дальше будет так же хорошо, и даже не замечал, как намокли ботинки и брюки.

За угором черно-синим горбылем выгнулось водохранилище. Сейчас возникнет затейливый терем дебаркадера с башенкой и шпилем наверху, сейчас!..

— Утро доброе. — Перед Степаном вырос бригадир.

Он был трезвый, глаза в красных прожилках строго косили к переносице. На голове у него была военная фуражка, зеленый китель приношено сидел на нем.

— Потолкуем, — сказал он.

— Я тороплюсь! — Степан посмотрел на часы, никак не догадываясь, чего понадобилось бригадиру. Он никогда никуда не опаздывал, а тем более не мог сорвать рейс из-за того, что похмельному человеку вздумалось проснуться прежде времени. — Давайте в другой раз!

— Откудова сено у тебя в волосах? — загородил тропинку бригадир.

Степан провел ладонью по волосам, вытащил сухую травинку.

— Какое вам дело?

— А такое, что мять чужих баб нечего.

— Кому чужие, кому и нет! — отрезал Степан и, отстранив бригадира, зашагал к водохранилищу.

— Я вам обоим покажу, вы еще захлебнетесь! — ругался бригадир. — Потаниха вас крапиво-ой!..

И тут же, наверное имя свое услышав, из-за елочки вышла приземистая женщина в блестящих от росы сапогах. Она была чрезмерно скуласта, из узких прорезей недружелюбно смотрели черные, как у Варьки, глаза.

— Ты чего же это делаешь? — облизнув губы, сказала Потаниха. — Других тебе, что ли, нету?

— Ну конечно нету! Извините, в рейс опаздываю. — Степану очень хотелось успокоить эту женщину, убедить ее, что не какой-то он блудень и намерения у него серьезные. Но времени оставалось слишком мало.

— Хоть ты и капитан, да мы тоже не лыком шиты, — продолжала Потаниха, уставляя руки в бока. — Будет и на тебя управа!

Степан не оглядывался. Одним теперь были заняты мысли — найти лодку с мотором. Может, у Пафнутьева? Шкипер вроде не должен спать: теплоход, идущий из города в верха, на самом рассвете приваливает сюда.

Но шкиперский кубрик на дебаркадере заперт. Все правильно — до прихода «Пташки» может Пафнутьев заниматься чем ему заблагорассудится. Степан стукнул кулаком по перилам, заметался, железная палуба загремела под ногами. Сотни людей будут ждать по берегам, вглядываться в утреннее марево, рабочие леспромхоза примутся колотить в окна, упрашивая владельцев лодок переправить, Ястребов будет в бога и душу колостерить Рукавишникова! Вот тебе и ликование!..

У прикола чья-то лодка, — зорким глазом определил Степан. Отчаливает. Рыбой блеснуло под солнцем весло. Куда ее курс? К дебаркадере, точнехонько к дебаркадере! Да это же Пафнутьев!

— Эге-ге-ей, — затрубил Степан, не помня себя, — сюда-а!

Пафнутьев греб споро, садил весла неглубоко и без всплесков. Вот уже различимо его лицо под кепкой, выцветшая ковбойка. На корме мотор с поднятой восьмеркою винта. Вот Пафнутьев снял весла с уключин, утопил винт в воду, дернул заводилку. Таратахнуло, звук послушно разнесся по воде. Пафнутьев плюхнулся на кормовую банку, развернул лодку и понесся напрямик к Степану, оставив за собою пенный след.

VII

Степан в который раз попросил:

— Давай поженимся. Сколько воров-то жить?

И опять Варька ответила:

— Вот и я говорю — отслужит Михаил, все скажу ему, тогда и можно...

Этот неведомый Михаил стал поперек дороги. Когда, несколько дней спустя после встречи с Потанихой, Степан пришел в Варькину избу, прежде всего услышал о Михаиле. Конечно, он все понимал, даже и то, почему Потаниха встретила его в штыки. Но и обидно было: ведь всерьез решил и без Варьки уже никак жизнь свою не представлял.

— Мало тебе девок, капитан? — сердилась Потаниха. — И что я Михаилу-то отвечу? Не сберегла? Эта дура дикошарая ни о чем не думает.

— Да не беспокойтесь, мы ведь не малолетки.

— Парень ты видный, в народе о тебе хорошо говорят, да только надолго ли у нас? — Она что-то пробормотала по-татарски, продолжала: — Бригадир тоже боится — увезешь Варьку из совхоза... Ей-то что, она у меня такая — попрыгать, полетать, говорит, еще шибко охота. Тут с Михаилом у них тыкала все время были, как кошка с собакой... Он хозяйственный, все под крышу, а она в лес глядит. Остепенится, думали...

«Разве я против хозяйства», — чуть не воскликнул Степан, да раздумал: будто насылает себя на место Михаила.

Он сидел, оглядывая просторную, без перегородок, избу. Вечернее солнце настало на скобленные половицы ровные коврики, нагнало на беленое чело печи желтых зайчиков. Пахло сеном и еще чем-то немножко горьковатым, будто за двери только что вынесли головешку. Где-то тонюсенько и монотонно ныла висящая на месте оса.

А ведь ничуть не хуже жилось Степану у Василия Мироныча, и знал Степан, что там его ждали, готовы были принять в семью. Трудился бы он себе, провожала бы Клаша его по утрам, был бы после рейсов тихий уют, как безветренным вечером в заливе, хорошие книги, простые разговоры, ничем не жалящие память и душу. А тут — Варька, остро пахнувшая лошадиным потом, дикая, переменчивая в настроениях, тут косые взгляды деревенских жителей, считающих Степана приبلудником, и Потаниха, которая наконец сказала определенно:

— Замужнюю взамуж не выдам и блудства не допущу.

Степан поднялся со вздохом, взял форменную фуражку, сунул руку к козырьку:

— До свидания, Мария Галимовна.

Имя и отчество Потанихи он узнал у Пафнутьева. Тогда, гоня лодку к поселку Куликовому, шкипер все молчал, поглядывал на часы и только у самой пристани, сбросив скорость, покрутил головой:

— Хотел тебя к рыбалке пристрастить, а ты вон какую рыбку забарабал...

Степан был благодарен Пафнутьеву за выручку и потому ответил:

— И навсегда.

Пафнутьев недоверчиво прищурился, потом, видимо, поверил и предупредил:

— Мария Галимовна женщина работающая, серьезная. Мужика своего и по сию пору оплакивает, как на лесосплаве под плоты скovyрнулся... Да и Михаил по душе ей: скромный, простой, на все руки...

— Да ведь Варьке с ним жить, не Марии Галимовне!

— Варьке... Дикая она, ни с кем по-человечески и разговаривать не желает, все дерг да дерг. Только в поле да в лесу носится. Ты что, так за ней и будешь скакать?..

Может, все говорят верно, да ничего Степан поделать с собою не мог. Ночами на общежитской койке виделась Варька, не давала ему спать, и рейсовые дни стали в тягость, и казалось, будто «Пташка» ползет букашкой по стеклу. И когда взбурунивалось, взбухало и пенными волнами от берега до берега металось водохранилище и чайки кособоко мчались над водой, серые без солнца, он все равно радовался тяжело раскачивающемуся дебаркадеру. Варька ждала его, Варька ждала его в любую погоду. И они не уставали любить друг друга.

Да как-то крадучись все это было, и Степан не знал, как поступить, впервые в жизни не знал.

— Обязательно, что ли, тебе под крышу, в берлогу? На сеновале да в конюховке чем хуже? — дразнила его Варька. — И чего к матери совался? Сперва бы у меня спросил! Я-то думала, ты другой, коли городской, а ты...

Степан не понимал ее.

Уже постарели луговые травы: зароды, копешки сена стояли вдоль речки, на угорах, огороженные крепкими

жердинами — от лосей. Солнце все позже поднималось, все дальше огибало долину. Совсем недавно еще резвые, драчливые и норовистые телята остепенились, потучнели. Чтобы не потеряли они привеса, приходилось осторожно перегонять их поближе к деревне, где были выкошены большие поля и поднялась дружная отава.

— Придет зима, «Пташку» — в затон, как тогда?

Множество было у Степана вопросов, но все они померкли, когда Варька сказала:

— Понесла я.

— Чего понесла? — не понял Степан.

— Чего, чего, тюлень ты этакий, — рассердилась Варька. — Ребенок у меня будет, вот чего!

Степан охнул, прижал ее к себе.

Быстрой ладонью взъерошила Варька Степановы волосы:

— Думаешь, я тебе кучу ребятишек наплюю, веселой и доброй хозяйкой стану, будем телевизор глядеть, в кино ходить?.. Это еще посмотрим!..

Вот оно бы счастье-то было! И «Пташку» свою, которую нынче Степан обиходил более по должности, чем по душе, как бы он полюбил. Да нет, он и так ее любил, с первого дня. И теперь любил за то, что увидел, благодаря ей, Варьку, за то, что к Варьке его привозила. А потом — ребятишки ихние ожидали бы на берегу, сына бы поставил в рубку к штурвалу, отсюда, с воды, показал бы ему каждую заповедную изгибинку берега, каждую изменчивую тень на глубинах...*

Знала бы Варька, что он чувствовал, когда уходил от Василия Мироныча, от Натальи Денисовны, от Клаши. Не мог он с ними оставаться, не мог. И Василий Мироныч тоже, как Степан, прятал глаза и лишь руками разводил, а Наталья Денисовна, вовсе исхудавшая от недавнего обострения болезни, все же сказала:

— Заходи к нам, стряпаного, домашнего покушаешь. Либо постирать что надо...

— Спасибо вам за все. — Степан низко поклонился — не смел ни обнять стариков, ни руку протянуть — и почти выбежал со своими двумя чемоданами.

Клашу он в тот день не видел, она была на работе. Он вообще как-то перестал замечать ее, либо она так себя держала. Да ведь оправдаться можно: ничего он ей, этой милой девушке, не обещал, ничем не обнадеживал!..

И как трудно было теперь на вахтах с Василием Миронычем. Старик все так же нюхал табак, проверял билеты у сходней, однако между ним и Степаном не стало тех, невидимых постороннему, но таких чувствительных для души связей, что одним взглядом, полусловом, даже присутствием своим обнаруживают близкие друг другу люди. И от этого Степан тоже мучился.

Вчера он попрощался с Варькою. Отцом он, конечно, себя не осознавал, однако творилось в нем нечто небывалое, словами не определимое, и благодарен он был Варьке, и еще пуще, с высокой жалостью, любил ее.

Прозрачно-фиолетовым сделался лес в утреннем инее, под ногами шуршало, позванивало. И Варька осталась на берегу...

Степан включил музыку, вывел на полную мощность.

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая,
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая, —

пел молодой свежий голос.

Не заметил, как открылась дверь рубки и сутуло просунулся в нее Василий Мироныч. Лишь когда он очутился рядом, Степан обернулся.

— Вот и кончилась твоя первая навигация, поздравляю, — медленно выговорил Василий Мироныч. — И еще хочу сказать: не подвел ты меня, Степан Николаич. Ни в чем...

VIII

Здесь, под городком, где жили Рукавишниковы, река встала недавно. А водохранилище, должно быть, уже окрепло льдом, заматерело торосами. И дорога поперек легла, от Платоново к Кирпичному. Степан закрывал глаза и видел: стадо по дороге вытянулось в пеструю ленту. И Варька верхом на лошади.

Сунув руки в карманы, подняв воротник, чтобы как-то оберечь от холодного ветра уши, медленно шел Степан по старой короткой улице домой. Он был в той же летней фуражке с «крабом», и не удальства ради, а в знак верности Варьке.

В первый же день приезда был с матерью недолгий, но важный разговор. Она сидела при настольной лампе

над тетрадками, укутав реденьким платком широкие плечи. Степана потянуло обнять ее, он уже шаг сделал, уже руки протянул.

— Не мешай, Степа, — сказала она.

— Поговорить надо.

— В другой раз. — Она красным карандашом густо подчеркнула в тетрадке. — В другой раз... Опять этот мальчишка!.. Ведь способный, ведь умница, однако в другой раз те же ошибки...

Как и прежде, мать вся была там, в школе. Степан ничуть не осуждал ее за это. Но могла бы она хоть ради его приезда быть повнимательнее к нему.

— Мама, я женился! — Степан сам удивился этому слову, такому странному.

Мать подчеркнула еще одну ошибку и обернулась:

— Вот как? И кто же она? Впрочем, ты уже взрослый, самостоятельный человек и имеешь полное право выбора.

— У тебя будет внук.

Она поднялась, большое лицо ее порозовело.

— Мальчик. — У Степановых сестер все были девочки, и он подтвердил уверенно. — Парень будет.

И теплой волной окатило сердце. А мать заморгала, ухом прижалась к Степановой груди, будто слушая эту волну.

— Так вези ее к нам, хотя бы погостить, — немного погодя сказала мать. — Как звать жену?

— Варей. — Он впервые так назвал это имя.

— Варенька, — поправила мать. — Какое чудесное кроткое имя.

Она не спрашивала, откуда эта Варенька, что делает, из какой семьи, и Степан оценил это и в письме к Варьке особо прибавил: родители уже знают ее, родители ее ждут.

Сколько слов к Варьке скопилось — половодье, да не сумел он их на бумаге выразить. Поймет ли, почувствует ли, поверит?

Так все в памяти снова перебирая, он подошел к двухэтажному с каменным низом дому, на крыльце сбил голичком с ботинок снег. Квартира их была на первом этаже, обычная тесноватая квартира, каких множество в маленьких приречных городах. Теперь она была необычной, потому что мать и сестры прибирали ее к Варькиному непременно приезду.

— Долго же ты, — сказала мать. — Мы уже отобедали. Отец ждет тебя, — указала на дверь соседней комнаты.

Отец исхудал — череп был обтянут сухой кожей, она казалась восковой на высоких белых подушках. И все же он довольно звучным голосом велел:

— Поезжай, Степа... Хочу увидеть...

Чемодан брать не стал, надел отцовские катанки — идти через водохранилище, повязал шею теплым шарфом. Он был бесконечно уверен: Варька все там сделала сама в лучшем виде, и Марии Галимовне уже нечем будет отговариваться. Он собирался спокойно, а сам лихорадочно соображал, какие электрички сейчас по расписанию и успеет ли он засветло до Кирпичного, потому что от станции туда надо еще добираться на автобусе либо на попутной. И уже видел белую дорогу по водохранилищу, гладкую и очень прямую.

Была она не гладкой и не прямой. Размятая санями, в рытвинах, в ухабах, она, словно нарочно, виляла. Степан пробовал спрямить — торосы и сугробы не давали.

Какие-то особые причины были у человека, который первым проложил такой путь. И чудно Степану, что вот здесь проходил он на «Пташке» и под ногами покоится серая глубина, и — три километра над нею пешком, в валенках.

Был легонький морозец, а Степану стало жарко, он приостановился, снял фуражку. От подкладки парило. Так вот почему не узнается дальний берег! Дебаркадера нет, и сине-белая там тишина. И березы не различишь. Но деревню видно: во-он ее избы, словно игрушечные отсюда.

Сперва Степан крупно шагал, потом припустил бегом. Он бежал все быстрее, он распахнул бушлат, запыхался. Шарф, ресницы, брови обметало куржаком. В горле засохло, резало, словно рашпилем.

Дорога — на берег. Свернула дугою. Еще немного, еще! Да надо же опомниться, а то перепугает всех!

Он помаленьку сбавляет шаг, глубоко, через ноздри, вдыхает раз, другой, третий, поднимает и опускает руки, точно собирается взлететь. Сердце унимается, тукает ровно, отдаваясь в висках.

Степан ладонью утирает лицо, губы — ладонь отчего-

то соленая, — поправляет фуражку, шарф, застегивается на все пуговицы.

«Что она сейчас делает, Варька, Варенька?»

Одна изба мимо, другая, третья. Вот крыльцо с широкими плахами, чисто подметенными, и тоже голик на нем для обихода ног. На это крыльцо он поднимался лишь однажды... Окна в инее, ничего за ними не видать. Да что же это такое, даже колотит всего! Ну, давай, Степан Рукавишников!

Толкнул легонько дверь — заперта. Постучал. Скрипнуло там. Сейчас полетят легкие Варькины ноги! В сенях шаги слышались, трудные, шаркающие. Звякнула щеколда.

В проеме — Потаниха, вся черная.

— Степан — произнесла без удивления, — проходи.

— Где Варя?

— Нету. Нету ее.

— Уехала, что ли?

— Померла, — каменно выговорила Потаниха.

— Бросьте, — усмехнулся Степан.

Улыбка застыла на его лице, он вдруг перестал чувствовать ноги, будто в сон провалился, и Потаниха беззвучно шевелила губами. В руках у нее письмо. Степан с отчетливой ясностью увидел свое письмо, будто внезапно присунули конверт к глазам.

— Читала она, — слышно стало Потаниху, — всю меня исцеловала.

— Да что же случилось, что?

Что-то в душе Степана отвердело, ничего не впуская еще в глубину, и он, выпятив желваки, собравшись, ждал.

— Бригадир велел перегонять, мол, привес потеем, премию не дадут.

Потаниха говорила вроде бы совсем спокойно, но без всякого выражения.

— И погнажи. Вода поздно встала, лед обочь дороги местом слабый лег. Бригадир шибко дурной был. — Она коверкала слова, и Степан никак не мог понять, почему. — Матом шибко кричал. Два бычка — в сторону. Провалился. Варька спасала их. Утонула. Поздно достали. Михаил хоронил. Телеграммой вызывали.

— А меня? — Степан надвинулся на Потаниху. — Меня-а?

— Ты чужой был. Два мужа нельзя.

— Да ведь она ребенка от меня ждала! — Степану показалось, что он закричал, но это был шепот.

— Может, ждала, — кивнула Потаниха.

Степан придавил лоб ладонью.

— Веди!

Потаниха послушно сунула ноги в валенки, покрыла голову черным платком с бахромою...

Сугробом белел невысокий холмик с голубой, будто из цельного льда вытесанной пирамидкою.

Была подводная тишина. Слова не говоря, слезы не роняя, стоял Степан Рукавишников в этой тишине.

* * *

«Пташка» отвалила от дебаркадера «Платоново», разгоня бортом льдистые беляки. Кончилась вторая в жизни Степана навигация.

Он поглядел на Пафнутьева: старый шкипер стоял в пролете дебаркадера, опустив руки по швам; на Василия Мироныча: тот достал табакерку, да так и замер. Степан окинул взглядом берег. Ни с чем не попрощался...

Все возвышая, все возвышая голос до самой пронзительной ноты, понеслась над водой, над берегом, над лесами сирена.

Нина Субботина

РЕКА

Когда неясным утром зычно
Гудок ударит по волне,
Река потянется привычно
И зарифмуется во мне —
С тяжелым ходом парохода,
С мостом, высоким до небес,
С глухим дыханием завода,
С бетонным гребнем

Камской ГЭС.

Река дома зальет лучами,
Что в глубине своей таит,
Моими первыми стихами
Она во мне заговорит.

РЕКА И ЖЕНЩИНА

Алексею Решетову

Река и женщина в реке —
о, что они здесь вытворяли!
Их шумный праздник
вдалеке
все перекаты повторяли.
Сверкали,
пели,
хохот,
визг,
бежала эта,
та — ловила,
а что за радугою брызг,
не разглядеть —
глаза слепило!
Потом похоже, что они
перемывали, как подруги,
наверно, косточки родни
и всех соседешек в округе.
Утихомирились едва.
Как будто вспомнили печали
и жизни горькие слова...
И, долго глядя вверх, молчали.

Александр Клёнов

ЛИВЕНЬ

Ливень идет лавиной.
Тучами день накрыт.
Будто бы глаз совиный,
буй на реке горит.
Ветер, как всадник, гонит.
Город ослеп от гроз,
В майском дожде не тонет
Только над Камой мост.

Э. Меньшикова

Бортпроводница теплохода «Владимир Маяковский»

УТРЕННИЙ ЭТЮД

Над Камой
луна высока,
Рассветы туманные кротки.
Уткнувшись в прохладу песка,
Качаются сонные лодки.
Утес, будто раненый лось,
Пьет медленно темную воду,
И душу пронзает насквозь
Тревожный гудок теплохода.

Борис Ширшов

СЕВЕРНЫЙ ЗАВОЗ

Неужели все это — на Каме
И в разгаре прикамской весны?
Льдами, льдами
И только — льдами
Мы повсюду окружены.
Узкий, тесный у нас фарватер,
Иногда — ни туда, ни сюда.
Грузным ходом идут в кильватер,
Черным дымом клубят суда.
Баржи тянутся на буксире,
За бортами стеклянно шуршит.
Все пустынно,
Как будто в мире,
Кроме нас, — ни одной души.
Запоеет приемник на судне:
Слышен майского праздника шквал.
А у нас — рабочие будни,
А у нас — трудовой аврал.
Пробираясь обочь каравана,
Ледокол уходит вперед.
И упорство в глазах капитана:
Надо, надо осилить лед!

Не отходят от раций радисты.
Тут любую тревогу жди.
Скоро ль будет — не то, чтоб «чисто»,
хоть «разводисто» — впереди?
Ветер. Снег. А в машинном — жарко.
Дизеля лихорадка бьет.
Густо пахнет горячей соляжкой
Маслянистый машинный пот...

Наконец-то мы движемся ходко!
Что-то нас впереди еще ждет?..
На соседней барже-самоходке
Чей-то шалый петух поет.
На носу скипер что-то ладит,
Часто тюкает топором,
Молодуха в речном бушлате
Чистит рыбину над ведром.
Все идет степенно, как надо.
Пробиваясь сквозь алый туман,
Величавой плывет армадой
Дальше к северу караван.
С нами — грузов многие тонны,
От муки и до швейной иглы.
Леспромхозы нас ждут и затоны,
Все лесные, медвежьи углы.
Ждут старатели и лесорубы,
Будто праздника — всякий год...
Жирным дымом клубятся трубы,
Продолжается трудный поход.

Ильдус Закиров

СПЛАВЩИКИ

Очерки

СТРЕМИТЕЛЬНЫЕ РАЗЛИВЫ

1

Привольный, почти неохватный глазом разлив талых вешних вод, а на нем, будто отраженные на гигантском зеркале, — тугие вереницы желто-зеленых плотов, дви-

жущиеся белые пятна буксирных теплоходов, островки и полосы затопленных паводком хвойных и лиственных лесов... Такими предстали верховья Камы майским днем, когда мы подлетали на самолете Ан-2 к Гайнам. Уже по этой панораме можно было судить о масштабах и напряженном пульсе развернувшейся здесь сплавной страды.

Наверное, нелишне будет напомнить, что верховья Камы становятся судоходными лишь в короткую пору весеннего паводка, а в остальное время навигации, с возвращением реки в свое исконное русло, здесь могут плыть лишь небольшие моторки да молевая древесина. Понятно, что каждый час из отпущенных природой на стояние здесь высоких судоходных горизонтов бывает в истинном смысле на вес золота для экономики всей области. Да и как иначе, если только по ним, по высоким горизонтам, можно перемещать ценные народнохозяйственные грузы, если каждую весну возникает необходимость доставить за период паводка на Верхнюю Каму, а также на ее притоки Весляну, Косу, Колву более четверти миллионов тонн товаров так называемого северного завоза, а отбуксировать обратным ходом судами в низовья миллионы кубометров древесины?

Потому-то, чтобы успеть управиться со всеми делами вовремя, к верховьям подтягивают внушительные силы — основной состав грузового и буксирного флота Камского речного пароходства (направляют теплоходы даже из Сарапула, Камбарки, Чистополя и прочих портов), а также многие десятки единиц буксирного флота объединенного Волжского речного пароходства, суда Всесоюзного лесопромышленного объединения «Пермлеспром», которые проводят здесь зиму в затонах.

Специалисты подсказывали, что весной горизонты воды в верховьях Камы будут и малы, и более кратковременны. Такие предварительные прогнозы заставили тысячи речников и сплавщиков, что называется, заранее засучить рукава, думать о том, как быстрее провести северный завоз и выводку плотов зимней сплотки.

Делясь впечатлениями о начальном периоде навигации, первый секретарь Гайнского райкома партии Алексей Иванович Татаровский, помнится, заметил:

— В этих краях я работаю много лет, но не припоминаю сезона, чтобы буксирный флот поднялся в верховья в ледовой обстановке. А нынче именно так про-

изошло. Подвижка льда началась в районе Харино и Касимовки в ночь с 29 на 30 апреля, а в Первомайский праздник к вечеру уже пришли буксирные теплоходы: еще через день были выведены с Харинских песков первые плоты. Скажу без преувеличений: за счет расторопности речников и сплавщиков мы верных трое суток отвоевали дополнительно для проплава древесины.

Выигранное время оказалось очень кстати, тем более, что оно подкреплялось оперативными мерами по приему и разгрузке товаров северного завоза для местных предприятий, райпо и орсов, ускорению вывода плотов с плотбищ. Сплавные работы в начальной стадии проходили в очень сложных условиях: далеко не все плоты всплыли на поверхность с наступлением паводка. Немало древесины, особенно летне-осенней сплотки, примерзло на плотбищах. Только по Верхне-Камской сплавной конторе такого леса оказалось чуть ли не 150 тысяч кубометров. Чтобы расшевелить примерзшие плоты, заставить подняться на поверхность, пришлось пустить в ход лебедки с тросами, тракторы, буксирные катера, плавучие краны.

В течение тех же трех выигранных дней сумели переместить с опасных мест на более надежные водосъемные плотбища тринадцать плотов общим объемом 124 тысячи кубометров, да полсотни тысяч кубометров леса отправили транзитом на выход в четырех секционных шлюзуемых секциях. Все это было сделано, повторяю, до полного освобождения верховьев Камы ото льда.

А в последующие дни темпы сплавных работ нарастали и нарастали. К восьмому мая, например, уже было отправлено за пределы Верхней Камы более девяноста плотов объемом шестьсот тысяч кубометров. Обстановка вполне благоприятствовала сплавщикам. Прогнозы синоптиков на малый уровень горизонтов в бассейне Верхней Камы, к счастью, не подтвердились. Вода все прибывала. Тогда же, восьмого мая, рабочие горизонты в районе Гайн, судя по показаниям местного водомерного поста, достигли 448 сантиметров.

Когда мы в тот день зашли на водометном катере на Кебратский сплавной участок — крупнейший в верховьях Камы, в нижней части этого поселка сплавщиков и лесозаготовителей разлились паводковые воды. Они уже захватили кое-какие огороды, подступали к баням, конюшням, домам, подползали все ближе и к од-

ноэтажному зеленому зданию сплаву участка. Но растерянности на лицах местных жителей не было заметно. Шли из магазина с покупками по высоким дощатым мосткам, специально сооруженным, домохозяйки, резвились у дворов ребятишки, совсем неподалеку — из конторских окон хорошо было видно — бригады сплавщиков готовили к отправке очередные плоты с помощью формировочных катеров.

Спокойно выглядел и начальник Кебратского сплавно-го участка Константин Васильевич Кучев — седеющий, кряжистый, в красном пробковом жилете сплавщика и высоких резиновых сапогах болотного типа с уширенными отворотами.

— Не затопит ли поселок? Нет, до этого нынче не дойдет, на убыль скоро пойдет паводок. Вот в предыдущую навигацию, действительно, был потоп так потоп, вода поднялась по самую крышу многих домов. Ведь тогда в самый пик в наших местах горизонты паводка дошли до 622 сантиметров — почти на два метра выше, чем теперь. И то ничего, сдюжили.

— А что же сделали?

— Организовали спасательную бригаду, которая эвакуировала людей, скот, имущество на более возвышенные места. А остальные мужики, как обычно, сплавом занимались. 338 тысяч кубометров леса зимней сплотки отправили тогда из Кебрат. И нынче будет не меньше, а выводу плотов должны закончить быстрее. Меньше чем за неделю почти половину плана сделали, сдали речникам 19 плотов объемом 135 тысяч кубометров. И еще порядочно набралось подготовленных к буксировке плотов.

2

Вместе с Константином Васильевичем идем на катере по плотбищам. Кебратское озеро, Лиманское озеро, Клинкин Арай, что в переводе с коми-пермяцкого означает «заливной луг»... В летнее время здесь на месте всех шести водосъемных плотбищ, оказываются, располагаются небольшие озера и сенокосные луга. А теперь тут все сплошь было залито талыми водами, и плоты покачивались на крутых волнах, вздымаемых формировочными катерами.

— Что, Александр Петрович, все еще не приноро-

вился бегать по бревнам? — весело окликнул Константин Васильевич пожилого дядьку, который осторожно и медленно передвигался с багром по одному из плотов на Лиманском озере.

— Да ведь у меня сплавной стаж пока шибко мал, — отшутился тот.

Оказывается, Александр Петрович Федурин, машинист тепловоза Верхнекамского леспромхоза, вышел на сплав в свой очередной отпуск. Не смог усидеть дома, когда кругом закипела большая страда, заявился в знаменитую на всей Верхней Каме комплексную бригаду Хазбия Левановича Тедеева: «У вас работает звеньевым мой сын Александр, вот к нему и определите меня на время сплава, пока отпуск у меня не кончится».

По тому же плоту, который формировался на Лиманском озере, к нам подошел сам бригадир Тедеев. Ступал по хлыстам уверенно, размашисто, хотя плот и продолжало сильно накренивать на волнах.

Еще по пути сюда, на Лиманское озеро, начальник участка Кучев так рассказывал о Тедееве:

— В эту навигацию бригада его опять отличилась, за пять дней больше ста тысяч кубометров леса в тринадцати плотках отправила. По этому случаю мы свежую «молнию» выпустили и по всему поселку вывесили, может, видели? Хазби, если надо, и ночь не поспит, а дело делает, всю бригаду к этому приучил.

А когда мы ступили на плот, Кучев спросил Тедеева, высокого, с прочным загаром на лице и темными усами:

— Остальной-то народ где у тебя сегодня?

— Одно звено работает на Полоусном, примерно километрах в десяти отсюда, еще одно — на Лугдинской запани, укладывает тросы для задержания молевой древесины... — Темно-карие глаза Тедеева смотрели озабоченно: — Константин Васильевич, подготовили к отправке еще двадцать плотов: пять — на Кебратском озере, семь — на Клинкином Арае, четыре — на Тодье, а еще на Полоусном и здесь. Только вот непорядок — тяги мало, сегодня ни один плотовод еще не заходил.

— Верно, тяги надо бы побольше, — согласно кивнул Кучев. — Я потороплю речников...

...За дни пребывания в верховьях Камы я много хорошего слышал о Хазбие Левановиче Тедееве, и хочется подробнее рассказать об этом человеке.

После службы в армии работал он на заводе ферросплавов у себя на родине, в Грузии. Трудился добросовестно и усердно, но чувствовал: не тут его место, и тосковал в четырех цеховых стенах, душа жаждала простора — чтоб воздух вольный и свежий ветер — в лицо. Видимо, это было в крови у всех Тедеевых, выросших в горной кавказской деревне неподалеку от Цхинвали, а теперь вот разъехавшихся по разным концам страны. Два брата у Хазби служили летчиками. А двоюродный брат, Сослан, сплавливал лес далеко на Урале, на севере Пермской области. Однажды приехал он в отпуск. Встретились братья. Сидели вечером за столом. Сослан, загоревший, посвежевший за отпускные дни, спросил:

— Слушай, брат, ты любишь воду, чтобы она кругом плескалась, журчала и переливалась на солнце?

— Ты это про Черное море? — улыбнулся Хазби. — Да кто же его не любит, особенно из отпускников.

— Нет, это я говорю о Верхней Каме. Представляешь, весной, в пору паводка, когда река выплескивается из берегов, какой там сумасшедший разлив — на многие километры, настоящее море!.. И тут не зевай, по большой воде завози товары и гони плоты строевого леса. Туда, на Волгу, на Астрахань. О, какая работа! Бывает, на часы глянуть некогда, день с ночью, солнце с луной путаются:

Заметив, как жадно слушает его Хазби, Сослан еще больше вошел в азарт:

— Хазби, тебе нравится тайга — пихтачи, ельники, сосняки, брусничные и клюквенные поляны? Ты когда-нибудь ел морошку?

— Все это я только в кино видал.

— Зачем в кино, дорогой! Наяву посмотри. Приезжай ко мне на Урал. Настоящее мужское дело получишь.

К тому времени сам Сослан Ильич успел поработать лет десять мастером Кебратского сплавного участка. Туда он и сманил двоюродного брата.

Приехал Хазби, осмотрелся. И поразился обилию леса — живого, вечнозеленого, простирающегося островными волнами до самого горизонта. И срубленного, лежащего в высоких штабелях на плотбищах. Из добротного смолистого леса был сложен и сам поселок Кебрата, в котором обосновались семьи рабочих. Дома креп-

кие, ядреные, с сараями для живности, дров, с банями и огородами.

Вышел Хазби с первым весенним разливом паводковых вод в верховьях Камы вместе со всеми на сплав — в красном пробковом жилете поверх штормовки, с багром в руке, и работа его захватила, завертела. Работа на свежем речном воздухе, в истинном смысле артельная, под веселые взаимные перепалки формирующих плоты мужиков и капитанов буксирных судов — вот это было по душе!

Ловкостью, физической силой природа его не обделила. Но сплав — это не только способность обрести устойчивость на стремительном течении, не только умение орудовать багром — надо еще знать, как подгонять пучки в секции, утягивать и крепить такелаж, прокладывать лежни, ставить русловые опорные точки и еще многое, многое другое. Тедеев постепенно постигал это.

Только одно смущало его — неприкаянная холостяцкая жизнь. Другие сплавщики, его товарищи, вечерами, в выходные дни по поселку с женами и детьми разгуливали, в кино, в гости семьями шли. А он все в общезжитие топал и на столовских харчах перебивался. Надоело. И решил он круто изменить свою жизнь. Тем более и дивчину подходящую, из местных, он присмотрел — Валентину. Сыграли шумную свадьбу, на которой кавказские осетинские тосты и песни звучали попеременно с коми-пермяцкими.

...С той поры много воды утекло в Каме, многое переменялось на ее берегах, в таежных поселках и человеческих судьбах. Одни поехали, другие — понаехали. Ну, а Хазби Леванович Тедеев крепко укоренился в Кебратах, стал старожилом. Шутка ли — четверть века тут! Трех детей вместе с женой Валентиной Анатольевной здесь вырастили. Куда уйдешь от этой земли, от вечно хлопотливой Камы, несущей без усталости свои воды совсем рядом с поселком? Даже очередные отпуска Хазби Леванович нередко проводит здесь: места ягодные и грибные, богата тайга и дичью, и рыба в верховьях хорошо клюет, да и дел по дому-двору невпроворот.

Понятно, что за четверть-то века Тедеев основательно постиг соленую и непростую сплавную науку. Давно уже других, молодых, учит-наставляет — и как бригадир самой крупной на Верхней Каме комплексной бригады сплавщиков, в которой три десятка рабочих, и как бес-

сменный секретарь первичной партийной организации сплавного участка. Между прочим, в партию Хазби Леванович тоже вступил в Кебратах.

При встрече я спросил Тедеева, на каких работах заняты коммунисты сплавного участка.

— Да, можно сказать, все на сплаве. Вот один из них, звеньевой Саша Федурин, — Тедеев показал на плечистого парня, орудовавшего багром.

Поговорили мы и о делах житейских. Припомнил Хазби, как зимой учился он на курсах шоферов в городе Чусовом — профессия эта любому может пригодиться. Однажды заглянул на местный базар и услышал родной говор. Оказывается, это его окликают, откуда родом, спрашивают: «Вай, вай, да ты же земляк нам. Айда, дорогой, гостем будешь».

— Пошел я к ним на квартиру, — рассказывал Хазби Леванович. — Чачу они на стол выставили, закуски. Но разговора по душам не получилось. Они мне одно твердили, базарной выручкой похвалялись, а я о деле своем толковал, в Кебраты позвал на сплав. Мол, вот это работа так работа, голова у вас посвежеет, тело силой нальется. Расстались, так и не поняв друг друга...

Помолчав немного, Хазби Леванович добавил с плохо скрытой горечью:

— Откуда у них такое понятие — раз ты родом с Кавказа, то обязательно должен стать дельцом? Если бы все по базарной дороге пошли, кто бы у нас в Грузии плавил металл, выращивал хлеб, виноград, чай, строил дома и мостил дороги?

Когда прощались, Тедеев опять напомнил начальнику сплавного участка Кучеву:

— Константин Васильевич, напомните речникам побыстрее: нужна буксирная тяга.

«Нужна буксирная тяга»... эти слова довелось услышать мне потом и от членов бригады Василия Федоровича Дыранова, приехавших на Верхнюю Каму для подготовки плотов с Левшинского сплавного такелажного участка, и от сплавщиков бригады Николая Васильевича Дегтянникова, формировавших пучки на плотбище Полоусное, километрах в двенадцати-пятнадцати от Кебрат.

— Нам надо отправить отсюда за двадцать пять километров до Панинской курьи сорок три тысячи кубометров древесины зимней сплотки в двухшлюзуемых секциях, — рассказывал руководивший работами на Поло-

усном мастер сплава Алексей Евстигнеевич Софронов. — Половину этого количества «Плотовод-611» доставил на место. Но у нас подготовлены к отбуксировке еще два плота, а плотовода сегодня все еще не видно.

3

В Харино, в центральном поселке Верхнекамской сплавной конторы, я разговаривал по поводу буксирной тяги с обосновавшимися здесь представителями Камского речного пароходства — заместителем начальника управления (теперь он начальник пароходства) Борисом Юрьевичем Кузнецовым и старшим диспетчером КРП Николаем Леонидовичем Демидовым.

Кузнецов рассказывал, что на сплавную навигацию в верховья Камы привлекли максимум буксирного флота, каким располагает пароходство, — сорок восемь единиц. Стянули сюда с низовьев даже малые теплоходы, типа РТ, предназначенные для осуществления местных перевозок, которые занялись буксировкой одношлюзуемых секций. Пришли на подмогу и старые колесные пароходы «Герой Кузнецов» и «Вернадский», тоже сгодились. Например, «Вернадский» отбуксировал транзитом до Тюлькино плот объемом в шестнадцать тысяч кубометров.

Чтобы использовать флот рационально, с наибольшей нагрузкой, расставили суда по типам и по так называемым «плечам». На самом верхнем «плече» — Усть-Порыш — Булатовка, работали теплоходы РТ, буксируя по одной шлюзуемой секции, от Булатовки до Панинской курьи вели по две шлюзуемых секции суда типа «Плотовод», а ниже Панинской курьи в Тюлькино и на выход за пределы Верхней Камы буксировали по четыре шлюзуемых секции суда типа «Озерный». Часть флота была занята проводкой плотов через наиболее затрудненные места — перекаты, так называемые «колена»...

— Но буксирной тяги не везде еще хватает, в этом отношении сплавщики правы, — заметил Кузнецов. — Причина же в том, что нам зачастую приходится маневрировать плотоводами, сообразуясь с обстановкой, в зависимости от прогнозов на убытие горизонтов воды на том или ином месте.

— В данный момент для нас наиважным является «плечо» Усть-Порыш — Булатовка, — добавил старший

диспетчер пароходства Демидов, встретивший в Харино уже свою двадцать третью сплавную навигацию. — В Усть-Порыше горизонты всегда начинают убывать раньше, а надо успеть вывести оттуда больше пятидесяти плотов, почти двести тысяч кубометров леса. Вот почему направили туда самое большое количество буксирных судов, конечно, заранее согласовав это с руководителями объединения «Камлесосплав».

Что ж, представители Камского речного пароходства и производственного объединения «Камлесосплав» с самого начала навигации действовали в тесном сотрудничестве, вместе разрабатывая программу на каждые сутки. Вот и в этот раз в восемь вечера в кабинете директора Верхнекамской сплавной конторы состоялось традиционное совместное оперативное совещание под руководством главного инженера «Камлесосплава» Бориса Васильевича Куприна и Бориса Юрьевича Кузнецова.

Заслушали по очереди по селекторной связи доклады руководителей всех сплавных предприятий Верхней Камы о проделанном и о планах на завтрашний день и без промедлений извещали их о том, куда и сколько буксирных судов будет направлено для вывода плотов.

Особенно с большим нетерпением ждали участники оперативки, как мне показалось, вестей из Усть-Порыша, расположенного почти у истоков Камы в соседней Кировской области. И когда оттуда доложили, что за последние сутки отправлено в Булатовку еще восемь плотов, повеселели все.

— Виктор Георгиевич, а сколько плотов заявляете на завтра? — спросил невидимого докладчика по селектору Куприн.

— Тоже восемь, — последовал ответ.

— Ну, если выдержите такие темпы и дальше, через четыре дня все плоты из Порыша будут выведены.

— Мы-то выдержим, лишь бы тягой обеспечили.

— Тяга будет, — вступил в разговор диспетчер Камского пароходства Демидов. — Направляем завтра к вам девять теплоходов. Записывайте, Виктор Георгиевич, когда и какой из них прибудет за плотами...

Разговор по селектору состоялся поздно вечером седьмого мая. А спустя четыре дня из Усть-Порыша были выведены все 56 плотов зимней сплотки. Это дало возможность направить высвободившиеся буксирные теплоходы в Кебраты, Чуртан и в другие горячие сплавные

точки, а часть флота послать на Усть-Язьвинский рейд на Вишере, откуда предстояло вывести по паводку четверть миллиона кубометров древесины зимней сплотки.

БЕРЕГ ЕГО НАДЕЖД

По обеим сторонам подкрановых путей приречного нижнего склада, на зазеленевших откосах, ярко-желто распушились ивы, словно облепленные только что вылупившимися крошечными цыплятами. Дыхание мая прошло всюду, одев в нежную зелень окрестные луга и поля озимой ржи.

Но, казалось, Георгий Павлович Ванюков словно бы не замечал этого, а все смотрел с тревогой в сторону Камы:

— Припоздала нынче весна, припоздала. По всем срокам, надо бы начинать формировку и отправку плотов. Видите, сколько у нас скопилось сортиментных пучков береговой сплотки. А большой воды, способной стронуть лес с места, все нет и нет.

Действительно, на обширном пространстве возле залива высились секции зимней сплотки, общий объем их составлял где-то сто сорок тысяч кубометров. Но на плотбище было совершенно сухо. По Каме даже небольшие катера не ходили из-за мелководья.

Близко за нашими спинами шумела вовсю, пронизывая тишину, полуавтоматическая линия раскряжевки древесины. Плыли и плыли по сортировочному транспортеру, растянувшемуся на четверть километра, ровно распиленные балансы, пиловочник, фанерный и клепочный кряж, резонансная ель, дрова технологические и топливные, другие сортименты. И скатывались по ходу движения в так называемые карманы-накопители, откуда их увозили, увязав в пучки, тракторы со сплочными приспособлениями на раскинувшееся поблизости огромное водосъемное плотбище. Оно уже было заполнено пучками и секциями почти от края до края.

Георгий Павлович Ванюков опять пошел с багром в руке вдоль полуавтоматической линии, подправлял и сталкивал бревна в карманы-накопители. Рабочая обязанность у него — навалыщик древесины, пожалуй, одна из самых ответственных на этом своеобразном лесном конвейере: надо проследить, чтобы не было заторов и путаницы, сортименты ложились в карманы-накопители в точном соответствии с государственными стандартами.

Ну, а как бригадир Ванюков в первую голову должен был позаботиться о непрерывной работе всей многосложной полуавтоматической линии, четком взаимодействии всех обслуживающих ее двенадцати человек — операторов на манипуляторах, подающих хлысты к пилам, операторов-пильщиков, отсекателей, сучкорубов, операторов сортировочного транспортера, навалыщиков леса...

Георгий Ванюков, когда мы разговорились с ним обстоятельнее в обеденный перерыв, по-доброму отозвался о рабочих своей бригады, особенно о молодых операторах-пильщиках Сергее Садилове и Николае Панькове, сучкорубе Зинаиде Крючковой...

— Знаете, что меня больше всего радует, — бригада привыкла подниматься вовремя и заступать всем составом и ночью.

Еще бы! После ночной побудки надо ведь добраться из поселка сплавщиков Драчево на нижний склад. Только на посторонний взгляд может показаться, что они — почти рядом, надо лишь обогнуть лесистый мысок. Если напрямик, действительно, километра три, не более. Но это расстояние лежит по камской воде. Летом на катере, зимой по крепкому льду на автобусе и переправляются напрямик, что занимает всего минут десять. А в остальное время года приходится давать на автобусе по узкой тряской дороге крюк километров в двенадцать.

Ну вот, бригада добралась на место, заступила на вахту, приняв полуавтоматическую линию от сменщиков, что называется, в «теплом» состоянии. А дальше в течение всей смены над головой открытое небо. То повалит густыми хлопьями снег, то брызнет осенний затяжной дождь, да еще с Камы бьет по лицу резкий пронизывающий ветер.

Но Ванюков на эти тяготы не сетовал:

— Конечно, обстановка здесь не та, что в заводском цехе, полуавтоматическую линию при всем желании в глухие стены не всунешь. Зато у нас тоже есть свои преимущества — всегда на свежем воздухе, у солнышка, луны и воды.

Видимо, ему и в самом деле по душе такая обстановка, коли сумел он «сосватать» на нижний склад и своих домашних: жена, Антонида Павловна, тоже навалыщик древесины, только на соседней линии, млад-

ший сын, Александр, трудился в бригаде отца на отсекателе — наваливал лес на сортировочный транспортер. А раз хозяин линии так привязался к нижнему складу, да еще семейственность тут развел, то и остальные рабочие стараются не подводить бригаду: в течение нескольких последних лет в ней не было совершено ни одного прогула.

Правда, говорят, однажды сорвался сучкоруб, работавший в бригаде всего несколько месяцев: к началу третьей, ночной смены его на рабочем месте не оказалось. Сучкорубам Зинаиде Крючковой и Ивану Хамидулину пришлось крепко работать за троих, чтобы на линии не было задержки.

И вот в разгар раскряжевки третий член бригады появился.

— Что случилось? — спросил бригадир.

Тот не очень смутился, руками развел:

— Да с вечера выпил малость и проспал...

Надеялся, видимо: поймут мужики, со всяким такое может случиться. Не поняли, взглянули хмуро, молча и продолжили разделку леса. А после смены тут же, на камском берегу, состоялось бригадное собрание. Разговор был резким. Кое-кто даже промолвил, что в бригаде делать такому нечего. Окончательное суждение высказал бригадир Ванюков: отчислять из бригады не будем, на первый раз и прогула не запишем, но впредь станем спрашивать за малейший проступок по всей строгости. На том и порешили. И с той поры к подобному разговору больше не возвращались.

А себе Георгий Павлович Ванюков давал разве хоть раз поблажки, послабления, несмотря, что пятый десяток разменял, шестерых сыновей и дочерей вырастил, уже внуки есть? В работе он азартен и одержим, заминок на линии не терпит, часто сам берется устранять неполадки. Освоил на полуавтоматической линии все сложные профессии, кроме оператора-пильщика. Возможно, сумел бы при случае заменить и его в дощатой будке за пультом управления, но нельзя: допуска нет, без специальных курсов не дают. И очень жалеет Ванюков, что еще не подучился на таких курсах.

А вообще Георгий Павлович многое может и умеет. Например, срубить своими руками дом — светлый, просторный, с резными наличниками и надворными строениями. Он при нашей встрече так и признался:

— Знаете, мне еще в мальчишестве часто снилось, как я своими руками ставлю новую, крестьянского края, пятистенку. Будто бы сам, без ничьей подмоги, обтесываю топором до стеклянного блеска ядреные сосновые бревна или выделяваю карнизы, узорную резьбу. Батинь занятия, что ли, так здорово действовали...

Отец его, Павел Александрович, слыл в своей деревне Верх-Рождество, раскинувшейся на берегу Камы неподалеку от Частых, толковым председателем — еще до войны и после нее возглавлял он местный колхоз и исполком сельского Совета, и первостатейным плотником, мельником, сапожником — в пошитых им «хромачах» в «гармошку» разгуливали, бывало, самые привередливые сельские щеголи. Любое дело в его руках ладилось, горело, хотя и вернулся Павел Александрович с Великой Отечественной, густо меченный пулевыми и осколочными ранениями.

Он и сына приохотил к плотницкому и сапожному ремеслам. Да так, что Георгий еще до призыва на солдатскую службу мог поставить дом, смастерить обутку действительно свободно и уверенно.

Полюбился Георгию Ванюкову особенно плотницкий топор. И сколько он за свою жизнь срубил домов, отдающих сосновым ароматом, пожалуй, и сам точно не назовет. Плоды его плотницких хлопот — крепкие жилые дома, баня, другие строения, — стоят и радуют глаз и в поселке сплавщиков Драчево: два года там Георгий Павлович командовал строительной бригадой.

Он и теперь, работая на раскряжевке леса на нижнем складе, имеет всегда при себе остро наточенный плотницкий топор: все деревянные части полуавтоматической линии взял под свою опеку. Сам же с удовольствием мастерит всякие деревянные заготовки для той же линии, когда летом останавливают ее на плановый ремонт.

И еще что примечательно в биографии Ванюкова — его почти всю жизнь удерживает возле себя Кама. Расставался с ней разве только на время армейской службы да в пору работы на лесозаготовках на Вишере.

...Наступила-таки на Каме большая сплавная страда. Потянулись в низовья и плоты, сплоченные на берегу Георгием Ванюковым и его товарищами. Ведь к очередной навигации они выдали многие десятки тысяч кубо-

метров сортиментов, предназначенных для многих нужд народного хозяйства, изготовления железнодорожных шпал, фанеры, бумаги и даже музыкальных инструментов.

Александр Бузмаков,

*капитан-наставник
теплохода «Семигорье»*

СРОЧНЫЙ РЕМОНТ

На ремонте хозяин — стармех,
Знает цены простойным убыткам.
Здесь хватает работы на всех,
А в авральные ночи — с избытком.
Мертвой глыбой застыл теплоход.
Давит тело двойная нагрузка,
Но уверены:

дизель пойдет!

Три часа от разборки до пуска.

Свежий ветер

усталость с лица

Снял...

Окончена наша работа.

И на палубе —

то ли роса,

То ли капли матросского пота.

Лишь только осень зашумит в краю,
Со скоростного на транзит,
как к другу,
Спешу, чтоб встретить молодость свою.
И одолеть опять шугу и вьюгу.
Там, где кипит предзимняя волна,
Ревут заряды снежного бурана,
Где не дают за храбрость ордена, —
Я подтверждаю званье капитана.

НАПУТСТВИЕ

Сыну моему Василию, рулевому-мотористу теплохода «Метеор-89», застывшему в июле 1984 года на первую вахту

Речной причал.

Я мокну здесь

Под дождиком косым.

Бурлит вода.

Уходит в рейс,

В свой первый рейс

мой сын.

Не бойся трудностей, родной.

Держи штурвал, сынок.

Пусть будут ласковы с тобой

Ветра больших дорог.

Наследство — дальние края —

Дал сыну своему.

Так будь и ты, река моя,

Не мачехой ему.

Нина Чернец

* * *

Пойду живой землей, где нет асфальта
и берег не обрывист, не высок,
где по песку, по камушкам покатым
шумит волна и ластится у ног.

Сойдут на нет и горечь и усталость.
А вот уже и счастлива, кажись.
Но то, что за спиной моей осталось,
не суета, не маета, а жизнь.

На этой трудно дышащей планете
нужна ли жизнь моя кому, — бог весть,
но хорошо, что есть в ней небо это,
и город мой, и камский берег есть.

В движении облаков и в их свеченьи
проступит суть, проста и глубока,
где каждый миг наполнится значением,
а из мгновений прораствут века.

Величаво плывут теплоходы
По просторам уральской реки.
В рейсы дальние снова уходят
Дорогие мои речники.
И вослед им рябины, печалясь,
По-девчоночьи машут листвою.
Кама бакены в волнах качает,
Таёт город родной за кормой.
И, конечно, взгрустнется немного
От друзей и любимых вдали...
Голубые речные дороги
Сквозь сердца речников пролегли.

Л. Давыдычев

В ЗАТОНЕ

Р а с с к а з

Мутная, с желтоватым оттенком; по характеру еще весенняя, Кама играла нашей лодчонкой, которая вздрагивала, казалось, от движения век.

А в затоне было тихо. Вода здесь неподвижна.

По всему берегу разбросаны невысокие деревянные постройки — мастерские и склады. Тут и там остовы катеров и пароходов, кучи железного хлама, причудливые узоры арматуры.

Печальным памятником своей былой красоте высится громада знаменитой «Жемчужины». Скоро даже речники забудут, что ходило когда-то по Каме несколько диковинных пароходов, у которых колеса были сзади. «Жемчужина» — последний из них. Отплавалась. Она поконтя на берегу — без колес, без трубы; обшивка местами сорвана, виден ржавый скелет.

— Рухлядь, — небрежно бросает Пашка, десятилетний сын капитана буксира «Генерал Карбышев».

Над высоким, кручей поднявшимся от воды берегом, за кромкой соснового бора ползут темно-сизые тучи с белыми полосами — предвестниками града.

С каждой минутой холодеет. Ветер бежит по-над водой. Начинает темнеть, хотя за тучами небо голубо.

Вдруг ветер спал, будто мгновенно спрятался в реку, зарябил ее. А по воде сверху ударил другой ветер — плотный и тяжелый.

Мы причалили.

— Пошли таиться, — сказал Пашка и заскакал по бревнам к берегу. Прыгал он, как кузнечик, — высоко, с места, без разбега. Я, поскользываясь, торопился за ним. Со всех сторон одновременно — ударил гром, со всех сторон сверкнули молнии. В спину нас толкнул ветер.

Мы подбежали к дощатому домику. Не успел я прикрыть за собой дверь, как она сама ударила меня по пяткам. Глухо звякнули стекла.

В небольшой, конторского типа комнатке с продолговатым решетчатым окном было полутемно.

Дождь хлестал вместе с градом.

— В двадцать седьмом мужик мой утонул, — услышал я глубокий певучий голос, — вот до чего дурной человек был, несознательный. Даже и помереть-то нормально не мог, а утонул.

Вглядевшись, я увидел высокую могучую старуху. Она стояла у окна, сложив руки на груди.

К ней подскочил старик в мешковатой брезентовой тужурке, возмущенно проговорил:

— Знаем, знаем! Зазнобила ты его.. Э-эх! Так что не притворяйся.

— Понятно, зазнобила, — равнодушно согласилась старуха, — было дело. Но мужик он шибко дурной был. Не лучше тебя. Такой же...

— Ты, Карповна, ровно судья-прокурор! — старик топнул. — Чего всех учишь? А сама? Жизнь у тебя перевернутая, неладная...

— Хватит, Вавилыч, достаточно, — остановил его неслышно подошедший мужчина в клетчатой рубашке.

— Тебя, Суслов, не спрашивают! — крикнул старик. — У нас с ней давнишнее. Должон я ее переспорить!

Гром со звоном и скрежетом прокатился по крыше. Вслед на нее обрушился новый порыв ветра, град, ливень. Послышался сухой треск. Вспыхнул сноп искр.

— Работы-то алектрикам. — Карповна вздохнула. — Сколь проводов-то пооборвет... Позапрошлый год меня в грозу столбом чуть не изувечило.

— Это судьба тебя наказывает, — сквозь зубы процедил Вавилыч. — Больно умной себя показываешь.

Пашка потянул меня за рукав, шепнул:

— Они всегда так.

Большая кепка то и дело закрывала ему лоб, он отбрасывал ее на затылок привычным ударом указательного пальца по козырьку.

В углу сидел парень, одетый в тельняшку с отрезанными выше локтей рукавами. Глаза его настороженно блестели.

— Простое лето я к сыну ездил, — с гордостью начал рассказывать Вавилыч. — В Кунгур. Встретили меня... э-эх! Костюм подарили, портсигар с узором. Валенки чесаные. А у тебя...

Суслов позвал:

— Подь сюда, Вавилыч.

— А чего это я к тебе пойду? — моментально расвирепел старик. — Подь сюда! Подь сюда! — передразнил он и тут же подошел. — Чего надо?

Что ему говорил Суслов, я не слышал.

— В кино я вчера была, — тихо сказала Карповна, — и уж поплакала вдоволь, досыта. Уж такую душевную картину показывали... И одного я не поняла: за что же паренька-то хорошего идиотом прозвали?

Вырвавшись из рук Суслова, Вавилыч подскочил к ней и торопливо выкрикнул:

— И не поймешь!

Парень в тельняшке рывком встал, подошел к старику и, размахивая руками, замычал.

— Глухонемой, — шепнул мне Пашка.

Старуха сказала парню, старательно выговаривая каждое слово:

— Сиди, Витюша, сиди.

Погрозив Вавилычу кулаком, Витюша ушел на свое место.

Карповна спросила:

— Кипяточку, люди добрые, не желаете?

И хотя все промолчали, она вытащила из печки огромный закопченный чайник, достала с полки посуду, консервную банку с мелко наколотым сахаром.

Вавилыч рассказывал мне на ухо:

— Мужик-от ее, Евдоким, к Катьке Сухоруковой ходил. И родила она ему этого вот Витюшку. Э-эх, пересудов-то, перетолков-то было! — восхищенно воскликнул он. — А, верь не верь, Евдоким выпьет пол-литра для согрева и в конце мая Каму за милую душу переплывал. Бултых и — айда!.. Ну, единова бултых да и не выплыл. Поймали его через три дни. А Катька, Сухорукова-то, она, по-нынешнему если, стилига была. Фуры-муры. Она и орать: обманул, дескать, меня Евдоким! Сам потонул, а мне, молодой, интересной, с Витюшкой мучаться!.. Тогда Карповна Витюшку к себе затребовала, сказала: «Мой грех, мне и ответ держать». Люди и спрашивали: «Какой же это твой грех? С какой стороны, в каком месте?» А Карповна: «Муж-то мой был. Он ребеночка произвел. Вот я за него и доложна отвечать. За все его мероприятия». Любила она его, — удивленно шептал Вавилыч, — непонятно любила!

— Все выболтал? — не глядя на него, спросила Карповна спокойно. — Теперь про себя расскажи, клоун.

— А что? — боязливо и вместе с тем вызывающе вскрикнул старик. — Что? Дело предлагал. Послушалась бы тогда меня, жила бы сейчас, как люди живут.

— Живу я хорошо, — убежденно проговорила Карповна, — вроде бы отдыхаю. Сторожиха — какая это работа? Да и сна у меня все одно нету... А звал он меня тогда, — Карповна грустно усмехнулась, — бежать с ним в Сарапул... Пейте, люди добрые. За угощение извиняйте: чем богаты... Все горе, како мне выпало, сама несла. Никого своим горем не задела.

— Вот и нету у тебя счастья! — голос Вавилыча жалобно дрогнул. — Нету ведь!

За окном полыхнуло. В бледном свете молнии я увидел лицо Карповны. Крупное, с большим, не тронутым морщинами лбом, оно излучало ласковость и в то же время дышало суровостью.

— Ох грозы, грозы... — выдохнула она. — Сколь я их насмотрелась и уж не боюсь... Как у вас дома, Пашок?

— По-старому, — ответил Пашка.

— Живут, хлеб жуют, — насмешливо добавил Вавилыч. — Капитанское дело известное. Недовыполнили — выпить надо, выполнили — полагается выпить, перевыполнили — грех не выпить. Зимой пьют, чтоб не рассохнуться.

— А ты капитаном не был, так не знаешь, — равнодушно сказал Пашка. — Они, может, сейчас у моста с плотом воюют. Ты хоть раз плот через мост в грозу протаскивал?

— Отец у тебя, Пашок, сознательный человек, — задумчиво произнесла Карповна. — А насчет выпить... я тут с ним толковала, когда он в затоне ремонтировался... Нога у Танюшки больше не болит?

— Вылечили, — Пашка улыбнулся, — вчера к промагу одна убежала.

— Детей производить еще не разучились, — озабоченно проговорил Вавилыч, — а вот воспитывать... это вопрос ребром. Уж такие фрукты растут! Парни еще ничего, а девки... — он громко сплюнул. — И не смотрел бы. Прости меня грешного, всяко место наружу...

— А тебе что? — перебила Карповна. — Всем-то ты недоволен, хоть и портсигар имеешь с узорами. У меня вот нету портсигара, а... — Она улыбнулась почти виновато. — И на молодых я не сержусь. У них свои заботы... Бабья доля несладкая, вдовья доля невеселая, старушья доля несветлая, а жить можно. И надо. Иной раз, правда, тянет богу помолиться, да не верю я богу-то.

— Ой, врешь! — пронзительно крикнул Вавилыч. — В ту субботу тебя в церкви видели!

— Была, была по старой памяти. И свечку купила. Да никому не поставила. Никому. Смотрю на икону и вижу: человек. А его, вишь, святым сделали, — словно сама удивляясь своим мыслям, говорила Карповна. — Был, значит, человек, мучился, работал, выпивал, может, а тут — икона, свечки... Я так считаю, — громко продолжала она, — если за муки и праведность к лику святых причислять, то много нас, святых, по земле еще ходит. Вот и не верю я господу.

Гром бухнул у самой стены. Вавилыч мелко перекрестился.

Карповна рассмеялась.

— И ты ведь, старый, не веришь. А деньги на свечки держишь. Ну, убежала бы я с тобой тогда в Сарапул. А Дарья твоя? Она бы мучилась. Так уж лучше я... Не подогреть чайничек?

Витюшка напильником точил лопату, изредка взглядывая на Вавилыча, толстенное лицо которого светлым пятном выделялось на темном фоне стены. Суслов смотрел в окно. Карповна мыла посуду.

— Да-а, — многозначительно протянул Вавилыч, — дела как сажа бела...

Сулов резко обернулся, и сквозь шум затихающей грозы Вавилыч визгливым голосом крикнул:

— Чужой-то радостью сыт не будешь!

Никто ему не ответил.

За окном внезапно стихло.

— Всегда вот так, — удивленно сказала Карповна, — пройдет и будто не было... Айда порядок наводить.

Мы вышли на крыльцо. Воздух был пронзительно свеж. Под жаркими лучами солнца земля сверкала яркими красками. Омытые бревна лоснились. Пели невидимые птицы.

Со стороны Камы долетел пароходный гудок.

— По-ря-док, — старательно шевеля губами, выговорил Витюша.

1959

НИКИФОРОВ

Рассказ

— Десять лет уплыло, как Даша померла. Хорошая баба была, а померла. Бросила, значит, меня одного. Скучища без нее, ровно и не к чему жить-то...

Поперек Камы шевелится лунная дорожка, и кажется, что светло именно от нее, а не от луны. Сюда, на высокий, крутой берег, ползет прохлада, густая и влажная.

Старик негромким простуженным голосом говорит:

— Я без реки жить не могу. Трудно дышу без реки-то. Только на берегу и отхожу, вроде бы лекарство какое принимаю... Даша, еще когда живая была, все окунем меня дразнила. Смолоду она красивая была, сильнющая. Купаться, помню, на косу поедем, разденется она у воды, а у меня от красоты ее ноги отнимаются. Хоть бы всю жизнь смотрел... Никифоров тут был один. Еще раньше меня к ней сватался. И всю-то жизнь он про Дашу думал. Как на своем «Ретвизане» мимо идет, вот тут, так гудит, приветы ей, значит, посылает.

Внизу на тропинке слышались голоса и смех. Старик замолчал. Цигарка вспыхивала ярким синеватым пламеньком. Голоса растаяли в темноте, старик продолжал неторопливо:

— Потом старость приковыляла. А мы еще лучше жили. Ночью, если сон страшный увижу, рукой пошевелю — жена рядом, и успокоюся... Денег у нас сроду не было. На что они? Даша хорошая больно была. Только Никифоров этот среди ночи иной раз как вскрикнет... А гудок у «Ретвизана» жалобный был, будто человеческий... Во-о-от... Десять лет я без Даши вытерпел, с каждым годом все больше об ней думаю... Померла, а я больной сделался. Каждая косточка у меня болит, каждый позвонок. Весь я больной сверху донизу. Раньше, бывало, занеможу, Даша меня в баньку да веничком исхлещет, — и нету хворости...

— А где сейчас Никифоров? — спрашиваю я, но старик, видимо, не слышит, и продолжает:

— Годов восемь назад сообразил я жениться. Ага. С горя, значит. Ведь встанешь утром — один, днем — обратно один, ночью — тоже... И нашел я себе тут на рейде молодуху. Толстую, веселую. Иду как-то вот здесь по берегу, а мимо «Ретвизан» плот тащит и... ага, гудит. Стыд меня заел... вот как голодный косточку обглаживает, так меня стыд... На пенсию Никифоров ушел и тоже помер. Недавно. Теперь сын у него по Каме плавает... Сегодня капитаном в первый рейс идет. На «Ретвизане», на новом...

Кругом тишина. Но чем больше я вслушиваюсь, тем сильнее убеждаюсь в ее обманчивости. Со всех сторон доносятся звуки и шорохи, и даже сама река не безмолвна, она словно дышит.

Старик молчит, и, чтобы продолжить разговор, я спрашиваю:

— А как здоровье у вас? Сердце?

— А ну его, сердце-то. Дурака валяет. То скачет, то останавливается. К врачам меня направляли, анализы со мной делали. Стыдно сказать, чего я только в больницу-то не носил, чепуху разную в баночках да бутылочках... Тьфу! Лекарства потом всякие пил. На что?

— Детей у вас не было?

— Трех войне скормили.

Через лунную дорожку прошел катерок, и часть ее некоторое время тянулась за ним.

— Шу-умная река стала, — говорит старик. — Ране-то, бывало, в дальние-то годы, в день один-два парохода прошлепает, а ныне... и теплоходы тебе, и паротеплоходы, и вообще всякие... Многие ночи у меня без сна.

На берегу сижу. А дома если, от каждого гудочка-свисточка просыпаюсь... Все мне охота «Ретвизан» послушать... А Никифоров-то он тоже плотоводом был... Считай, полжизни у меня под ногами палуба, и на земле-то я вроде бы в гостях...

Видно, что от реки начинает отделяться туман. Тает луна. Исчезает дорожка. Мы долго сидим молча. Я не жалею, что опоздал на трамвайчик и вынужден коротать ночь на берегу.

Река дымится.

— Вот так, значит, — задумчиво произносит старик, — тяжело на реке работать, тревожно... — Он снимает выгоревшую капитанскую фуражку, рукавом проводит по лысине. — Не идет что-то Никифоровский сынок... Нет, вон показался.

Старик резко поднимается, суетливо надевает фуражку.

Сверху — расплывчатым пятном с сигнальными огоньками — приближается буксир.

— «Ретвизан»... «Ретвизан»... — шепчет старик, будто зовет.

Все яснее проступают очертания широкобokoго судна. Оно дышит трудно, шумно.

Буксир напротив нас. Канат, соединяющий судно с длинным плотом, не виден, но даже отсюда, издали, я чувствую, что он есть.

Мне кажется, что я слышу, как он звенит от напряжения.

Лицо у старика растерянное, он пытается улыбнуться, шарит сзади руками, как делают, когда нащупывают стул.

И когда старик опустил на скамейку, мощный крик гудка ворвался в утреннюю тишину и, радостный, густой, стал подниматься все выше и выше...

*Владимир Белов,
капитан теплохода «Курган»*

ТУМАН

Плеск воды о берег плоский,
Где рыбацкий стан,
И дымок от папироски...
Впереди — туман.
Поворот крутой. Там — скалы,
Вспенена река.
Держит солнышко штурвала
Крепкая рука.
Малый ход!..

Гудки.

Локатор.

Мрачен капитан:
Пережат за пережатом,
Без конца — туман.
Километр за километром —
Будто сквозь обман...
Флаг, повиснувший без ветра,
Виден сквозь туман.

ЗИМА В ЗАТОНЕ

Не слышно радостных гудков
Над заколдованной рекою.
Иллюминаторы судов
На белый свет глядят с тоскою.
Вот пассажирский — летний франт,
На птицу гордую похожий, —
Зимой расслабил струны вант
И от мороза плечи съежил.
Сосульки на ветру звенят...
Уж эти зимние квартиры!
Плывут в снегах бескрайних в ряд
Трудолюбивые буксиры.

БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ

Зарисовки

ГДЕ ЗИМУЮТ ПАРОХОДЫ

Камское водохранилище покрыто льдом, оно кажется широким, а берега, отороченные темным лесом, приземистыми. Далеко за ровной ледяной гладью виднеется заозерский берег. Под ним — стоянка судов. Она скорее угадывается: издали суда сливаются в темную полосу, и, на мой взгляд, стоянка укладывается в два-три карандашных штриха. Но это издали, а вблизи открывается большая панорама Заозерского затона.

В Заозерье зимуют суда-работяги. Это самоходки, буксиры-толкачи, катера... Зимовка организована по строго заведенному порядку, речники говорят: «Суда разведены по типам». Маленькие катера-«жучки» рядом с самоходками — будто стайка мелких рыбешек. Их прикрывают большие суда. Зимовье выбирается так, чтобы его не забивало льдом, чтобы осенью и весной не раскачивало суда волнами... Сейчас водохранилище мертво, суда стоят себе в строгом рядочке, как самолеты на стоянке.

С высокой крыши ремонтных мастерских сыплет дружная капель, выбивая в снегу канавку в виде сот. В перезвон капли влетается шелест сварки, далеко разносится железное эхо — суда ремонтируются. Над слипом кран вычерчивает стрелой размашистые полукружья и круги.

Солнечные лучи прошивают домик-караванку насквозь, в окна я разглядел хозяев зимовки и толкнул дверь.

— О-о-о! Мы, кажется, знакомы! — протянул руку караванный капитан. И начал распалтаться. — Хозяйство большое, сам посуди, ведь чтобы околоть лед вокруг всех судов, надо обработать десятки километров.

— Но как бы то ни было, — сказал я, — зима прошла!

— Не повезло в этом году... Снегом задавило! Небывалое количество осадков. Небывалое! Сам посуди, до десятка раз откапывали суда. С одной стороны отбрасываем снег, а с другой снова заносит.

Пожарник раскурил папиросу, поправил топор на пояс и тоже подтвердил:

— Я не успевал тропы прогребать...

На схеме полная картина зимовки. Караванный капитан не глядя тычет пальцем в схему, палец останавливается то на одной барже, то на другой, которые первыми откроют навигацию...

Я тороплюсь к судам.

— Что ж, можно и на стоянку, — караванный капитан берет трубку: — Барышня, обходного дай! Але! Обходной, такое дело, — посмотрел на меня, — словом, здесь человек, эскизы снимать будет, проводи его на караван...

Я бегу на стоянку судов под берегом, а мне кричат вслед:

— Осторожно! Ходить разрешается только по тропинкам!

Тропинки, прокопанные в глубоком снегу, лежат наверху — снег подтаял и осел. По всему водохранилищу темные пятна: рядом с тропками отпечатались глубокие следы, залитые водой, — это кто-то оступался.

Я ищу самоходку «Кисловодск». В южном рукаве затона караван стоит так, будто находится в ледовом плавании. Впереди буксир, за ним гордо вздыбилась самоходка «Северокамск», следом два буксира — «Генерал Панфилов» и «Генерал Ватутин», а рядом катерок по кличке «Спутник». Он и в самом деле будто строился к каравану.

Молчаливо смотрят якорными глазницами суда. Я долго иду мимо самоходки, как вдоль четырехподъездного дома. Действительно, околоть лед вокруг нее — будет километр, а их здесь! Гулко раздаются удары молота, корпус звенит, как железная бочка. Ледокол «Кама» басит, он уже сделал пробный разворот, вспорол ледяной панцирь, испытал крепость льда. Скоро начнет колоть дорогу в Левшинский затон и в верховья Камы.

По-весеннему горланят вороны, а кому-то не хватило недельки две зимней погоды. Но весна не бывает без заморозков; и не бывает, видимо, случая, чтобы она не застала кого-то врасплох.

Там, где зимуют теплоходы, — трудовая вахта речников.

ОТКРЫВАЮЩИЕ НАВИГАЦИЮ

Напротив причала — баржи, буксиры, теплоходы во льду — караван на зимовке, а я испытываю странное чувство: первый пассажир пристани Левшино. Скамьи, на которых всегда бывает людно, еще не вытаяли и едва выставляются зелеными лемехами спинок из снега. Перезимовавшие киоски сквозят холодной пустотой. Речной флот еще не пробудился, а я все-таки в ожидании теплохода стою с багажом, укрывшись под навесом от мокрогогодоья.

«Билет» у меня уже есть: творческая командировка на ледокол «Кама». Мне его видно, он идет от Заозерья, но вот уже часа три жду, а ледокол будто все время на одном месте. Суматошно кричат грачи, плюхают капли — снег взялся водой.

Прибыл капитан-наставник, и пассажиров стало двое. Разведав лед, он предложил идти, и мы, словно творя чудо, отправляемся от пристани по набрякшей, белесой глади к судну, показавшемуся на рейде. Идем друг за другом, печатая след в след и для страховки с палками. Дежурный, провожая нас, сказал: «Сильно упирается». «Упирается ледокол, штурмуя зимнее водохранилище, или не поддается лед?» — подумал я. Наконец мы поднялись на палубу по железной лесенке, учтиво спущенной первым штурманом. С капитаном Николаем Александровичем Меньшаковым я встретился, как с давним знакомым, проходил с ним по Волго-Балту на самоходке «Кисловодск».

Тогда, встретив меня с планшетом и рюкзаком, он принял за радиста, которого ждали на борт. Но, разобравшись, сказал: «Что ж, ладно и художник, чем совсем никого».

На службе в речном флоте Николай Александрович десятки лет. В послужном списке разные пароходы: «Тургояк», «Чердынец», «Василек»...

Капитан поздоровался, отвел нам каюты и вместо того, чтобы сказать, живите, мол, работайте, сказал мне, указывая на койку: «Можете отдыхать».

Пока я доставал альбом и готовил рисовальные принадлежности, ледокол будто взбесился: загромыхал и вздыбился.

— Началось! — заторопился я на палубу.

В рубке дают команду: переводят ручки телеграфа

от полного вперед на средний, малый, стоп — и полный назад. Кормой крошат лёд, винты перемалывают воду под днищем, а когда снова полный вперед, — отбрасывают воду, и судно устремляется на таран. От сотрясающего удара нос задирается вверх, но лёд не продавливается, и ледокол, как впаянный, застревает.

— Качнем! — говорит штурвальный. Судно медленно кренится на один бок и, подламывая лёд, высвобождается из плена.

Кто-то показался на льду с чемоданом. В рубке не удивились: будто бы так и надо — шел свой. Пока ледокол пятился назад, чтобы разбежаться, парень сел на чемодан и ждал. Потом поднялся в рубку, предъявил капитану направление. И рулевой-моторист Вячеслав Кухаркин зачислен в команду, правда, здесь он не новичок.

Николай Александрович Меньшаков знакомил меня с рулевыми-мотористами: Павел, Олег, Александр, Василий, механик Новиков, радистки Дуся и Оля. Познакомив с кочегаром, вспомнил ходивший на дровах пароход «Василек», чурки в топку забрасывали в три ряда, сгорали — успевай подбрасывать. Теперь дело другое: топливо жидкое, автоматика. И все же в машинном отделении нелегко: жара, дизеля колотятся и грохочут так, что без глушителей-наушников не обойдешься.

На обложке вахтенного журнала значится: «Начат 30 марта...» Чусовское устье заковано льдом в монолит с Камским водохранилищем и «упирается», не пускает. Долго бились на подходе к мосту. Когда стали различаться заклепки на стальных фермах, раскатилось басовитое эхо: «Приветствие железнодорожникам!»

Радиосвязь цепкими нитями тянется из пароходства, из Левшино, из Заозерья. «Ледокол «Кама» на приеме! Колем... В два раза толще прошлогоднего...» — отвечает капитан.

За ледоколом образуется широкий канал, забитый торосами, крошевом и глыбами. Иные льдины перевернулись и блестят на солнце отшлифованной подкладкой. В погреб, в яму бы ее — на два лета хватит. Капитан раскрывает лоцию, и на распахе в красивых голубых извилах река. Прикинул раздумчиво и сказал:

— Три, четыре километра за сутки. В прошлом году бежали по двадцать. Наморозило нынче... трудный лёд! Ледокол загрохотал, затрясся и полез, задирая нос.

— Ну-ну! Дави на штурвал, помогай, — шутят в рубке. — Только смотри не замни рыбаков, — они виднелись на весеннем льду.

Я услышал тоненький птичий голосок и стал смотреть, искать пичугу в небе, а она на антенне. Беспокойно посвистывая, будто бы спрашивала: «Откуда взялась эта громахающая железная гора?» И завилась вдруг так высоко, что казалась черной мошкой, летящей к берегу.

В утреннем заморозке резко лопался и постреливал лед под напором стального корпуса. Выдавливалась подледная вода и чернильно разливалась, обозначая трещины. По этим трещинам в следующий приступ разламывался неподатливый ледяной панцирь.

Медленно продвигалось судно, да что для команды скорости нашего века: надо взламывать лед, проводить караваны судов весной, летом сопровождать плоты. У ледокола «Кама» — полугодовая вахта.

РЕЧНИКИ ЖИВУТ У МОРЯ

Село Слудка стоит на берегу водохранилища. Волны захлестывают слудский мыс, обваливая пласты красной глины. Камское море не щадит берегов, как говорят, они должны сработаться.

Из-под крутого берега не видно села. К домикам ведет лесенка, откуда открывается безбрежье Камского моря.

— Вон как теперь у нас, а всего-то была здесь Кама, между горным и луговым берегом, шестьдесят метров, да кривуля в двести метров, тут уж плот пропустить — приходилось бакены оттаскивать. Раза четыре-пять оттащишь днем, да ночью два-три плота пройдет, оно и выходит: круглые сутки на веслах.

Александр Сергеевич Серебренников почти три десятка лет служил бакенщиком.

— В войну отвлекался с Камы, а в сорок третьем, когда «выправляли» Орловско-Курскую дугу, ранило, вернулся домой.

Еще раны не зажили, а Александр Сергеевич взялся за весла.

— Мужиков не хватало, — говорит он, — а бакенить — дело не женское. Волна, ветер, лодку так и хропает, но сигналы-то надо жечь!

Он вынес из-под навеса два проржавевших фонаря:
— Вот какие керосинки были, сохранил на память...

Слудка — село потомственных речников. Что ни дом, на какой бы мы ни обратили внимание, — дом речника, дом лоцмана, дом капитана. Я знакомился с Чудиновым, Демидовым, Нечаевым, Холкиным — ветеранами, прослужившими на Каме по сорок и пятьдесят лет.

Самому старшему из них, лоцману Падучеву Ивану Никифоровичу, было 92 года. Он помнил и перечислил скороговоркой все пристани на Каме и Волге сверху вниз и снизу вверх.

Речники-ветераны — с удивительно схожей судьбой: в 12—14 лет — матрос у пароходчика Любимова, у Мешкова, затем помощатель, штурвальный... Долгий и нелегкий трудовой путь от матроса до капитана. Иногда жизнь нарушала его: А. И. Ушаков в четырнадцатом году стал солдатом. После Октябрьской революции вернулся на Каму. А И. П. Сибиряков бился на фронтах гражданской войны — матрос бронefлотилии на Каме, в дивизии Азина...

Ожили в рассказах бывалых речников названия старых судов: «Пчела», «Забияка», «Медведь», «Аника», «Работник»... и новых: «Радищев», «Карл Маркс», «Белинский», «Тургояк»...

— Штурвалили вручную, — неторопливо рассказывал Александр Иванович Спешилов, разливая чай, — вчетвером держали курс: лоцман, штурвальный, старший помощатель и младший.

В раскрытое окно залетали пчелы.

— Чувствительная скотинка, но они у меня смиренные, не жалят... — замечает Спешилов и продолжает рассказывать: — Было раньше ведь так: отвалился с курса на десяток метров — и сел на мель. А теперь воды-то!

Другой ветеран А. Н. Чудинов вспоминает:

— Пароходов перебрал за службу! И плесы от Усоля до устья Камы знал назубок...

Жена Евдокия Федоровна сидит тут же, скрестив руки. Но она не слушает, а только присутствует при разговоре и думы ее где-то не здесь, далеко. У многодетных жен речников была трудная жизнь. В самую хозяйственную пору — летом — жены оставались с ребятами мал мала меньше: и сеяли, и косили, дрова готовили.

— Природа была у нас большая, десять детей да свекор, — говорит Евдокия Федоровна.

«Природа у нас большая», — это значит большая семья, родня, большой род, природа — это ее дети, это жизнь вокруг нас.

Тихо на улочках Слудки. Под высоким берегом, осаживаясь на полном ходу, пристают «ракеты». Деловито идут мимо буксиры, самоходки, плотоводы и свободно расходятся на просторе Камского моря.

Старых речников по-прежнему будят гудки пароходов.

БЫЛЬЕМ НЕ ПОРОСЛО

Пожвинский завод стоял на зеленом лугу, по которому вилась речка Пожвинка и впадала в Каму. Теперь по лугам разлилось водохранилище, речка и завод, можно сказать, утонули. Лишь кое-где из воды торчат сваи, балки — следы от старого завода. По ним угадываются стены и контуры цехов.

Старый Пожвинский завод основан Строгановым, затем принадлежал Всеволожским и занимал видное место как один из крупных на Урале и в России. Строили первые пароходы, о чем Всеволожский писал 23 мая 1816 года в Петербург:

«Бот мой совсем почти готов, и я начинаю устанавливать паровую машину на 24 лошади новой конструкции сделанную».

В команду по обслуживанию машин брали заводских слесарей, а лоцманами ходили уроженцы Орла-городка и деревни Городище. Невиданные суда с «огнедышащими машинами» вызывали изумление у жителей прибрежных сел на Каме и Волге...

Особое впечатление производила кузница завода. Литые чугунные колонны, кованные балки, на них опирался низкий сводчатый потолок. Под сводами и в проемах окон — кованные железные тяги. В простенках — горны, облицованные чугунными плитками с орнаментом. Наковальни. Кузница была огней на пятьдесят. Металлический гул набатом раздавался под низкими сводами и пробивался сквозь каменные стены.

От старого завода, занимавшего пять гектаров, остался один корпус — бывшая домна. Да рабочие сами ре-

шили оставить кирпичную трубу. Она стоит в воде, будто маяк. В корпусе бывшей домны теперь Дом культуры. При нем небольшой музей по истории завода и поселка. Из окна виден новый Пожвинский завод и Камское море. На безбрежном просторе ослепительные солнечные блики. Идут пароходы, мчится и, кажется, плавится в лучах быстроходный «Метеор»...

В ГУЛЕ МЕТАЛЛА

Под железным днищем нефтерудовоза десяток тележек, будто он готовится выйти из ворот Пермского судостроительного завода «Кама» на колесном ходу. А стройные буксиры-толкачи, кажется, вот-вот сорвутся со ступеней и умчатся навстречу облакам, как под парусами. Но камские судостроители опутывают стальные корпуса судов на стапелях шлангами, электрокабелями, принимают детали, сваривают, клепают.

Начинают строить судно с раскройке стальных листов, поставляемых Магниткой. Затем в цехах сваривают блоки и подают на сборку. Там их прочно сшивают сварочным аппаратом. Когда я взобрался наверх, сварщик грузно потопал ногой и сказал для пущей важности или уточняя: «Будет палуба». И потопал еще раз, шаря по карманам, — минутный перекур. Все в бригаде считаются универсалами — газорезчик, сварщик, стропальщик и еще бог весть кто в одном лице. Работают и женщины, например, Любовь Васильевна Снегирева около двадцати лет трудилась в одном цехе. Я увидел ее без каски, в платке, и в разговоре показал на плакат, гласивший: «Чтоб работать без оглядки, не снимай защитной каски». Она славно так смутилась и сказала, что каска мешает сварочному щитку.

Меряю шагами палубу длинной-предлинной самоходки. Она в швах, с осыпями и в обрезках металла. Шаги гулко отдаются в чувствительном корпусе. Из рубки, куда я поднялся как бы еще на целый этаж выше, хорошо было видно Каму, затон, опустевший после зимы. Там сновали рабочие катера. И оглядывая, измеряя глазом самоходку от рубки до носа, не верилось, что она уместится в затоне и даже в Каме. Подумалось: «Батюшки, как же управлять-то этакой машиной!»

В пустой, неуютно-железной рубке как-то холодно, еще нет теплящего ее дерева, пластика, ни свежести покраски, ни механизмов управления, ни приборов — хозяйничают пока корпусники. Опускается какая-то деталь, крановщик делает это умело и осторожно. Однако железный корпус загудел. Так и слышатся в гуле металла гудки теплоходов, они сходят со стапелей судозавода «Кама» в Нижней Курье.

К ИСТОКУ

Извечная труженица Кама... Живя на берегах ее, как-то не задумываешься, начинается ли Кама в лесных делях, в овраге, болоте...

Собираясь к истоку, мы решили избрать прикамский маршрут через Верещагино и село Сепыч, а не из Удмуртии, от станции Кез, как более короткий. Чем длиннее дорога, тем больше впечатлений. Хотя со станции Верещагино в Сепыч добираться сложно: не размоют ли дожди дорогу, будет ли автобус... Тем не менее мы добрались на попутных.

От Сепыча до Соколово и водораздела мы подъехали в компании с косцами. Дальше пошли пешком, поднялись в гору, где вскоре завиднелся знак удмуртских земель. Белые копешки облаков словно отражались на полях и лугах — повсюду заготовливали сено. Россыпью белели ромашки, степенно парил ястреб, изредка взвивались жаворонки.

Миновали большое село Кулиги, правее — Карпушата. Деревенские женщины указали направление к истоку, по улице Камской. Мы спустились по тропинке в прохладную кущу деревьев, под нависшие ветви старой березы над колодезным домиком. Ступенью ниже била родниковая струя. Всех вдруг одолела томительная жажда — напиться. Из рюкзаков появились кружки. Разгоряченные, мы хватили с жадностью лишь по глотку, точно обжегшись настуженной в земле первоисточной водицей. Тут же, присев с обоих берегов к ручейку, умылись. После чего, придя в себя, наконец-то порадовались: «Мы у истока!» А ручеек, все убыстряясь и раздвигая травы, начинал реку Каму. Ее мы легко перешагивали, фотографировались, уместившись в одном кадре с той и другой стороны реки.

Вокруг — первозданное разнотравье. Необычность ли места порождает бережливое отношение, или чья-то в этом забота — есть хозяйский глаз. Собственно, так и должно быть: всякий уголок природы — святость. Хотя старая береза в глубоких шрамах, но раны ее залатаны — березу пытаются сохранить. Она многие годы преданно сторожит источник.

Большая бабочка из семейства многоцветниц сидела на сыром песчаном берегу у полуметровой Камы. Взлетая, она толклась возле нас. Один из нас с вытянутой рукой, готовый служить бабочке, приговаривал: «Ну садись же, садись, ну, не улетай». И многоцветница доверчиво садится к нему на ладонь, невесомо распахнув бархатистые крылышки.

У истока все изначальное: первая электролиния на деревянных столбах, первая запруда сверкает зеркальцем — в отличие от безбрежий рукотворных морей Камы, трижды перехваченной плотинами ГЭС. Первым корабликом плывет вниз по ручью листочек. От истока Кама пробивается к северу, а в районе Чердыни поворачивает, направляясь на юг, и становится судоходной, сплавной, общей протяженностью до слияния с Волгой более двух тысяч километров.

А начинается вовсе просто — родником в овражке, у деревни Карпушата. К нему приходят обыденно с ведрами за водой, а мы старались подсмотреть, додумать, открыть для себя какую-то особую значимость Камского истока. Он условно отмечен на карте, его, конечно, нет на глобусе. Но исток останется в памяти каждого из нас.

Мы пошли на почту в село Кулиги рассылать телеграммы: «Достигли истока Камы». Ведь не каждому доводилось одновременно стоять на левом и правом берегах и напиться живительной водицы из малого родника — истока реки Камы.

КАМГЭС

Покоится Камское море
под толщей крещенского льда.
Но, точно кузнечики в поле, —
под током трещат провода.
Достойная рук исполина,
громадою всей,
изнутри
гудит, содрогаясь, плотина,
а ниже плотины —
смотри:
дымится клокочущий хаос,
вскипает до жутких глубин.
Несется вода,
задыхаясь
от бешеной воли турбин.
Работы дыханье парное.
Бросается Кама в разгон.
И нет ей ни сна, ни покоя
в седой водоверти времен.
Над пенной пучиной я думал,
былинной стихией дыша:
ликует
или негодует
природы живая душа?

И. Ежиков

ПО ГОЛУБЫМ АРТЕРИЯМ ПРИКАМЬЯ

О черк

Ненастье в сентябре было таким затяжным и на редкость постоянным, что уже и не верилось в какой-то просвет в небесах. И все же в то утро мы собрались в аэропорту Бахаревка. По взлетному полю клубился

туман. Диктор объявлял об изменении времени вылета — по метеорологическим условиям. Но небо, к счастью, стало проясняться, и мы очень надеялись, что нам удастся отправиться в свой необычный рейс.

Наконец из диспетчерской вышел командир экипажа, заместитель командира эскадрильи сельскохозяйственной авиации Юрий Михайлович Новиков. Быстрый в движениях и скупой на слова, он, признаюсь, сразу понравился нам, может быть, тем, что коротко бросил на ходу: «Летим...» И наша небольшая группа направилась к самолету Ан-2.

Едва колеса оторвались от взлетной полосы, как все мы, участники инспекционного полета, прильнули к иллюминаторам, чтобы уже не отводить глаз от проплывающей внизу земли, берегов Камы и Камского водохранилища, других речек, отмеченных в нашем маршруте. Собственно, это и была основная задача: смотреть в оба!

У тех, кому государство доверило заботу о Каме и сотнях других рек Урала, много добровольных помощников на всех предприятиях, среди членов общества охраны природы. И число их с каждым годом растет. Но, учитывая масштаб работы и многочисленность водоемов, расположенных на обширной территории Прикамья, Камскому бассейновому территориальному управлению по охране вод предоставлена возможность использовать и авиацию.

Среди участников инспекционного полета были, как обычно, представители Пермской гидрохимлаборатории, инспектор Камско-Уральского бассейнового управления по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства Камуралрыбвода. Вот только журналист, пожалуй, летел с ними впервые.

Берем направление на Юрлу, чтобы осмотреть хозяйства сплавщиков на Камском водохранилище, в устье Обвы, потом полетим до Гайн, а оттуда — в Усть-Черную. Объединение «Веслянылес» просило принять после зачистки от древесины реки Руч и Утьву. Правда, небесная канцелярия все же скорректировала нам план. Погода ухудшалась, и первую посадку мы произвели в Керчево.

Молевой сплав на реках Урала долгие годы был очень распространен. В семидесятые годы молевой лес сплавливали по ста пятидесяти речкам. И нет ничего уди-

вительного, что дно многих из них постепенно стало деревянным... В 1986 году таких рек у нас, на Западном Урале, осталось двадцать девять.

Камское бассейновое управление по охране вод и Камуралрыбвод работают рука об руку. Государственный районный инспектор рыбоохраны Владислав Федорович Турицин, биолог по образованию, много лет посвятил охране рыбных богатств, работал на Камчатке и в Кировской области. Знает и Каму. Не раз мы говорили о былом рыбном богатстве реки. Еще до революции известный зоолог Л. С. Берг составил список рыб бассейна Камы. Ученый назвал свыше тридцати пяти видов: белуга, стерлядь, севрюга, сельдь, форель, красуля (таймень), белорыбица, хариус, сазан, карась, линь, голавль, плотва, красноперка, сом, щука, вьюн, голец...

Некоторые из них, к сожалению, исчезли. Не увидишь белугу, севрюгу, белорыбицу. Но большинство других видов рыбы в бассейне Камы все же сохранилось. Другое дело — в каких количествах...

Инспектор не отрывал глаз от окошечка, заботливо протертого им еще перед посадкой в самолет. Мы летим над Камским водохранилищем, и мои спутники обмениваются репликами, покачивая головами. Их можно понять. В бесчисленных изгибах береговой линии, в заливчиках на протяжении десятков километров много разнесенной древесины, которая наносит большой ущерб и водохранилищу, и речному флоту, и рекам, и всей их рыбе.

Сплавщики Камы в большом долгу перед природой, перед речниками Камы и энергетиками. Простой и ремонт судов, вышедших из строя от столкновения с аварийной древесиной, составляет сотни часов. Громадные убытки — до 300 тысяч рублей в год — несет и коллектив Камской ГЭС. Скапливающаяся у плотины древесина оказывает дополнительное давление на решетку перед турбинами и засоряет ее. Снижение напора воды древесиной не дает полную нагрузку турбинам. Из-за этого Камская ГЭС ежегодно недопроизводит миллионы киловатт-часов электроэнергии.

Но мы бы очень погрешили против истины, если бы адресовали эти упреки только сплавщикам. Грехи тянутся с тех давних пор, когда еще не плескались волны Камского моря, а только готовилось его ложе. Готовилось оно, надо сказать, слишком торопливо и не по-хо-

зайски. Вырубленный в зоне затопления лес весь вывезти не удалось. Пучки древесины привязывали к пням. Вода подняла их и тут же разметала так, что и до сих пор не удалось все собрать и зачистить берега. А сколько по тем же берегам, на мелководе, в недоступных местах рассеяно пней, коряг, просто древесного хлама, к которому сплавщики не имеют никакого отношения и, конечно, не собирают. Но эту неприглядную древесную кайму, ясно видную с высоты птичьего полета, постоянно отравляющую, загрязняющую камскую воду, давно бы пора убрать.

Теперь, когда на уральских рукотворных морях определен наконец хозяин — создано Управление Камского и Воткинского водохранилищ, — появилась реальная возможность объединить и скоординировать усилия всех пользователей реки, чтобы навести на водоемах должный порядок, что и делается уже.

А кто наведет порядок на реках, впадающих в водохранилища? Ведь они тоже захламлены. Сорванные половодьем временные переправы, ограды, упавшие деревья, столбы — чего только не увидишь на реке в дни весеннего паводка. И можно ли все списывать на стихию?

И здесь, думаю, не сказали своего веского слова сельские и поселковые Советы народных депутатов, руководители колхозов и совхозов. Ведь не только хлам, но и порубочные остатки с лесных участков, и минеральные удобрения, и многое другое по-прежнему попадает в водохранилища.

На берегу Обвы мы увидели грязно-белый холм из удобрений, подступивший к самой воде. Для кого же принимаем мы законы о защите природы?! Просто поражаешься моральной глухоте многих хозяйственников. Теперь она не останется безнаказанной. И все же «Камуралрыбвод» бьет тревогу: в местах выгрузки минеральных удобрений, а также там, где пахотные земли подступают к самой воде, промысловый лов рыбы за последние десять лет сократился вдвое. Но если не встревожит вас эта статистика, может, все-таки встряхнут душу, пробудят ее строки из повести Авенира Крашенинникова «Далекий горизонт»:

«В ликовании солнца плыли в разные стороны, белея брюхом, огромные рыбины. Или вода под таким углом преувеличивала их размеры, или в самом деле было

так. Иные переворачивались на бок и с жадным иступлением двигали створкой жабры, цвет их тогда становился черный с бронзовыми отблесками. Но дальше зрелище стало совсем неопишваемым. Высунув черные горбатые спины, точно обхватив от безумной боли головы плавниками, кругами, кругами носились на самой поверхности десятки полумертвых рыб. Некоторые вдруг закрывали эти круги смертной пляски, устремлялись по прямой, выставив наружу, на гибельный воздух, широко отверстую пасть, снова восставали и, потеряв направление, вертелись на месте. Чайки их не трогали, нигде не было слышно их хищного мяуканья, не было видно угловатого росчерка их крыла...»

Нужно родиться на Каме, чтобы так рассказать о сердечной своей боли. Но ведь те, кто насыпал ядовитые холмы по ее берегам, тоже родились на Каме. Им тоже здесь жить и умирать.

Пролетаем над Иньвенским сплавным рейдом. Акватория его сильно засорена разнесенной древесиной, а ниже рейда на многие километры тянется вдоль берегов деревянная каемка. Неприглядная картина. А ведь кончается сентябрь.

Увидев все это своими глазами, без компьютера понимаешь, насколько мы расточительны, как робко подступаемся к решению неотложной задачи — тщательного и полного сбора рассеянной древесины.

Государство взяло водоемы под защиту, выделив большие средства на проведение крупных водоохраных мероприятий, только мы не очень спешим воспользоваться этой помощью.

А под крылом уже плыла бурая и красноватая земля, бесконечные вырубki, перемежавшиеся с березовыми и осиновыми колками. На бывших волоках — следы-шрамы от трелевочных тракторов. Редкие, почти эфемерные клочки тумана лишь подчеркивали особую прозрачность воздуха, щемяще-пронзительную в пору бабьего лета. Батюшки, что творилось внизу! Холодный пожар увядающей листвы пылал до самого горизонта. А вот и делянка молодого ельника; в самом центре его, как флаг, — рваное пламя осин. Потянулись нескончаемые болота, словно припорошенные сединой. Островки ельничков высланы серебристыми коврами лишайников.

Садимся в Гайнах. Здесь нас ждали представи-

тель Гайнского райисполкома, главные специалисты объединений «Веслянылес» и «Гайнылес», которые будут предъявлять комиссии Утьву, Руч, Лупью, Леман, Лель и Сошь.

Командир самолета прошел в диспетчерскую, чтобы уточнить возможность посадки в Усть-Черной или Серебрянке. А у кромки летного поля сам собой завязался короткий разговор.

— Авиация — дело хорошее, — сказал председатель комиссии, поглядывая в небо, — да уж очень ненадежное.

— В эти бы края на неделю, да на лодке, — подхватил Турицин.

— С «Ветерком»? — улыбнулся один из лесозаготовителей.

— Можно и с «Вихорьком».

— Не выйдет. Мешок шпонок придется брать, да и того не хватит: обмелели наши речки...

Речки Руч и Утьва причудливо извивались среди зардевшегося подростка. Кое-где на крутых красных берегах белыми костями легла береза. Ее много. Даже на вырубленных делянках рябит в глазах от белых стволов. Будто прошло здесь стадо медведей, с корнями вырвали и разбросали сотни деревьев. Но это не мишкина работа, не ветролом, а дело человеческих рук. Кто и когда соберет разбросанную повсюду, похороненную на заброшенных плотбищах березу, которую ох как ждут пермские фанерщики, деревообработчики многих районов страны?

Кружась над лесными речками, мы увидели относительно чистые русла. Да и у берегов почти не было рассеянной древесины.

Между тем, очистка таежных рек — дело непростое и хлопотное. На некоторых из них после сплава остаются многие сотни кубометров деловой древесины. Чтобы собрать ее, приходится производить значительные затраты — до трех рублей за кубометр. Такие средства леспромхозам выделяются. И дело лишь за тем, чтобы своевременно и качественно выполнять работы. Ведь речь идет не только о том, чтобы сберечь каждый кубометр уральского леса, но и о том, чтобы оставить потомкам живые реки с чистой водой.

Реки комиссия приняла. Зачистка была проведена неплохо. Но у меня из головы не выходил разговор с

лесозаготовителями о мешке со шпонками, об обмелении речек. Да и как им не мелеть, если по берегам, вспаханным гусеницами тракторов, порой не виден даже подрост. Разве не знают в этом лесном краю о постановлении Совета Министров РСФСР об отведении по берегам рек водоохранной неприкосновенной лесной полосы шириной от двухсот метров до километра? Оно прямо относится к десяткам наших рек, в том числе к Весляне и ее притокам. Знают, конечно, но нарушают.

Кто поправит дело? Неужели так и останутся лысыми берега лесных речушек? Или мы не хотим обернуться, посмотреть на содеянное, осмыслить его последствия? А может быть, уже есть ответ на этот вопрос? Ведь нельзя же ждать, а тем более переступать ту роковую черту, когда песок начнет перехватывать малые русла, перерезать артерии и капилляры, питающие Каму.

Самолет снова садится на травяное поле Серебрянки. У кромки поля томились в ожидании самолетов пассажиры. Двух больных командир взял на борт. У одного из них, бывшего работника леспромхоза, открылась фронтальная рана. У другой пассажирки был перелом ноги. У них свои переживания, своя боль. И мы пожелали им скорейшего выздоровления. Им, коренным жителям этих таежных мест, знакомо беспокойство, которое привело нас сюда. Как сохраняют они изумительный естественный уголок природы, где уже создан Тымшарский заказник? Что они вырастят на Шордынских болотах, осушаемых мелиораторами?..

Мы возвращались в Пермь. Экипаж будто не чувствовал усталости, а нас за весь день уже изрядно укачало. Но инспекторы все так же зорко всматриваются в иллюминаторы. Когда летели над водохранилищем, Турицин, оторвавшись от окошка, попросил командира сделать круг над водой недалеко от устья реки Нижний Лух. Внизу, увидели мы, на десятки метров расплылось радужное пятно отработанных нефтепродуктов. Трудно, конечно, сразу установить, кто на этот раз нарушил жизнь реки, причинил ей ожог. С небес не увидишь. Но тревожный сигнал не оставил равнодушными никого из участников необычного полета. Чтобы навсегда исчезли с зеркала Камы зловещие пятна нефти, и несут свою неусыпную вахту эти беспокойные и мужественные люди....

У Камы я живу.
Она своим дыханьем
то вдруг цветы погубит на балконе,
то вдруг детей моих простудит,
то разобьет окно...
И я в сердцах иду ругаться с нею!
Но ветер и песок мне закрывают рот.
Ну что ж, ну что ж, великая река!
Я от тебя уехать не спешу.
Ребенок мой за первым словом «мама»
стал слово «Кама» внятно говорить
и просит поминутно,
чтоб ставил я его на подоконник,
где он таращит на нее глаза,
все повторяя: Кама, Кама, Кама...
И это слово,
сказанное славно
молочным ртом родного существа,
становится таким не грозным.

Владимир Рутковский

ТРАП

Мой древний предок первым наступил
На эти неоструганные доски...
Попутный ветер Каму ворошил,
И шар земной казался людям плоским.
Трап до сих пор и прост и невелик —
Два метра между бортом и причалом,
Но дальним рейсам, как реке родник,
Он служит и истоком, и началом.
Листало время календарь веков,
История вытачивала песни,
Рождало человеческих сынов...

И вот на трап ступает мой ровесник,
Последний раз взглянув на колоски
И на прощанье поручни потрогав,
Как древний предок, сбивший три доски,
Перед большой, неведомой дорогой.

НОЯБРЬ

Лед затянул речушки и заливы,
Заторы громоздятся у Гольян,
На Вишере смолкает Говорливый,
Шлюзуется последний караван.
Над Чусовой заиндевели елки,
Балует ветер ветками берез...
Но все еще «на проводе» Соколки,
Еще не сладил с Камою мороз.
Ноябрь уже метельным снегом веет,
Взлохмачивает пену облаков,
Но Кама все отчетливей темнеет
Среди крахмально белых берегов.
Пускай зима сковать ее грозитя —
И в непогоду Кама хороша,
Вся, от широт, где с Волгою роднится,
До родников далеких Карпушат.

СКВОЗЬ ЛЬДЫ...

(Из путевого дневника)

«...Утверждают: в миг смертельной опасности человек успевает припомнить все значительные, дорогие события своей жизни. Возможно. А если сама опасность еще не осознана?

Плавно, как в замедленной киносъемке, вместе с отколовшимся льдом погружаясь в воду, я не успел подумать ни о чем возвышенном, значительном. В голове мелькнула дурацкая растерянная мысль: «Как бы шапку не замочить...»

И когда штурман Володя, вытащив меня из полыньи за шкирку, вежливо поинтересовался, не испугался ли я, ответ был честным: не успел. Главное — шапку не замочил.

«Ты как дедушка Мазай, — подтрунивал после Володи. — Кролика спасал. Будь у тебя на голове выдра или бобер, ты бы о них и не подумал, умеют плавать. А десятирублевый кролик — увы...»

Пока по трапу вскарабкался на борт «Пропагандиста», одежда моя успела схватиться ледком. В каюте переоделся в сухое. Володя привел фельдшера Виктора, именуемого на судне «доктором». Привычным жестом поправив очки, Виктор извлек склянку со спиртом.

— Растирайтесь, а то схватите воспаление легких.

Штурман не преминул подначить:

— Содержимое «вотрем», склянкой разотремся. И никаких простуд. Проверенная методка...»

Прочитал эту, открытую наугад, страничку своего старого блокнота и словно заново пережил невольное крещение в ледяной купели северного завоза. Вспомнились сразу невысокий крепыш капитан Владимир Семенович Зобачев, штурман Володя — Владимир Алексеевич Пермьяков; доктор, радист и киномеханик Татьяна. Словом, многие, с кем на агитационном теплоходе «Пропагандист» прошли мы более тысячи ледяных километров по Каме от порта Левшино до реки Весляны и обратно, и те, с кем подружился в других рейсах, на других судах.

Вспомнился северный завоз...

Когда с верховий
реденькие льдины
плывут, дробясь на миллиарды звезд,
кильватерною стаей лебединой
суда уходят
в северный завоз.
Игольчатого льда звенящий шорох.
Река ведет нас к северу,
в тайгу,
где в леспромхозах дальних,
в сплавконторах
ждут соль, патроны,
фрукты и муку.
Клубятся по утрам бугры тумана,
как чудища, топырьсь из воды.
Плохая сводка:
около Тамана
сплошные льды стоят,
сплошные льды.
И за штурвалом хмурится товарищ:
ледовый путь медлителен и крут...
До полюса
торосы
протаранишь,
коль скажут,
что тебя там
люди ждут.
Вершины леса — с палубою ровень.
Плывет машин вибрирующий гул.
Лед у бортов алеет, как от крови,
сдирая краску
с пароходных скул.

«28 апреля. Ледокол «Кама» пробил путь для первого каравана, ушедшего в верховья четыре дня назад, и возвратился за нами, застрявшими на подходе к Таману. Судов много: теплоходы «Бийск», «Криуши», «Мензелинск», «Феодосия», пароходы «Одинцов», «Карбышев», «Буран», несколько плотоводов и катеров, наш «Пропагандист». Утром радистка приняла сводку. Известие не радует. Вода прибывает медленно. Ширина ледяного зеркала на водохранилище свыше пятнадцати километров, а длина — под пятьдесят. Ничего себе язычок!

Солнце яркое, смотреть на переливы ледяного поля — глазам больно. Поневоле глядишь вперед, в черное разводье, остающееся за идущими кильватерной колонной кораблями. Наверное, сверху караван напоминает сильно растянувшийся утиный выводок с ледакольной «мамой-уткой» во главе. В узком ледяном коридоре талый запах густо перемешан с дымком дизельных выхлопов. Из-за подвижки льдов караванный след затягивается на глазах. Даже с мостика слышно, как шуршит о борта лед, крошится и катится с шелестящим звоном игольчатые льдинки, выброшенные волной на цельное зеркало.

До Тамана дошли без особых приключений. Правда, обслуживая на ходу «СТ-303», благодаря стараниям их рулевого, сели на мель. Наш капитан Владимир Семенович в мегафон весьма громко и неодобрительно высказался о его способностях. Пока крутились, самостоятельно снимаясь с мели, караван ушел. Часа через полтора присоединились к нему. И тут сели на мель вместе с буксируемыми баржами «Гаврилов» и «Озерный». Высвободить их смогли только к вечеру.

Заночевали в Тамане, вместе с другими судами прикnuвшись к берегу. Подготовили «молнию» о вручении пароходству переходящего знамени Министерства речного флота, провели для нескольких экипажей творческую встречу, показали кино...»

Мало кто представляет себе работу агитсудов, культуры флота, ее необычность, сложность и величайшую необходимость. В любую непогоду, с весны до глубокой осени, спешат по реке сухогрузы и нефтеналивные суда, мощные буксиры надрывно тянут тяжеленные плоты. Работа — круглые сутки.

И очень ждут речники, когда пришвартовываются к их судам катер «Маяк», теплоходы «Пропагандист» и «Агитатор». Они привозят письма и свежие газеты, лекторов и артистов, кинофильмы. Ведется и политико-воспитательная, и культурно-просветительная работа. Действительно, если рабочий после заводской смены может пойти на концерт, в театр, в цирк, то куда пойти в период навигации, скажем, команде плотовода, не имеющей в течение долгих рейсов возможности сойти на берег? И пусть у тебя на творческой встрече всего пять-семь слушателей, но зато каких слушателей — благодарных, заинтересованных!

«30 апреля. Вышли в пять утра. Развезли почту на

все суда, ранее отправившиеся. Как лихо наш штурман Володя швартуется на ходу! Вой сирены, через борт летит чалка, и, почти не сбавляя хода, — швартовка. Даже не качнет, лишь кранцы заскрипят.

В десять тридцать миновали Березники, через час дотопали до Соликамска. На болотистом берегу, справа по борту, дымящиеся трубы, горы отработанной породы. Лед почти не донимает, впереди чисто. Но чисто лишь от льда! Много бревен, топляков, мелкого мусора. Вода коричневая, мутная, цвета кофе, которым нас неизменно потчует по утрам кок Галя. Штурман пообещал научить нас пить кофе по-турецки. «Как это?» — спросил доктор. «Очень просто: пить Галин кофе, только сидя — ноги калачиком».

Почти все «СТ» стали из-за поломок двигателей. Бревна заклинивают винт, и судно начинает волчком крутиться на месте. Мы идем, как по трассе слалома, увертываясь от топляков. Все же поймали один. Руль заклинило, нет левого поворота. Боцман вместе с рулевым-мотористом Николаем баграми пытаются выбить занозу — ни в какую. Николай скинул промасленную куртку свою с деликатной самодельной надписью на спине «Не стой над душой» и полез за борт. Да, купель у него похлеще, чем в моей полынье. А каково матросам на крутящихся «СТ»?

...В двенадцать часов пришли в Тюлькино. Команда должна здесь получить зарплату, отовариться в плавмагазине. Пошли искать подарок капитану: у него сегодня день рождения. Для кэпа написали песню, тайком разучили ее, вечером исполним на «Голубом огоньке» в честь Первомай и нашего капитана».

«1 мая. Вчера жгли на берегу костер. Дрова сырые, пришлось плеснуть солярки. И получились у нас картофельные печенки с соляжкой. День пасмурный. И все равно праздник чувствуется. Все относительно принаряженные — по холодной погоде. Давно уже не ощущается подпора Камского моря, течение сильное. И не поверишь, что это наша тихоня-река. Встретили первый плотовод, ушедший из Керчева. Ночевали выше Керчевского рейда...»

Первый плот. В августе мне снова довелось работать на агитационном судне, но уже в низовьях Камы, у Чистополя. И встретился нам плотовод, тянущий за собой зазеленевший молодыми побегами плот. Не тот ли, пер-

новых фильма, потом наша «радио-Таня» допоздна гоняла магнитофон. Музыка. Праздник. Костер на берегу».

Горел костер на склоне ночи белой,
и отражался свет его в реке.
Лось вышел на огонь

и оробело
попятился, и запропал в тайге.
Да был ли он, возникший на мгновение,
исчезнувший подобно странным снам?
А вдруг не лось —

минувшее виденье
в лосином облике явилось нам?
Давно ль, кляня медвежий край угрюмый,
держась за юбку синюю реки,
здесь пробирались данники Кучума —
коварные сибирские князьки?
Не ко благой молитве,
не к вечерне —
к сражению звал русичей набат.
Надолго ощетинивалась Чердынь
щетиной пик, рогатин,

алебард.
Так кто оплатит и князькам, и хану
за твой разор, родимая земля?
За муки и бесчестье полонянок,
за все твои сожженные поля;
за кузни, солеварницы и избы,
что в головешки превратил огонь?!
Горел костер,

и сыпал в небо искры,
как будто бил копытом вещей конь.
И новый день, стремительно вставая,
пустил по Каме плавать облака.
И шли они, к верховьям уплывая,
похожие на струги Ермака.

«3 мая. По радиосвязи получили распоряжение от-правляться вниз. У Пернаягского перевала, где Кама под острым углом поворачивает влево, вода несется осатанело, ощутимо сносит теплоход к правому берегу, поросшему молодыми березками и сумрачными старыми елями. Там приткнулся рейдовый буксирный теплоход РБТ-170. С утра дождь, и маленький трудяга буксир

выглядит печально и забыто. Четверо начинающих бородачей — его экипаж — варят на костре ушицу. К сосне привален мокрый сак, дальше — сушится вентерь. Тут, вдали от населенных пунктов, мужичкам жить и работать больше месяца, «до полного отрастания бород», как уточнил один из них.

Экипаж подстраховывает идущие с верховий плоты: бешеное течение может разнести любой плот в щепки...»

Экипаж буксира радовался письмам и свежим газетам, с неподдельным интересом слушал лекцию, смотрел кино. Вроде бы — ну что выкладываться для столь малой аудитории! Но разве забудешь сияющие глаза бородачей, встретившихся со свежими людьми! Разве забудешь их радость из-за такой вроде малости, как возможность отправить родным открытки к Дню Победы...

«4 мая. Вчера повар Галя пожаловалась капитану, что кончается хлеб и перейдем на сухарики. Владимир Семенович решил зайти через канал в озеро, на берегу которого стоит поселок лесорубов и сплавщиков Кебраты. Теперь мы с хлебом, да каким еще душистым.

Чем еще отличается северный завоз от прочих рейсов? Тем, что служба пути не расставила свои буи и бакены: льдом все равно сорвет. И поэтому суда без локопоров могут идти только днем, чтобы не напороться на мель. Добираться в низовья будет, конечно, проще: служба пути трудится старательно, лишь бы скорее растаял лед на водохранилище.

Сегодня наш кэп Владимир Семенович Зобачев лихо доказал, что пропагандировать можно не только словом. «Плотовод-605» шел мимо Гайн, а мы вставали на обслуживание сухогруза. Течением конец плота изогнуло, понесло на сухогруз и на стоящий на якорях плавающий кран. Кэп скомандовал отдать швартовы и двинул «Пропагандист» навстречу плоту. Хоть для буксира, признаться, наш теплоход приспособлен не очень. Захрустели связки бревен, плот от берега отжали. И тут нос теплохода подмял бревна, «Пропагандист» вылез на плот, накренился. Капитан побледнел и дал «полный назад». Сползли. А могли бы перевернуться.

7 мая. Охота домой. Холодный-холодный дождь. В каюте — зуб на зуб не попадает. Сломалась «Чешка» — малый дизель, снабжающий судно теплом и энергией. Бриться нечем: нет горячей воды. Доктор решил

отрастить бороду. Молодец. В такую холодину занимается, зубрит, намерен нынче поступить в медицинский институт. И поступит. Механик с мотористами перебирают дизель. Когда-то закончат? У нас в стенгазете появились стихи:

Мы прошли через льды и мели,
знаем всякое, черт возьми,
и мечтаем в конце недели
очутиться в родной Перми.

Да, неплохо бы. Надо идти вниз: на девятое мая в Тюлькино рандеву с «Агитатором». Пересаживается наша агитбригада туда и — вниз. А от Тюлькино до Левшино всего двести шестьдесят километров — шестнадцать часов ходу, если не будет тумана...»

Я читал старые записи и думал о судьбах своих добрых товарищей по северному завозу. Штурман Владимир Алексеевич Пермьяков теперь — капитан «Пропагандиста». Нашему кэпу — Владимиру Семеновичу Зобачеву — врачи запретили ходить в плаванье из-за болезни, но с флотом он не расстался, работает в Заозерье. Фельдшер Виктор, «доктор» — закончил медицинский институт, стал врачом-терапевтом, уехал по распределению в Тюмень. Веселая гитаристка, неунывающая «радио-Таня», вышла замуж и вместе с мужем, капитаном катера, трудится на Нижней Каме...

Многое изменилось за эти годы. Но прежней остается Кама, и не становится меньше любовь к ней, любовь тех, кто жизнью своей и судьбой прикипел к ее нелегкой, но славной судьбе реки-труженицы, реки-кормилицы.

ЧЕХОВ НА КАМЕ

Река бурлила недовольной плотью,
Плевалась в проплывавшие плоты.
На встречной барке лоцмана лохмотья
Вопили о всевластьи нищеты.
Вода была коричневой от глины,
Весенний ветер сыростью пропах.
Еще белели снежные плешины
На голых — тоже нищих — берегах.
Но коль Урал в своей безгласной шири
Еще богоспасаем и хвалим,
То что там, за «воротами Сибири»?
И где твое начало, Сахалин?
А с крутизны собор глядел с опаской,
Насторожив свои колокола,
На Каму, что бурлацкой опояской
У города торгового легла.
Не развиднялось. Мелкий дождик крапал.
И человек, начало всех начал,
С кулями соли пробежал по трапам
И, кажется, дождя не замечал.
И открывалась пристальному глазу
Реки непокоренная краса.
И уж не дождь, а чистые алмазы
На Чехова роняли небеса!

ПРИЕХАЛИ ФИННЫ

Под утро —
слабенький
стук у дверей:
— К нам финны,
бабоньки!
Скорей на рейд!
Шкафы все —
настежь,
летают платья.
— К лицу мне, Настя?
— О-ох, ладно, Катя!

А солнце — выше,
жжет
 соком вишенным.
На берег вышли —
как шелком вышили,
березок краше,
цветов цветастей
Маруси,
 Глаши
 и Анастасьи.
Их видел в деле
речной простор.
— Ох,
 что надели? —
кричит парторг.
— Эх, работа жаркая,
эх, оплата сдельная,
замочить
 не жалко мне
туфельки модельные!
Выводят
 бревенки —
с багром,
 как с посохом,
в сапожках новеньких
идут,
 как посуху,
глядят
 невинно,
бровь
 не прихмуривают.
В сторонке финны
стоят покуривают.
Толк знают сами
в любом заломе —
не здесь,
 на Каме,
а там,
 в Суоми.
Стоят и сетуют,
покорены:
— Эх, нам бы этаких!
— Самим нужны!

КАМА

Не безответною и сонною,
Не просто мимо протекла —
Она хозяйкою законною
В твою судьбу, Урал, вошла.
Той работающею молодкою,
Кем держится в достатке дом,
Кто может злою быть и кроткою,
А все же ставит на своем.
Но лишь с делами поуправится
И улыбнется между дел,
Ты так и ахнешь: «Ведь красавица!
Ну как ее не разглядел!»
Такою Кама мне и помнится —
Не в блеске гроз, не в хрусте льдов,
А тихую рекою-скромницей
В огнях уральских городов.
С верхов лесными захолустьями
Бежит, начав нелегкий труд.
Таежные речушки устьями
К ней, как устами, припадут.
Блестит на отмелях и камушках,
Но все раздольнее река,
И вот она уж Кама-Камушка,
Щедра, душою широка!
Сбежались к ней по обе стороны
Поля у каждого села.
Не бойтесь, всем достанет поровну
Ее сердечного тепла!
Минуя заводи и старицы,
В затонах стронув корабли,
Она взрослеет, а не старится,
Сил набираясь от земли.
Плоты несла, в турбины падала,
Серчала, поработав всласть,
И, брызгами осыпав палубы,
Бушуя, в море разлилась.
И вновь течет река-красавица,
Вздымая грузные суда,
Туда, где с Волгою братается
Ее гудящая вода.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
А. Домнин. Сказ о Каме	4
В. Михайлюк. От истоков...	6
А. Решетов. «Мне в белые ночи уснуть тяжело...» Дума о Ермаке. <i>Стихи</i>	9
Г. Солодников. Ветеран. <i>Очерк</i>	10
А. Спешилов. На погрузке. <i>Стихи</i>	22
М. Бояршинов. Памяти Маркина. <i>Стихи</i>	24
О. Селянкин. Тихоня. <i>Рассказ</i>	25
Н. Домовитов. Капитан катера. Белый пароход. «Снова осень встречать на Урале...» <i>Стихи</i>	33
И. Лепин. В верховьях. <i>Хроника одного плавания</i>	35
Б. Михайлов. Плоты плывут. <i>Стихи</i>	64
М. Голубков. Вода и берега. <i>Миниатюры</i>	65
В. Каменский. Вечер на Каме. <i>Стихи</i>	74
И. Тюленев. Речной вокзал. <i>Стихи</i>	74
Р. Белов. Помнит Зеровых Кама. <i>Очерк</i>	75
А. Гребенкин. На лесосплаве. «Коль в том появится нужда...» <i>Стихи</i>	108
А. Крашенинников. Любовь неугасимая. <i>Повесть</i>	110
Н. Субботина. Река. <i>Стихи</i>	148
В. Болотов. Река и женщина. <i>Стихи</i>	149
А. Клёнов. Ливень. <i>Стихи</i>	149
Э. Меньшикова. Утренний этюд. <i>Стихи</i>	150
Б. Ширшов. Северный завоз. <i>Стихи</i>	150
И. Закиров. Сплавщики. <i>Очерки</i>	151
А. Бузмаков. Срочный ремонт. «Лишь только осень за- шумит в краю... Напутствие. <i>Стихи</i>	165
Н. Чернец. «Пойду живой землей...» <i>Стихи</i>	166
Ф. Востриков. «Величаво плывут теплоходы...» <i>Стихи</i>	167
Л. Давыдичев. В затоне. Никифоров. <i>Рассказы</i>	167
В. Белов. Туман. Зима в затоне. <i>Стихи</i>	175
А. Тумбасов. Берег левый, берег правый. <i>Зарисовки</i>	176
А. Гребнев. Камгэс. <i>Стихи</i>	186
И. Ежиков. По голубым артериям Прикамья. <i>Очерк</i>	186
Г. Митягин. «У Камы я живу...» <i>Стихи</i>	193
В. Рутковский. Трап. Ноябрь. <i>Стихи</i>	193
М. Смородинов. Сквозь льды... <i>Из путевого дневника</i>	195
В. Радкевич. Чехов на Каме. Приехали финны. <i>Кама</i> . <i>Стихи</i>	203

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИКАМЬЕ

Сборник стихов, рассказов,
очерков о Каме
и ее тружениках

Зав. редакцией А. Лукашин
Редактор Н. Гашева
Художественный редактор С. Можаяева
Технический редактор В. Чувашов
Корректор Г. Черникова

ИБ № 1797. Литературно-художественное издание
Сдано в набор 25.08.88. Подписано в печать
16.12.88. ЛБ02165. Формат 84×108¹/₃₂. Бум.
тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать вы-
сокая. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 11,24.
Уч.-изд. л. 11,233. Тираж 5000 экз. Заказ № 570.
Цена 75 к.
Пермское книжное издательство, 614000, г. Пермь,
ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2
управления издательств, полиграфии и книжной
торговли, 614001, г. Пермь, ул. Коммунистиче-
ская, 57.

Л64 **Литературное Прикамье:** Сборник стихов, рассказов, очерков о Каме и ее тружениках / Сост. М. Смородинов. — Пермь: Кн. изд-во, 1989. — 205 с.

ISBN 5—7625—0126—4

В книгу вошли произведения пермских писателей и поэтов, а также стихи речников Камы.

Л $\frac{4702010206-15}{M152(03)-89}$ 38—89

ББК 84(2)7

75 к.

